Ян Линдблад

С
З В
Ю

БЕЛЫЙ ТАПИР

Издательство
«Мир»
Москва

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга известного шведского писателя-натуралиста, зоолога и кинооператора, рассказывающая об удивительных встречах с самыми разными животными — летучими мышами и росомахами, лаской и гигантской выдрой, капибарой и тапиром. Рассказы проникнуты огромной любовью к животным, редкой наблюдательностью, стремлением автора познать характер своих «героев» — будь то зверь или птица.

Для любителей живой природы.

- Ян Линдблад
  - Предисловие
  - Начните с белых
  - Зачем нам ручные животные
  - Галка Кай, голубь Колумб и сорока Якоб
  - Птицы-имитаторы и подражание птицам
  - Извивающиеся, прыгающие, порхающие друзья
  - Лес в моей комнате
  - Лисы и зов дебрей
  - Дети глухих ночей
  - Совы
  - Тролль из пещеры горного короля
  - Дневные хищники
  - Карликовая ласка Онгстрём и хорек Исабелла
  - Педро, орел с Епископовой горы
  - Фильм и ручные животные
  - Мои росомахи
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14

○ 15

Ян Линдблад
Белый тапир и другие ручные животные

Предисловие

Ян Линдблад принадлежит к числу людей, с раннего детства наделенных особым даром любви к животным. Эта любовь, перешедшая в жизненную потребность, в конечном счете и определила его судьбу, его будущее. Начав с белых мышей и аквариумных рыбок, Линдблад стал зоологом, писателем-анималистом, режиссером и оператором фильмов о животных. Мечты его детства обрели реальность: он получил возможность постоянно общаться с животными, рассказывать о них, бороться за защиту их от неразумных действий человека.

Интересно, что в последнее время такая судьба перестала быть чем-то необычным, уделом одиночек. Достаточно вспомнить имена Джеральда Даррелла, Джой Адамсон, Бернгарда Гржимека, Сверре Фьельстада, Иона Евера, Свена Йильсетера и многих других, кто пишет книги и делает фильмы о животных, чтобы убедиться в справедливости этого утверждения. Это явление по времени совпало с необычайно возросшим интересом к таким книгам и фильмам, однако его никак нельзя считать следствием роста рыночного спроса на произведения о животных. Не коммерческие, не конъюнктурные соображения толкают Яна Линдблада и тех, кого я перечислил, на путь писателя-анималиста. Я бы сказал, что рождение таких писателей — отражение и продукт коренного изменения в отношении к природе, к животным, которое четко прослеживается в последние два десятилетия. Оборотные стороны технической революции вынуждают человека, подчас совершенно бессознательно, искать разрядки в общении с природой. Но не для всех это реально, и книги, подобные книгам Даррелла или Линдблада, создают своего рода отдушину, иллюзию общения с природой, временную замену, снижающую нервное напряжение жителя современного города. В этом корни огромной популярности книг и фильмов о природе, и в этом их основное значение.

Не менее важно и воспитательное значение таких книг. Адресованные многомиллионным армиям читателей, они учат гуманному отношению к природе, помогают понять ее сложность, рассказывают о бедственном положении животных, способствуют постижению непреходящей красоты окружающего нас мира.

Судьба Яна Линдблада сложилась непросто. Будучи тяжело больным ребенком, он не сразу нашел свое место в жизни, и только огромная сила духа, умение работать над собой и многообразные способности позволили ему преодолеть, казалось бы, непреодолимые препятствия. Одаренность Линдблада

сказывается во всем — в оценке явлений природы, в некоторых методических новшествах, предлагаемых им для установления контактов с животными, в своеобразном писательском почерке. Не будучи профессиональным ученым, он очень верно трактует многие сложнейшие проблемы биологии, и, хотя с ним не во всем можно согласиться, его гипотезы заслуживают определенного внимания. Редкостная способность подражать голосам животных открыла Линдбладу совершенно новую область исследования, и сделанные им наблюдения по-настоящему ценны. Как писатель, Ян Линдблад предстает перед советским читателем впервые, но у себя на родине, в Швеции, он давно заслужил широкую популярность, и нет никакого сомнения в том, что и в Советском Союзе его книга будет принята с любовью и теплотой.

Линдблад — человек несколько необычного склада характера. Он считает животных, и человека равноправными обитателями планеты и горячо протестует против всякого вмешательства человека в дела природы, против какого бы то ни было ограничения по отношению к животным. Любое посягательство не только на жизнь, но и на свободу животного Линдблад расценивает как проявление «извращенных» чувств. Едва ли нужно говорить, что подобную точку зрения нельзя считать общепринятой. Спортивная охота составляла и будет составлять потребность человека, и с этим нельзя не считаться. То же самое следует сказать и в защиту ловцов животных: ведь далеко не каждому удается построить жизнь так, чтобы общение с животными стало профессиональным занятием. Для большинства людей возможным оказывается только общение с животными, лишенными свободы. Кстати, сам Ян Линдблад постоянно прибегал к этому способу общения. Другое дело — как устроить жизнь животного дома, и здесь Линдблад несомненно прав: зверя или птицу можно брать только тогда, когда есть полная гарантия их благополучия. Это, между прочим, стало правилом при организации по-настоящему современных зоопарков.

Не совсем верными кажутся и представления Линдблада о причинах оскудения животного мира. Он винит звероловов и браконьеров и строит довольно пессимистические прогнозы. Слов нет, браконьерство огромное зло, однако несравненно большую роль в сокращении численности животных играют такие факторы, как перестройка ландшафта во всех современных формах, загрязнение среды, рост плотности населения. По сравнению с этими явлениями браконьерство представляется известным анахронизмом, бороться с которым вполне возможно. Сейчас в общественном мнении и в законодательстве произошли такие изменения, мимо которых уже нельзя пройти. Ряды борцов за

спасение природы неуклонно растут.

Однако перечисленные недостатки ни в коей мере не умаляют достоинств по-настоящему интересной и нужной книги Линдблада. Превосходные портреты животных — птиц и млекопитающих, — нарисованные с истинным знанием и пониманием, прекрасные очерки биологии животных, сам подход автора к ним как к индивидуальностям, как к «личностям» — все это делает книгу интересной с познавательной стороны. Не меньшую ценность имеют и духовные, эстетические оценки Линдбладом его питомцев, заражающие читателя сочувственным отношением к любому животному. Автор неоднократно вступается за хищных животных, развенчивая миф об их кровожадности, дикости, жестокости. Борьба за спасение пернатых и четвероногих хищников — одно из труднейших звеньев в общей системе спасения животных, и книга Линдблада хорошее, действенное оружие в этой борьбе. Ведь чисто научных, академических доказательств недостаточно, чтобы погасить извечную вражду человека к хищнику, прямому пищевому конкуренту наших далеких предков. Только эмоциональное переосмысливание самой природы сокола, орла, росомахи или рыси может быть реальной поддержкой уже существующих сейчас почти во всем мире охранительных законов.

Книга Яна Линдблада «Белый тапир» заставляет человека по-новому взглянуть на многие стороны жизни животных, лучше понять сложность природы как единого целого и острее ощутить ответственность за сохранение животного мира.

В. Флинт

Моей матери

Начните с белых

Если дети страстно увлекаются животными, в этом нет ничего необычного. Гораздо реже их страсть разделяют родители, особенно взыскательные мамы, которым нужно, чтобы в доме было чисто, опрятно и ничем не пахло.

Осмотрительность при выборе родителей чрезвычайно важна. Тем более для детей, движимых властной потребностью печься о животных и их благе. Я быстро уразумел, что мне повезло в лотерее. Большинство мальчишек рано или поздно приносят домой белых мышей или черно-белых «танцующих» мышек[1] и спешат показать их самому близкому человеку, сиречь матери, уже перенесшей столько тяжких испытаний. Увы… Когда волна увлечении мышами впервые захлестнула меня и моих сверстников, многие, да что там — большинство матерей взбунтовались и велели своим отпрыскам немедля уносить обратно кандидатов в домашние животные.

Моя мать поступила иначе. Вскоре мы вместе любовались симпатичными «танцующими» мышками через стекло старого аквариума, мастерили домики из сигарных коробок и наблюдали жизнь — нет, десятки, сотни мышиных жизней на всех ступенях, от бесформенных красных комочков до сварливых, рассеянных, потешных, жестоких непоседливых существ, которые так неприкрыто демонстрируют любопытному и завороженному ребенку основные жизненные отправления.

Если говорить об интересе к животным, мои папа и мама всецело отвечали детскому представлению об идеальных родителях.

Дай черту мизинец, он всю руку заберет. То же можно сказать о настойчивых детях… За периодом «танцующих» мышек последовало много других «периодов». Мои товарищи с годами охладевали к животным, я — нет, и до сих пор, слава богу, не охладел. В разное время моя комната служила пристанищем для всяких существ и тварей, подчас довольно необычных для городской квартиры. Летучие мыши, змеи, беркут, филин, лисы и барсуки, хорьки и летяги — вот некоторые из доброй сотни видов, на которых закалялось терпение моих родителей.

А терпение их было поистине велико, в этом мои сверстники могли мне позавидовать. Но только в этом. Я рос хилым ребенком, восьми лет заболел диабетом, а в десять лет меня одолел мучительнейший недуг, который врачи один за другим характеризовали как «обыкновенные колики». Дошло до того, что я почти каждую неделю день-два проводил в постели. До сих пор

отчетливо помню преследовавшие меня дикие боли. В поисках облегчения я наваливался боком на край кровати, резь становилась еще сильнее, словно мне вонзали нож в живот, тогда я поворачивался на спину, боль немного спадала, и если прежде она казалась мне нестерпимой, то теперь какое-то время я чувствовал себя вполне сносно. Это были не колики. Позднее, когда мне исполнилось уже двенадцать лет, выяснилось, что левый мочеточник сильно сужен и почечная лоханка раздулась, будто шар. Мне пришлось подвергнуться чрезвычайно сложной операции.

За два года, что болезнь немилосердно терзала меня, я отдал дань двум увлечениям. Во-первых, жадно поглощал все книги, какие только мог достать, преимущественно популярные очерки жизни животных, астрономии, химии, путешествиях и так далее. Вскоре я стал, если верить статистике, самым прилежным читателем отделения городской библиотеки, которое весьма кстати помещалось как раз напротив нашего дома. А второе увлечение — мыши!

Вероятно, мои хвори были причиной того, что родители сквозь пальцы смотрели на мои опыты по разведению мышей. И в конце юнцов, чего уж греха таить, я хватил через край.

При «благоприятных» обстоятельствах от одной пары можно в год получить потомство в 30 тысяч мышей. К счастью, природа почти никогда не следует устрашающим кривым статистики. Мыши не только производят на свет выводок за выводком, не менее прилежно они поедают выводок за выводком. Роженицы бездумно гасят искры жизни, а некоторые самцы бесцеремонно приканчивают и чужое потомство, и нежелательных соперников. Чем больше особей приходится на единицу площади, вернее на единицу объема, тем сильнее дает себя знать явление стресса, пусть даже корма и прочих мышиных благ сколько угодно. Но кто знал об этом тогда? Все же мои опыты по разведению мышей дали заметные плоды, из купленной мной в зоомагазине молодой пары скоро стало полсотни. Я даже начал раздавать маленькие живые сувениры одноклассникам и другим знакомым, однако в этом меньше преуспел. Ибо мамаши одна за другой ласково, но решительно побуждали своих чад возвращать дарителю дружеский презент.

Вивека Юнг, ныне балерина Королевского театра, а тогда очаровательная девчушка с длинными — руки так и чесались дернуть — косами, легко убедила меня, что годится на роль приемной матери для пары хорошеньких грызунов. Ее родители почти не уступали моим в терпимости и разумном взгляде на племенное животноводство. Но все-таки уступали, Когда я вскоре

встретил на улице маму Вивеки, она поблагодарила меня за заботу о биологическом воспитании ее дочери. И спросила, может быть, я тем не менее заберу обратно этих милых крошек. Конечно, я их забрал — как подаренную мной пару, так и еще четыре десятка «безобразников», которыми природа успела их благословить.

Под моим неусыпным присмотром — мамин энтузиазм почему-то пошел на убыль — мышиная колония выросла до 174 здоровых половозрелых особей. Тут даже я понял, что какие-то рамки нужны. Почетные места в моей комнате занимали три аквариума, из них два (зоомагазин списал их как брак) — очень большие, и оба были набиты битком. Они сообщались туннелем из проволочной сетки, и, если какой-нибудь самец приходил в раж, эффект получался поразительный. В моем мышином царстве был свой чемпион, которого я прозвал Пиратом. Дело в том, что один его глаз окаймляло выразительное черное пятно, а зрачки горели зловещим огнем. Пират кусал всех без разбора. Когда он начинал подыскивать себе партнершу, обитатели обоих аквариумов трепетали от страха. Пират давал волю своему темпераменту, и мыши бросались врассыпную. Аквариум номер один уподоблялся разладившейся стиральной машине, когда же сотня мышей устремлялась вверх по тесному ходу в аквариум номер два, вся конструкция напоминала кофеварку.

Волей-неволей пришлось отказаться от разведения мышей. Мои карманные деньги плюс жалованье, целая крона за вечер в те редкие счастливые дни, когда я выступал статистом в оперном театре (я танцевал там семь лет), — все уходило на ненасытных грызунов.

Принимая в расчет кодекс чести, который действовал среди мальчишек нашей классической гимназии и гласил, в частности, что сделка обратного хода не имеет, я решил не дарить мышей, а продавать. Постарался возможно красивее написать объявление в рамке из карабкающихся по краю симпатичных мышек и с разрешения швейцара вывесил его в школе:

Белые и черные китайские танцующие мыши,

самцы 75 эре, самки 50 эре.

Разница в цене отнюдь не означала дискриминацию женского пола. Просто Пирату удалось заметно сократить число соперников, и я стремился соответственно уменьшить количество самок.

Распродажа происходила в школьном дворе, она заняла всего одну перемену, и успех был огромный. К моему великому удивлению, предложенная к продаже партия белых мышей таяла, как майский снег. Интерес мальчишек к биологии превзошел все ожидания, и курс на только что приобретенную живность быстро подскочил. На черном рынке, тут же учрежденном юными коммерческими дарованиями, стоимость мышей живо перевалила за крону, потом и за две.

И вот передо мной пустой аквариум, а на дне его сверкает на опилках гора монет. Нежданно-негаданно мне в руки попало колумбово яйцо коммерции. Что-то в этом роде открыл для себя Том Сойер, когда уступал ненавистную малярную кисть своим приятелям в обмен на их мальчишечьи драгоценности. Мыши, которых я с переменным, преимущественно негативным успехом пытался раздарить, разошлись в мгновение ока, как только приобрели ценность, выраженную в деньгах!

Здесь следует упомянуть еще об одном обстоятельстве, несомненно сохранившемся в памяти нашего высокочтимого швейцара Мартина Карлссона, который санкционировал мое коммерческое начинание: дело происходило в последний день перед каникулами.

Через несколько дней на празднике по случаю окончания учебного года я снова встретился с Карлссоном. К тому времени он уже успел оправиться. Однако лицо его порой принимало страдальческое выражение и в глазах читалась легкая озабоченность — так бывает с человеком, которому с недавних пор всюду чудятся прыгающие белые пятна. Боясь, как бы симптомы не повторились, он пристально всматривался в стремительный, неуправляемый поток гимназистов, врывающийся в актовый зал.

К счастью, в тот день обошлось без белых мышей.

— Слава богу, что Линдблад принес своих мышей в последний день занятий! — произнес Мартин Карлссон, безуспешно пытаясь сделать строгое лицо. — Я совсем из сил выбился, пока бегал из класса в класс и выручал учительниц, которые спасались на кафедрах!

Белые мыши были моими первыми подопечными. Но отнюдь не последними. Длинная зоологическая цепочка протянулась от них до усыновленного мной единственного в мире белого тапира…

Самым первым «дикарем», с которым я соприкоснулся, был зайчонок — мы с сестрой кормили его листьями одуванчика. Дело было летом, мы жили в Норрбеке, на родине мамы. Мне тогда исполнилось всего четыре года. Моя сестра Моника на

девять лет старше меня; естественно, поначалу она заботилась о том, чтобы в доме не переводились лягушки, кролики, кошки и прочие зверушки — весьма действенный стимул для мальчугана, чей интерес к животным рос не по дням, а по часам. С годами этот интерес становился более глубоким, к нему добавилось увлечение местными растениями. Все это определило и выбор профессии, я мечтал стать биологом.

К сожалению, на моем пути стояли препятствия, казавшиеся неодолимыми. Больные диабетом не принимались на государственную службу. Таков был установленный порядок. Тогда еще не было доказано статистическими и другими методами, что диабетиков не обязательно держать в больницах, что в труде они подчас опережают здоровых, ведь им поневоле приходится куда строже следить за своим организмом, нарушения режима попросту недопустимы.

Отказ в государственной службе означал, что я не смогу стать преподавателем биологии. И рисования тоже (такой вариант предложил мне молодой учитель, которому пришлись по вкусу мои рисунки и лепка; разумеется, и тут и там преобладали мотивы из мира животных). По той же причине отпадала специальность врача.

Тогда я решил стать стоматологом. Предполагая серьезные занятия биологией, эта специальность в какой-то мере отвечала моему главному увлечению. А так как я учился в классической гимназий, пришлось после экзаменов на аттестат зрелости дополнительно заниматься математикой, химией и физикой. Я уже сдал два первых предмета и приступил к третьему, когда услышал радостную новость: отныне на государственную службу разрешалось принимать больных нетяжелой формой диабета. Я тут же отказался от намерения стать стоматологом и занялся сперва ботаникой, потом зоологией.

Эта скучноватая справка о моих личных планах приведена здесь потому, что она, как мне кажется, важна для понимания всего последующего. Интерес к органическому миру, и прежде всего к животным, меня не оставлял, напротив, он все сильнее завладевал моей душой. Со временем, особенно когда я занялся киносъемками, мне предоставились замечательные возможности наблюдать и познавать такие вещи, о которых мальчишкой я и не подозревал. И у себя на родине, и в Южной Америке я пополнял и расширял собственные представления о «диких» животных, и помогли мне в этом многочисленные ручные животные, вскормленные мной. Случай отнюдь не уникальный: что представляла бы собой наука о поведении без тех исследований на ручных животных, которые провел блестящий представитель

этологии, ее основатель Конрад Лоренц?

Изучать животных и механизмы их поведения можно по-разному. Можно наблюдать совершенно диких животных в естественной среде. А можно держать животных в клетках или вольерах на открытом воздухе. Оба способа имеют свои преимущества — и свои недостатки.

Первый способ я считаю незаменимым. Без знания, подлинного знания жизни лесов и полей ни рядовой любитель животных, ни исследователь-профессионал далеко не продвинутся. Но изучая зверей на воле, зависишь от удачного стечения обстоятельств, и даже самому опытному исследователю чрезвычайно редко представляется случай что-то сделать. Спору нет, дышать свежим воздухом полезно для здоровья, однако длительность пребывания на лоне природы отнюдь не пропорциональна числу наблюдений над животными. Правда, зато такие наблюдения очень ценны.

Понятно, степень трудности весьма зависит от того, где и кого вы изучаете. Одно дело наблюдать росомаху в Лапландии, совсем другое — подкрадываться к косуле па юге Швеции. За несколько весенних дней в рассветные часы получить представление о токовании глухарей куда сложнее, чем проследить вблизи устойчивые черты поведения чаек в больших колониях. При ярком свете солнца в саваннах изучать из окна автомашины семейную жизнь львов — совсем не то, что пытаться проникнуть в тайны поведения ягуара или животных, составляющих его добычу. Густой мрак тропических дебрей с редкими и тонкими лучами лунного света — не самая подходящая обстановка для наблюдений, рассмотреть что-либо почти невозможно, остается удовлетворять свое любопытство за счет обоняния и слуха.

Мой интерес к фауне лесов и полей начался с животных, которые гостили у нас дома. Мальчишкой я был довольно одинок — отчасти из-за болезни, отчасти из-за не совсем обычных внешкольных увлечений. Хотя я по большей части держался особняком, меня никак нельзя было назвать смирным ребенком. Напротив, я был таким непоседой, что мама по совету одной знакомой определила меня в школу танцев, где я познакомился с основами классического балета. И когда я, самый младший в этой школе, в шесть лет занял первое место на ежегодном смотре, старшие решили, что мне следует поступить в балетное училище оперного театра. Семь лет занятий в училище были для меня суровой, но хорошей школой. Правда, это мне не облегчало бремя изоляции. Мальчишки; в гимназии дразнили меня «балетмейстером», издевались и нередко поколачивали. Уж очень

я был непохож на других, занимался танцами, «словно девчонка», а то вдруг изменюсь в лице, покроюсь потом и дрожу всем телом. Тогда мало кто слышал про инсулинную недостаточность, даже мои преподаватели не представляли себе, что это такое, и нередко были со мной ненамеренно жестоки.

В то тяжелое время в моей жизни произошли важные события. Комплекс неполноценности побуждал меня все настойчивее тренировать мышцы, и, кроме балета, я занялся акробатикой. Я уступал одноклассникам в росте, и драчуны не могли устоять против соблазна показать свою силу на безобидном слабаке. Но постепенно картина изменилась. Я стал юрким и выносливым, как удав. До сих пор не без удовольствия вспоминаю, как в двенадцать лет применяя особый прием, который, наверно, был бы одобрен настоящим удавом, я делал захват и клал на лопатки какого-нибудь задиру, который был и старше, и ростом побольше — иначе он не полез бы ко мне.

Есть среди мальчишек забияки; мне даже кажется, что «бои» младших школьников полезны для развития, особенно если драчуны остаются хорошими друзьями. Я-то рос без братьев и других спарринг-партнеров, а потому на все атаки реагировал сперва с удивлением, потом с испугом и наконец с бешеной яростью. Сам я никого не задирал, но, если ко мне лезли, дрался с исступленностью терьера. Обостренная чувствительность сделала меня в эти годы замкнутым и недоверчивым.

И все-таки у меня было много друзей — моих и больше ничьих! Я говорю о животных. Животные заменяли мне двуногих товарищей, и я почувствовал и осознал то, о чем дальше расскажу подробнее: на дружбу животных можно положиться до конца.

В том, что я, физически уступая другим, постепенно утверди, себя, был и свой плюс. Благодаря этому я с особой силой чувство вал, как это несправедливо, когда какой-нибудь верзила тиранил малыша. Такие вещи вызывали во мне еще большую ярость, чем когда я сам подвергался нападению. И я бросался в бой, не задумываясь над исходом.

Когда мне было девять лет, произошел случай, который, воз можно, в жизни кого-нибудь другого не оставил бы и следа. Я же до сих пор с мучительной ясностью помню этот эпизод.

Годом раньше я получил в подарок на день рождения лук и стрелы. Тогда же я заполучил диабет и почти все лето провел в больнице, а там, естественно, мне не довелось воспользоваться оружием, волнующим воображение мальчишки, который, как и все его сверстники, черпал идеалы из книг про индейцев. Зато вернувшись домой, я сразу принялся упражняться в стрельбе из лука во дворе — по правде говоря, и в комнатах тоже. И

постепенно научился стрелять довольно метко. Пользуясь, как это делают индейцы, так называемым методом инстинкта, я с семи-восьми метров попадал в канцелярскую кнопку.

И вот наступили летние каникулы, мы выехали на дачу, и в первый же день, взяв лук, я стал изображать Зверобоя. Мой взгляд искал то ли злокозненных индейцев, то ли добычу, достойную славного охотника. Бизоны мне что-то не попадались, зато в воздухе кружили голосистые молодые скворцы. Я подкрался к яблоне, где сидело несколько крикунов, взял лук на изготовку, ощутил унаследованную от предков охотничью страсть, тщательно прицелился и выстрелил.

Ура! Попал!

Я был горд, я ликовал. Стрела, ударяясь о ветви, упала па землю; на острие бился и трепетал бурый комок. Я подбежал — и ликование сменилось ужасом, которого мне никогда не забыть. Несчастная пичуга билась в судорогах, крича и истекая кровью. Все кричит и кричит, и корчится, и пытается повернуться, опираясь на трепещущие крылья… Глядя, как ее покидают силы, я ощутил прилив стыда и отчаяния. Текли бесконечно долгие секунды, вместе с ними из маленького тельца безвозвратно вытекала жизнь, и повинен в этом был я.

Убей этот выстрел жертву наповал, возможно, мое будущее сложилось бы иначе. Охота искони была и остается одним из главных промыслов человека, поэтому пробудить в мальчишке охотничью страсть очень легко. Не выказывать своих чувств товарищам считается доблестью, и будь в ту минуту рядом со мной кто-нибудь из сверстников, смерть скворца, наверно, не произвела бы па меня такого впечатления. Но я был один. И был заклеймен па всю жизнь, стал одним из тех, кто не выносит зрелища страдающих зверей, воспринимает как личный позор, когда люди мучают животных по недомыслию или — того хуже — умышленно.

А еще мне кажется, что этот случай чрезвычайно обострил мое восприятие животных как индивидов. Скворец был не птицей вообще, он был индивидом, душа которого открылась мне с потрясающей силой в эти его предсмертные секунды. Поэтому, а также потому, что с годами мне довелось очень близко узнать «личности», представлявшие самые разные виды животных, мне трудно подходить к вопросам охраны природы так беспристрастно и бесстрастно, как принято в официальных дискуссиях, — и я горжусь этим. Конечно, если руководствоваться только своей симпатией к тем или иным ручным животным, легко сбиться на сентиментальность, от которой для дела нет никакого прока. А вот если ваша симпатия к индивидам выработалась за

месяцы, годы круглосуточных наблюдений из тайников, позволяющих незаметно следить вблизи за «дикими» особями тех же самых видов, вам легче удержаться от крайностей в своих суждениях. Мне посчастливилось, я много лет собираю скрытой камерой как в шведских лесах, так и в Южной Америке данные, которым, на мой взгляд, цены нет.

Но в этой книге речь пойдет преимущественно о некоторых ручных животных. Писать о них меня побудила своего рода ностальгия. Большой город, благоустроенная квартира, как мне в конце концов пришлось признать, — неподходящее место для существ, созданных для жизни на воле. У меня душа не лежит держать таких животных в клетках, это для них противоестественно, поэтому мне уже давно не доводилось заниматься зверями, ухаживать за ними. В Суринаме, откуда я только что вернулся, у меня был короткий, но острый рецидив. Один мальчуган-индеец в лесу сорвал лист — а под листом висело гнездо колибри. Я подобрал крохотных птенчиков, и мне удалось спасти их и выкормить. Теперь они порхают в окрестностях Алалапароэ — индейской деревушки у бразильской границы, за десять тысяч с лишним километров от Швеции. Так вот, эти пичужки, весившие поначалу один-два грамма, и послужили катализатором, помогли выкристаллизоваться расплывчатым планам написать о «ручных диких» животных, которые были моими квартирантами, а иногда и пациентами.

Когда пишешь для себя самого, получаешь и удовольствие, и пользу, когда же пишешь для других, к этому добавляется чувство ответственности. Тут возникает серьезная проблема. Побудить других, особенно детей, заботиться о животных — нетрудно, даже если животные и не нуждаются в такой заботе. Речь идет о стремлении, которое часто берет верх над рассудком. «Брошенный» олененок с большими доверчивыми глазами пробуждает в человеке властный инстинкт покровительства. Сколько таких оленят становились предметом заботы добрых людей — и чаще всего погибали от этой самой заботы, потому что выпестовать их чрезвычайно трудно. У птенцов, которые нам кажутся обреченными на гибель сиротами, на самом деле поблизости есть родители, и самое лучшее — вовсе их не трогать. В лесу за человеком следит много глаз, и глаза эти принадлежат не только встревоженным родителям, но и голодным хищникам. Достаточно вам остановиться, чтобы получше рассмотреть птенца, совершающего свой первый вылет, и вы нацелите внимание других на подходящую добычу.

Я сам выкармливал птенцов, взятых из гнезда, чаще всего совят, но только для научных целей и с письменного разрешения

Управления государственных угодий. Причем я брал птенцов, у которых заведомо было мало надежды выжить. В те годы, когда почему-либо становится меньше грызунов, самые слабые члены совиного выводка остаются без корма, чахнут и поедаются более сильными. Жестокий закон природы, но он служит на благо вида. В таких случаях в вашем участии может быть смысл, только не забудьте, что просить лицензию надо заранее, за несколько месяцев!

Все это говорю я для того, чтобы мое повествование не побудило юных читателей проявлять заботу о животных, которых лучше всего предоставить самим себе. И вообще обеспечить «дикого» квартиранта кормом, уходом и особенно жизненным пространством чрезвычайно трудно. Беря на себя заботу о животном, вы, право же, возлагаете на себя ответственность, равную ответственности родителей перед детьми.

Вместе с тем я надеюсь, что моя книга поможет тем, кто вдруг окажется перед необходимостью заняться детенышем, который действительно в этом нуждается. Птенец может выпасть из гнезда, родители могут погибнуть. Могут и бросить свое потомство, но это случается куда реже, чем мы себе иногда внушаем.

Среди моих подопечных было много уроженцев тропиков. Несомненно, для животного с такими специфическими запросами, как, например, обезьяна, более всего подходит хорошо оборудованный зоопарк, сотрудники которого не только получили надлежащую подготовку, но и обладают чувством ответственности и расположены к животным. Высокие требования, однако все это нужно для животного-индивида. Частным лицам трудно обеспечить такое нежное и чувствительное существо всем необходимым, чтобы ему сносно жилось в городе. Нет, я не говорю, что это вовсе невозможно. Если человек готов жертвовать собственными удобствами и окружить подопечного повседневной заботой, он может возместить животному утраченный контакт с сородичами. На мой взгляд, психическое равновесие для животного по меньшей мере так же важно, как и полноценный корм. Лакомства помогут вам заслужить привязанность животного, но вы достигнете куда большего, если завоюете его душу. Попросту говоря, вы станете его другом. А добиться этого можно разными путями, которые зависят от присущих виду особенностей поведения, что я и надеюсь в какой-то мере подтвердить приводимыми дальше примерами.

Зачем нам ручные животные

Когда я вижу, как моя трехлетняя дочурка сияет от счастья, тиская какого-нибудь благодушного пса, мое сердце тает. И в то же время я невольно спрашиваю себя, почему она мгновенно влюбляется в этих четвероногих, будь то маленькие, не больше зайца, или здоровенные, как волк. Без тени страха, с выражением полного блаженства она обнимает и гладит многотерпеливых барбосов. Мы живем в центре большого города, со всеми вытекающими отсюда плюсами и минусами, и по многим причинам я не хотел заводить собаку. Но хотя моя дочурка росла без собаки, она, впервые увидев пса, сразу бросилась ему на шею. К счастью, пес был ласковый, из тех, что добродушно позволяют детям висеть на себе, тискать, дергать, тянуть, ездить верхом… Да разве перечислить все обременительные проявления нежности, которые обрушивают на собаку наши дети — или ее собственные щенки.

В какой мере потребность ласкать животных обусловлена генетически? Быть может, есть врожденный инстинкт, побуждающий нас приближать к себе других представителей животного царства, печься не только о Homo sapiens?

На свете множество организмов, которые вообще не могут существовать без компаньона, представляющего подчас совсем другую ветвь на развесистом генеалогическом древе жизни. Такое сосуществование, или симбиоз, отнюдь не редкость.

Правда, называть симбиозом нашу тягу к ручным животным было бы, пожалуй, чересчур. Мы вполне можем существовать без собак, кошек и прочих домашних животных, а многие — слишком многие! — вообще ненавидят собак и прочую живность.

Но ведь симбиоз — понятие объемистое, в нем сопряжены и чистый паразитизм, и просто готовность потесниться ради другого вида.[2] Мост между этими двумя полюсами составлен из разных комбинаций, в которых оба вида извлекают пользу из специализации компаньона. Подчас только это и позволяет им удерживаться на «американских горках» эволюции, образуемых переменчивыми условиями жизни на нашей планете.

Итак, симбиоз означает обоюдную зависимость видов и терпимость как в малом, так и в большом. Если обратиться к микромиру, можно напомнить, что мы, как и многие другие позвоночные, живем в симбиозе с чрезвычайно важным организмом, о котором и не подозревали бы, не проведай о нем ученые: без кишечной флоры из полезных бактерий не было бы нашего пищеварения — без нашего кишечника и химической

обработки пищи не было бы этих бактерий. В растительном и животном мире немало примеров такого неразделимого единства. Скажем, лишайник представляет собой неразрывный союз водоросли и примитивного гриба. Без микоризы не росли бы ни сосна, ни ель: для обмена веществ тонким корневым нитям этих деревьев нужна помощь грибного мицелия.

Здесь-то очевидно, что речь идет о жизненно важных комбинациях видов с наследственно обусловленными функциями. Но ведь никто не станет утверждать, что влечение моей дочурки к мохнатым четвероногим объясняется такими же жизненно необходимыми наследственными факторами!

Продолжим вашу мысль. Понятие симбиоза включает и совсем не прочные, временные связи. Египетская цапля постоянно держится около домашнего скота, не прочь составить компанию и носорогу, поедая докучающих этим животным насекомых, — ведь сами копытные не могут избавиться от жалящих и откладывающих в их коже яйца паразитов.[3] Однако цапле ничего не стоит нарушить пакт: едва появляется трактор, как все «египтянки» спешат к нему, чтобы поживиться всяческой живностью, извлекаемой плугом из тропического перегноя. Раки-отшельники подбирают актиний, которые вполне могли бы прожить и без них. Рак сажает актинию на свой «дом» — раковину, которую этот оригинал, опять-таки подчиняясь «генетическому механизму», использует для защиты своего уязвимого брюшка. Актиния помогает раку маскироваться, а он за это перевозит ее с одной подводной нивы на другую.

Такие комбинации, хотя и приносят пользу обеим сторонам, не относятся к непременным. Еще более спорадические связи объединяют составленные из разных видов птичьи стаи, странствующие над суровыми просторами Швеции, или обезьяньи ватаги в дебрях Южной Америки. В том и другом случаях речь идет о временных союзах, которые полезны для всех сторон — так больше шансов обнаружить общего врага.

Где-то между крайними точками симбиотической дуги мне видится человек и прирученные им животные.

Последние пять лет мне посчастливилось общаться с индейцами Гайаны и Суринама, причем в Суринаме я получил превосходную возможность проследить, так сказать, от истоков взаимоотношения человека и ручных животных. В этом краю сохранились все ступени первобытной культуры — от таких групп, которые долго находились в полной изоляции от других племен, до таких, которые теперь прочно зависят от современной цивилизации.

Акурио — «белые индейцы», люди каменного века, совсем не

далеко ушли от животного образа жизни. Меня пригласили запечатлеть на кинопленке их своеобразный быт. Вообще-то стоило бы посвятить целую главу, даже несколько глав их взаимоотношениям с окружающим миром, и я еще надеюсь это сделать. Здесь же довольно сказать, что поглощенные непрестанной борьбой за существование, акурио попросту не успевают развить то, что принято называть современной культурой. Лук и стрелы, каменный топор, бамбуковый нож, звериные зубы — вот почти все их орудия. Весь день они рыскают в поисках съедобного и тотчас съедают добытое: подстреленных зверьков, плоды, личинки, которые точат пальмовые стволы, но главная, почти повседневная пища — мед, много меда. Земледелие им неведомо, хотя большинство индейских племен выращивают хотя бы кассаву. В отличие от других индейцев они не делают украшений из перьев, а носят только ожерелья из клыков, играющие роль инструментального ящика. В селениях других племен обычно шныряет множество тощих шавок — акурио совсем не держат собак! У них нет даже простейших музыкальных инструментов. Нет лодок, хотя они живут по берегам рек и речушек. Вы не поверите — они не умеют разводить огонь! У них есть огонь, но акурио с незапамятных времен носят его с собой, переселяясь на новое место. Всех больных и старых, будь то родители или дети, оставляют умирать в лесу. Допускаются «браки» между братьями и сестрами, матерями и сыновьями. Каких-либо норм социальной морали практически нет.

Контакт акурио с внешним миром начался только в 1968 году. После довольно бурного переходного периода удалось настроить их на более миролюбивый лад; до тех пор для них было проще простого убить неугодного человека.

Во время одной из экспедиций, предпринятой государственными служащими и миссионерами, произошел показательный случай.

Однажды участвовавшие в экспедиции индейцы трио принесли в лагерь трех убитых паукообразных обезьян, чье мясо у всех индейцев считается деликатесом. Одна обезьянка была с детенышем, и он еще цеплялся за убитую мать. У кого-то из членов экспедиции случайно оказалась бутылочка с соской, и он взялся выкормить малыша. Акурцо были явно недовольны этим. И когда через три дня все мясо кончилось, один из них подошел к обезьянке и твердо заявил: «Мое мясо!» Ему решительно было невдомек, зачем беречь вкусное мясо — ведь акурио редко удается несколько дней подряд наедаться досыта.

Быт этих людей во многом перекликается с самыми

примитивными стадиями нашего, европейского каменного века. Удивительно ли, что они не могут позволить себе роскошь держать ручных животных.

А вот трио, вайяна и другие племена, которых помимо охоты и рыбной ловли кормят поля, часто, даже как правило, берут на себя попечение о детенышах убитых животных. В селении, где люди не голодают, можно встретить всевозможных зверьков. Пищит в корзине выводок тираннов, порхают между хижинами разные попугаи, в доме детишки тискают агути или пекари, на краю селения пасется пара капибар, резвятся на крышах обезьянки и другие древесные жители.

Женщины и дети исправно и нежно пекутся о сиротах. Тем сильнее вас поражает, поначалу даже возмущает, когда в один прекрасный день на ваших глазах кого-то из этих любимцев закалывают и отправляют в котел! Охота сорвалась, рыба не клюет, а семье нужно есть, нужен белок.

В общем-то это нетрудно понять и даже оправдать. Что такое наше нынешнее животноводство, если не дальнейшее развитие этой древнейшей формы? Сколько поколений шведских крестьян нужда заставляла скрепя сердце резать поросеночка, теленка или еще какого-нибудь любимца? Так что не стоит корить добросердечных по существу индейцев. Голод не тетка…

Быть может, это длинное отступление поможет прояснить мотивы поведения моей дочурки и ее восторженной любви к собакам. Странному животному по имени человек с самых ранних пор развития его культуры присуще свойство, которое у других тварей наблюдается крайне редко. В самом деле, много ли в животном царстве примеров, чтобы какая-нибудь мамаша брала на себя заботу о чужом потомстве? Яркое исключение представляют собой приемные родители кукушонка, но и то заслуга тут прежде всего кукушки. Что же до Маугли и других «волчьих выкормышей», то их спокойно можно поставить в ряд с такими вымышленными персонажами, как Тарзан. Начать с того, что у волчицы попросту не хватит молока на то время, что в нем нуждается человеческий детеныш. Наверное, мысль о том, что дикие волки способны выкормить человеческого детеныша, возникла у людей, наблюдавших, как сука, у которой щенята родились мертвыми, выкармливала котят или других зверят. Рассказывают, будто кошки становились приемными матерями для кроликов и даже для крыс. Но ведь здесь речь идет о животных, обитающих в условиях, созданных человеком, им не надо повседневно охотиться и добывать корм!

Содержание животных оказалось важным фактором видового преуспевания человека. Индейца оно обеспечивает свежим мясом

в случае неудачной охоты; для нашей культуры охота вообще меркнет перед животноводством. Живя в искусственной до абсурда среде, мы мало задумываемся о животных, чье мясо едим каждый день; на цыплят и поросят в больших хозяйствах не расточается ни капли искреннего человеческого участия и сочувствия. А душевная забота индейца — я подразумеваю индейцев, перешагнувших абсолютно первобытную стадию, — его забота о диких питомцах сродни любви моей дочурки. И моей любви, и твоей тоже, дорогой друг животных.

Кто-то сказал: лучшее в человеке — его собака. Когда наш далекий предок, перебрав всех ползающих, летающих, прыгающих и бегающих тварей, в один прекрасный день встретил угловатого щеночка — далекого предка домашней собаки во всех ее невообразимых разновидностях, — он обрел идеального товарища для своих вылазок. Ведь женщина оставалась дома, у очага, это в первобытном обществе было необходимо. Когда же неуклюжий щенок подрос, мужчина автоматически заменил ему вожака, за которым он следовал бы в своей стае, то есть наиболее опытного пса. С радостью, а может быть, и с удивлением человек обнаружил, что этот зверь в отличие от всех прочих не прибавляет, а убавляет ему забот. Вместо того чтобы, подобно другим плотоядным, посягать на и без того скудные запасы семьи, собака деятельно помогала на охоте, подчас рискуя собственной жизнью! Оказалось, вместе человек и пес могут охотиться совсем новым способом, который порознь им недоступен. Так открылся путь к сотрудничеству — змеистый и многообещающий путь симбиоза, по-своему не менее продуктивного, чем симбиоз рака-отшельника и актинии.

Кошка так и не сумела приспособиться к сотрудничеству, и многие считают это «пороком». Однако же и эта чрезвычайно независимая особа снисходит иногда до знаков солидарности. Вам не случалось — возможно, с благодарностью, возможно, без таковой — обнаруживать на крыльце благосклонный дар в виде лакомой полевки или даже свежехонькой крысы, доставленной прямо с ближайшей помойки? Никогда не забуду обиженной морды Мидии, любимицы моих родителей, когда ее отчитали после того, как она (дело было в деревне) принесла им четвертого за четыре дня зайчонка. Такие промашки — на нашу, человеческую мерку — у кошачьих не редкость. Вот яркий пример из Бразилии, о котором мне поведали, — так принято говорить в тех случаях, когда не можешь поручиться за достоверность изложенного. Недалеко от границы Гайаны на одном ранчо женщина вырастила ягуара. Ему разрешалось свободно ходить в пределах поместья, и, став взрослым, он всякий раз приносил

домой какую-нибудь добычу — когда олененка, когда пекари, поставляя на кухню свежее мясо. Увы, хозяйке пришлось все же распорядиться, чтобы ее «кошечку» пристрелили. Ибо однажды утром на крыльце дома обнаружили индейца с перекушенным горлом. Он пришел откуда-то издалека, ягуар не знал этого человека и реагировал на него как на дичь…

Словом, у кошки с человеком связь совсем иного рода, чем у собаки. Остается только, вынеся эмоции за скобки, констатировать, что контакт животного с человеком определяется этологическими особенностями данного вида.

В разное время, на разных ступенях развития культуры древний человек, естественно, перебрал множество животных, проверяя их пригодность к хозяйству. Некоторые виды сыграли важную, даже определяющую роль в судьбах целых народов. Так, эскимосы всецело зависят от собак, саами — от северного оленя. В более сложных общественных формациях охотники и рыбаки, не довольствуясь собакой, искали других помощников для своего промысла. И находили. Первые данные о рыбной ловле с бакланами в Китае относятся еще к периоду Сун (960-1279 гг.), в Японии даже к VII веку. И в наши дни в Японии прирученные бакланы ныряют с лодок за рыбой.

Кроме того, для рыбной ловли как в Азии, так и в Европе, в частности в Швеции, использовали прирученных выдр. И вряд ли можно придумать более эффективную живую удочку!

Способы, какими заставляли выдр и бакланов ловить намного больше рыбы, чем нужно им самим, были самыми жестокими, как, впрочем, и все первоначальные методы дрессировки. Обучение хищных птиц, особенно пойманных взрослыми, — не что иное, как хладнокровное истязание, физическое и психическое. Сей «благородный» спорт, некогда увлекавший европейских феодалов, теперь, увы, снова вошел в моду, прежде всего в Англии и ФРГ. В Швеции соколы и без того скоро переведутся, а тут еще для этого, с позволения сказать, «спорта» стали похищать птенцов из гнезд. Обученный сокол ценится на вес золота в прямом смысле слова.

Кстати, герб провинции Емтлаяд, представленный уже на печати XVII века, отображает еще более совершенную форму охоты — собака и «сокол» (очевидно, подразумевался беркут) атакуют лося.

Охотничий инстинкт соколов находит и более полезное применение. В наше время ловчие птицы помогали и помогают, если не ошибаюсь, избавлять аэродромы от множества пернатых гостей, способных вывести из строя низко летящий самолет.

Итак, использование животных, начавшееся с «симбиоза»

человека и собаки, пришло к своеобразному паразитированию на некоторых видах, охотящихся в среде, где наши собственные возможности ограничены, — под водой и в воздухе.

Неблагодарные люди очень редко привязываются к полезным животным так же сильно, как к избалованным домашним любимчикам, от которых почти ничего не требуют, а на выражения нежности к ним не скупятся. Впрочем, и от баловней есть польза: развивать в себе умение любить и печься о ком-то — что может быть важнее в нашем все более ожесточающемся мире? И это одинаково относится и к взрослым, и к детям. Животное, которому обеспечен надлежащий уход и которым по-настоящему дорожат, вполне можно считать счастливчиком. Но худо — даже при самом правильном уходе — животному, не получающему от человека теплоты.

Объективно говоря, домашний любимчик пользуется благорасположением хозяев, не внося никакого вклада в хозяйство, как это делают животные-охотники или животные-рыболовы. И вновь перед нами пример «симбиоза» с креном в паразитизм, уже со стороны животного. Но мы-то, пекущиеся о животных, выращивающие их «ценой немалых жертв», как говорят все те, кому не дано нас понять, мы-то чувствуем, осознаем, что для нас «жертвовать» — радость, даже потребность. В конечном счете и в этом «симбиозе» выигрываем мы. Нам просто необходимо на кого-то или на что-то изливать наши чувства. Почему?

Когда девочка играет с куклами или увлеченно занимается младшими братишками и сестренками, это понятно, ею руководит наследственная программа самовоспитания, ведь ей самой со временем быть матерью. На мальчуганов с такими же наклонностями смотрели, во всяком случае раньше, со снисходительной усмешкой. А почему? Их ведь тоже ждет роль родителя!

Конечно, куклы по ряду причин для мальчика не столь притягательны, зато ничто не мешает мальчикам и девочкам одинаково увлеченно заботиться о больных животных или превращать в праздник жизнь какого-нибудь щенка.

Многие со временем «вырастают» из этих увлечений. Чаще всего это сопряжено с усилением интереса к противоположному полу. Недаром увлечение зверюшками сильнее всего в ранние отроческие годы. Забота о животных, несомненно, первый росток той заботы и ласки, которая, надо надеяться, затем будет обращена на мужа или жену, а со временем и на детей. Наши умы вот уже сколько лет заняты проблемой секса, от него загорается пламя, призванное долго согревать человека, но можно ли

поддерживать огонь одними лишь спичками, пусть даже охотничьими? Согревать других своей заботой, своим участием — научиться этому важно для всякого человека. Вот почему беспомощный щенок играет такую огромную роль в воспитании чувств ребенка, будь то мальчик или девочка. Но ведь не только у детей душа болит за собак, кошек и прочую живность. «Лучшее в человеке — его собака» — эту истину исповедуют многие. В этом гордом и благодарном девизе владельца, собаки содержится и доля грусти, притом немалая. На ухабистом нашем жизненном пути в ряду собратьев не обходится без эмоциональных синяков и шишек. Мы нередко расстраиваемся, даже разуверяемся, когда тот или иной собрат не отвечает созданному нами идеалу. Чем больше фантазии и пыла тратишь на это творение, тем дальше оно от действительности. И чем человек чувствительней, тем сильнее потрясение, когда идеальный образ рассыпается, как скульптура от землетрясения.

Настоящий друг… Это такой друг, чье расположение и чуткость не зависят от внешних обстоятельств; он никогда не отчаивается, умеет прощать ошибки и недостатки, но и не придает чрезмерного значения золотому дождю, на который вдруг может расщедриться капризный мир. Идеальный брак — это когда соединяются два таких друга. Это случается редко, причем оптимальный вариант возможен тогда, когда человек через самовоспитание научился не замечать недостатков другого. И видеть свои.

Пес, которого ты вырастил, по-настоящему твой пес — он, как ни странно, не предъявляет к тебе никаких требований. Ему не нужно учиться качествам, о которых я говорил. Пес всегда тебе рад, каким бы ты ни был. Пусть он избалован, пусть бесталанен — у собак недостатков почти столько же, сколько у людей, — но он всегда предан. Вот в чем секрет поразительного взаимопонимания между собакой и ее хозяином или хозяйкой, вот почва, на которой выросла поговорка «лучшее в человеке — его собака».

Наша потребность изливать на кого-то свою приязнь никогда не встретит отпора со стороны собаки. Для множества одиноких людей собака, кошка или другое приглянувшееся им животное — существо, способное оценить ласку, не отвергающее тепло и привязанность. Заменитель близкого человека? Нет, пожалуй, это неверно. Пусть чувства сходные, но все-таки разница есть.

Почему же собака так хорошо подходит на роль преданного, верного друга?

Как ни странно, частично ответ на этот вопрос я получил в довольно своеобразной обстановке — во всяком случае,

своеобразной для большинства людей.

Дело было в Гайане, в предгорьях Кануку; я сидел в шалаше из пальмовых листьев и зеленой ткани. Рядом на земле, под жаркими лучами солнца была выложена для приманки падаль. Вскоре в небе появились грифы трех видов: шесть или семь черных урубу с причудливыми «судейскими париками» из серо-черной морщинистой кожи на голой голове и шее; грифы-индейки в таком же строгом, черном наряде, но с ярко окрашенной, желто-красной головой; наконец, королевские грифы — статные, крупные, вдвое больше своих собратьев, голая голова расписана желтыми, оранжевыми, лиловатыми пятнами, а глаза голубые, с красной каймой.

Первыми за угощение принялись урубу, прерывая трапезу, чтобы пошуметь крыльями и подраться. Потом на землю плавно опустился его величество королевский гриф. К моему удивлению, заметно уступающие ему ростом урубу остались на месте, и «король» не делал никаких попыток прогнать их или хотя бы потеснить. Но стоило появиться второму королевскому грифу, как они немедленно сцепились между собой. После недолгой борьбы за власть один из «венценосцев» уступил престол, сиречь удобное место. Урубу никак не реагировали на этот инцидент. Зато они продолжали отгонять друг друга. Когда на сцену выступил, точнее приземлился, первый гриф-индейка, я ждал, что равные ему по размерам урубу немедля его шуганут. Ничуть не бывало! Никто не помешал ему урвать аппетитный кусок от падали. Все было тихо-мирно, пока не явился второй гриф-индейка. Снова драка, но только между «индейками».

Трудно представить себе более выразительный пример так называемой внутривидовой агрессии. Особенно примечательно, что все птицы ссорились из-за одной и той же добычи. Казалось бы, крупные королевские грифы должны прогнать не столь сильных урубу или урубу, используя численное превосходство, выпроводят обоих грифов-индеек. Словом, представители одного вида должны бы вместе дать отпор другим.

Но среди грифов действует не принцип солидарности, а естественный отбор. Для преуспевания вида, чтобы выдвинуть наилучшего урубу, наилучшего королевского грифа или самого сильного грифа-индейку, важнее всего выявить победителя внутри вида. Отсюда терпимость к прочим видам. И терпимость эта бывает подчас поистине удивительной. Направив вверх телеобъектив, я поймал прямо-таки невероятную сцену. На ветке лицом к лицу сидели две птицы: каракара — падальщик из семейства соколиных — и урубу. И первая нежно, осторожно снимала клювом со второго паразитов.

В мире пернатых цветные пятна нередко равны военному вымпелу, но только внутри вида. Яркая расцветка или другие броские приметы — сигнал, вызывающий более или менее бурные демонстрации силы. Один из самых простых примеров — зарянка с ее ржаво-оранжевым «нагрудником». Расписанная цветными узорами голова грифа — тоже сигнал для родственных особей.

Если самец и самка окрашены одинаково, у такого вида пернатых агрессия против сородичей нейтрализуется сложными ритуалами. В наряде некоторых птенцов есть особенности, вряд ли оправданные потребностью неопытного юнца в более совершенном камуфляже. Экспериментально показано, что смысл этого наряда — тормозить территориальный инстинкт родителей. Если серую «бляшку» на лбу птенца камышницы окрасить в присущий взрослой птице красный цвет, мамаша начнет прогонять своего отпрыска.

В классе млекопитающих цветовые сигналы известны только у некоторых приматов — у других представителей класса попросту нет цветового зрения, зато тем большую роль играют запахи, звуки, телодвижения, позы и прикосновение. Значение всех этих факторов для человека, пожалуй, далеко еще не выяснено, одно несомненно: как и у всяких животных, у нас есть свои внутривидовые сигналы, которые выражают покорность, дружелюбие или готовность к отпору. И я бы сказал, что в нервных, напряженных ситуациях мы — порой бессознательно, а порой и сознательно — склонны не очень-то аккуратно обращаться со своими «передатчиками».

Вспомним, какую огромную роль в старых культурах играла учтивость, все эти маленькие жесты, к которым наш нынешний сумбурный мир относится столь пренебрежительно. «Хорошие манеры» и впрямь хороши, они выкристаллизуются и станут обязательными, когда корабли современных культур выйдут из зоны штормов. Учтивость помогает смягчить излишне резкие сигналы. И если «слово не воробей, вылетит — не поймаешь», то не менее трудно изменить произведенное или полученное отрицательное впечатление.

Как это ни парадоксально, я бы даже позволил себе сказать, что животные и люди так хорошо ладят между собой благодаря недостаточному взаимопониманию!

У нас совсем разные угрожающие сигналы, уже поэтому в отношениях между животными и человеком не могут возникнуть такие напряженные ситуации, как в отношениях человека с человеком. И подобно тому как урубу может ужиться с грифом-индейкой, человек уживается со зверями, представляющими другой вид, особенно с такими, которые вызывают наше

расположение. Нам присуще инстинктивное стремление заботиться о маленьких, пухлых, неуклюжих, большеглазых существах — попросту говоря, о детях. Почти такую же нежность вызывает у нас какой-нибудь «славный» зверь, если он пухленький, пушистый да еще и с большими доверчивыми глазами. Вот почему медвежата пользуются таким успехом и почему во всем мире так популярен игрушечный медвежонок, копия одного из самых известных австралийских сумчатых — трогательного коалы. И по той же причине неотразимое впечатление производят на нас совята: они обладают всеми или почти всеми признаками, от которых наше сердце тает.

Индеец — сытый индеец — подчиняется инстинкту, понуждающему его заботиться о неуклюжих малышах, сиротливо льнущих к убитой матери. И не только обезьянки, но и муравьеды, носухи, выдры — все жалкие, беспомощные твари будят в нем этот инстинкт. Так реагировали некогда мои и твои предки, читатель. Так реагирую я. И если тебе доступно это чувство, ты уже счастливый человек.

Галка Кай, голубь Колумб и сорока Якоб

Большинство мальчишек и девчонок мечтают о собаке, собственной собаке. Я тоже мечтал. Крона, получаемая изредка юным статистом оперного театра, если ее не съедали Пират с его пестрыми, черно-белыми подданными, шла в Фонд Сбережений На Собаку. Особенно заметно Фонд увеличивался после драки уличных мальчишек в «Кармен» или знаменитого па-де-де (он же танец в деревянных башмаках, исполнители Черстин Дюнер и я) в «Вермландцах», когда мне отваливали целых 2 (две) кроны.

Маленький пудель стоил тогда 300 крон. К моей несказанной радости, когда я накопил половину этой суммы, отец добавил недостающие полтораста. Мой Фигаро был черный кудрявый чертенок, и мы с ним отлично ладили. На то, чтобы причесать этого проказника, уходило в день не меньше часа. Мы стригли его под льва, и через год он стал похож на тех пуделей, которых я видел в цирке, куда частенько наведывался. Вскоре Фигаро научился прыгать через обруч и ходить на задних лапах; для собаки он неплохо знал математику, во всяком случае, нисколько не хуже меня. Впрочем, это не удивительно: ведь Фигаро, как и все животные-математики, в том числе знаменитый конь Умный Ганс, получал от хозяина тайные знаки.

Всякий владелец собаки склонен к многословию, когда говорит о своем питомце, однако я не поддамся соблазну. Ведь моя книга посвящена не собакам, а прирученным «диким» животным. Скажу только, что мало собак делили площадь с таким количеством самых разнообразных жильцов, как Фигаро. Разумеется, я, как и другие мальчишки, держал в аквариумах тритонов и рыбок, а в террариумах ящериц, гадюк и ужей, выводил из лягушечьей икры длиннохвостых головастиков, но все эти твари жили сами по себе, и пуделю от них было ни жарко, ни холодно. Зато с появлением барсуков и лис его собачья жизнь несколько осложнилась. Или представьте себе, что на вас, сверкая глазами, щелкая клювом, расправив широкие — полтора метра! — крылья, наступает злобный филин… Каково пуделиной душе выносить такое! Но терпеливый Фигаро всю свою семнадцатилетнюю жизнь кротко сносил почти все — и вторжение в собачью корзину теплолюбивого азиатского удавчика, и посягательства нахального большого кроншнепа на его обед.

Одним из первых моих постояльцев была галка, которую я,

разумеется, назвал Каем.[4] Этот уродливый, ширококлювый, вечно голодный комочек плоти выпал из дупла высокой осины на Каменном острове под Фленом, где у моих родителей была дача. Правда, поначалу приемный отец из совсем чужого племени показался Каю слишком уж страшным, и он решительно отверг предложенных мной отборных дождевых червей. Но на следующий день голод взял верх, и он начал есть. Да как! В один день управился со всеми червями, каких я смог добыть, и еще с мякотью двадцати пяти больших беззубок. Как и все растущие юнцы, он был ненасытен, так что я был обеспечен работой до конца летних каникул.

С первой минуты голубые глаза Кая неотрывно следили за мной. Сторонник антропоморфизма сказал бы, что Кай раздумывает, не заблуждался ли он до сих пор относительно того, как должны выглядеть родители галки; этолог возразил бы, что происходит запечатлевание галкой человека.[5] Кай оперился, начал летать и совсем уверился, что это большое бескрылое создание, хоть и не летает, принадлежит к его роду-племени. Сам Кай, как и положено галкам, мастерски передвигался в воздушном океане, однако не терял меня из виду. Когда я садился в лодку и отчаливал от островка, он по примеру робинзонова попугая пристраивался у меня на плече. И если я затем пересаживался на велосипед, чтобы проехать три километра до почтового ящика, Кай летел следом, присаживаясь на деревья и делая надо мной лихие виражи.

Мы были очень счастливы — галка, я и пес; впрочем, у Фигаро бывал иногда повод возмущаться выходками Кая. Одно из самых чувствительных мест у пуделя — волоски вокруг подушечек на лапах. И когда пес сладко спал на солнышке после обеда, Кай тихонько подходил, прицеливался клювом в лениво простертую заднюю лапу — и дергал. Вызываемый этим истошный визг и яростный лай доставляли Каю невыразимое удовольствие, он готов был слушать **их** снова и снова. Твердо зная, что Фигаро его никогда не тронет, он полагал, что такова природа всех собак.

Насколько далек он был от истины, Кай убедился в один прекрасный день, когда стащил лакомый кусок из миски Фигаро, а гостивший у нас рослый эрдельтерьер решил постоять за товарища и наказать наглеца. Не успели мы опомниться, как незадачливый озорник был стиснут в собачьих челюстях, словно апорт. К счастью, мой возглас заставил эрделя выпустить птицу, и Кай заметался в воздухе над обидчиком, издавая сердитое «каа». Он на всю жизнь запомнил урок. И эрделя тоже запомнил: стоило тому, явившись к нам с визитом, прилечь и задремать, как его

сладкие сновидения, в которых, надо думать, далеко не последнее место занимали сахарные кости, грубо нарушались. Спикировавший на него лиходей злорадно кружил в воздухе, держа в клюве шерстинки, а оскорбленный и негодующий пес, хромая, гонялся за ним, Кай заманивал эрделя все дальше и дальше. Сядет на землю поблизости, подпустит вплотную и взлетит. Уведя пса на несколько сот метров от места происшествия, Кай издавал напоследок презрительное «каа-каа» и улетал, а злой, запыхавшийся эрдель уныло брел обратно.

Галки очень «преданные» птицы, они всю жизнь верны супругу, которого выбирают себе среди образующейся под конец лета стаи странствующего молодняка. И Кай сделал выбор. Поскольку я, увалень этакий, упорно не желал летать, он тоже осел на острове, и пролетавшие над нами стаи его ничуть не занимали. Он реагировал только на меня. Если к нему протягивал руку кто-то другой, Кай поражал ее клювом мгновенно, метко и беспощадно. Когда же к нему приближался я, он топорщил перья на загривке и опускал голову, предоставляя мне возможность почесать ему шею. Тогда я не знал, что речь идет о типичном поведении, которое Конрад Лоренц позднее подробно описал в своей книге «Кольцо царя Соломона»:

«… Она время от времени чистит те участки оперения супруга, которые он сам не в состоянии достать клювом. Этот взаимный уход за одеянием друг друга, столь характерный для многих общественных видов птиц, представляет собой товарищескую обязанность и лишен каких-либо скрытых эротических мотивов. Но я не знаю других животных, которые вкладывали бы в эту несложную операцию столько душевной привязанности, как истомленная любовью молодая галочка. Минуту за минутой, — а это очень много для этих существ, подвижных, как шарики ртути, — самочка перебирает клювом прекрасные, длинные шелковистые перышки на шее супруга, а он, чувственно полузакрыв глаза, подставляет подруге свой серебристый загривок. Даже вошедшие в пословицу голуби или неразлучники не проявляют столько нежности в своей супружеской любви, как эти будничные врановые. И что особенно прекрасно — это усиление взаимной привязанности, которая становится прочнее с годами, вместо того чтобы сходить на нет».

Преданность Кая глубоко трогала мое мальчишеское сердце. Бывало, зажмет мой палец и сидит так с блаженным видом. Когда я зубрил математику, Кай требовал, чтобы я держал одну руку под столом, а он по часу и больше, пока длились мои мытарства, сидел на перекладине, сжимая клювом мой указательный палец.

В сильный ветер мы обычно ходили на плоский утес, где

воздушный поток теребил мои волосы и перья сидящего на моей руке Кая. Вот он расправляет крылья, я все слабее ощущаю его вес. Поджал одну лапку, крылья трепещут, колышатся на ветру… Уже и второе «шасси» убрано, Кай висит неподвижно в воздухе, будто какой-нибудь шедевр авиаконструктора в аэродинамической трубе, чутко отзываясь на малейшие изменения ветра. И вдруг — бросок, бумерангом описывает в воздухе широкую петлю и возвращается на мою руку. Снова и снова он повторял этот маневр, и будь я галкой, непременно последовал бы за ним, до того меня подмывало броситься в воздух с утеса.

Несколько лет спустя другая ручная птица заставила меня вновь испытать это головокружительное чувство, и опять я с большим трудом подавил порыв. Виновником был ворон, местом действия — обрывистые скалы в горных районах Даларна.

Из всех врановых ворон, конечно же, первейший мастер высшего пилотажа. Сделать «бочку», «падающий лист», «мертвую петлю» для него пустяк. Когда сапсан, выведенный из себя наглостью этих прихлебателей, со скоростью до 220 километров в час (измерена по снятым мной кинокадрам) пикирует на спокойно парящего ворона, так и кажется, что сейчас божья кара обрушится на черную мишень. Но ворон мгновенной «бочкой» уходит в сторону и, презрительно «крукая», летит себе дальше.

Или вот еще упоительное чувство… Выйдешь все там же, в Даларна, рано утром, часиков в шесть, в огород и, закинув голову назад, пошлешь в голубое небо воронов клич. Из поднебесья чуть слышно доносится ответ, а саму птицу почти и не видно, тем более когда она, что твой сокол, сложив крылья, устремляется вниз, влекомая силой тяжести, чтобы в последнюю минуту с громким хрустом расправить несущие плоскости и приземлиться на руке. И озорная «улыбка» на лице, присущая всем врановым, когда они довольны или когда чувствуют свое превосходство.

Эту же улыбку можно видеть у пары, расхаживающей по крохотным, десять-пятнадцать метров в поперечнике, островкам на тамошних озерах. Но совсем другое выражение на «лице» несчастного чирка, который семенит следом за воронами, точно владелец багажа во время досмотра. Что-то будет с бабушкиной настойкой?.. Увы, пернатые таможенники работают на совесть. Вороны находят гнездо, и вот уже конфискация свершилась.

Пилотское искусство Кая производило на меня поистине фантастическое впечатление, тем более что до тех пор я не видел врановых даже на картинках. Он с потрясающей точностью рассчитывал свою скорость, с убранными на сапсаний манер крыльями врывался через захлопывающуюся дверь, и подчас

слышен был шелест, когда он задевал края смыкающейся щели. У нас буквально сердце обрывалось, зато в других случаях его нехитрые, но безошибочные маневры заставляли нас хохотать до упаду. Кай бесподобно выполнял номер, которому позавидовал бы любой поморник или фрегат. Сидишь, бывало, утром за столом на террасе и только намажешь себе вкусный бутерброд, только поднесешь его ко рту, вдруг по воздуху проносится черный призрак, миг — и нет ни бутерброда, ни галки.

Итак, Кай был самой обыкновенной галкой, правда реагировавшей на человека. От него не веяло темным бором и глухими дебрями, но для меня-то он был первой щелкой, через которую я заглянул в заслоненный от человека покровом таинственности дикий мир. Я воспринимал его как индивида, как личность, а внешне он ничем не отличался от любой галки в больших стаях. Сквозь щелку я с растущим интересом присматривался к таинству, в которое и по сию пору проник не до конца: как животное воспринимает окружающий мир. Начиная с того лета, проведенного в обществе галки, я, что ни год, подмечаю все новые детали, но до чего же трудно сообщить другому сложившееся у тебя интуитивное восприятие! Одно для меня очевидно: близкое общение с ручными животными не просто дополняло мое исследование «диких» животных — без него этология, наука о поведении животных, свелась бы для меня к изучению функций нервной системы. Наблюдая за галкой, я сам, без помощи книг (этология как наука тогда еще только зарождалась) подмечал многие существенные черты поведения птиц. Например, такой любопытный факт. Достаточно было Каю увидеть воду, пусть даже к ней нельзя было подобраться, как он начинал производить стереотипные купальные движения. Сперва я только смеялся, потом стал задумываться. Еще один набор стереотипных движений Кай выполнял, греясь на солнце. Большинство пернатых одинаково (или почти одинаково) реагируют на жгучее солнце или на яркую лампу, излучающую тепло: они медленно, будто в трансе, поворачивают голову, так что глаз смотрит прямо на солнце или лампу. Перья, тоже как бы безотчетно, топорщатся, крылья медленно расправляются, птица замирает с раскрытым клювом и может сидеть так долгое время. Поразительно, что глаз ее выносит столь яркий свет; даже совы, например болотная, подвергают свою чувствительную сетчатку излучению, которое оказалось бы губительным для человеческого глаза. Правда, глаз птицы во многом устроен иначе, чем наш; возможно, гребень, этот загадочный вырост, поднимающийся над зрительными клетками, затеняет самые чувствительные части. А если глазу ничто не грозит, то само по себе описанное действие,

несомненно, полезно для птицы — купаясь в солнечных лучах, она, вроде нас, увеличивает запас витамина D в организме и избавляется от многих бактерий.

С приходом осени, естественно, возник вопрос, как поступить с Каем. Он был равнодушен к другим галкам, да и видел их, только когда над островком пролетала очередная стая. Я всячески умолял родителей, чтобы разрешили взять Кая домой, и, покоренные этим забавным и своеобразным существом, они в конце концов согласились. Уходя в школу, я помещал Кая в просторную клетку, но, вернувшись, тотчас выпускал его. Как и все птицы, он часто пачкал, и в моей жизни видное место стали занимать ежедневные газеты: я стелил их всюду, где Кай мог сбросить бомбочку.

Минула зима, и новое лето оказалось упоительным повторением предыдущего, но, поскольку энергичная галка постаралась сорвать почти все обои со стен моей комнаты, терпение родителей истощилось, и они больше не считали Кая желанным гостем в нашем доме. Я пытался заинтересовать его другими галками, однако без особого успеха. В конце концов, настроившись на решительный лад, я вечером отнес Кая в лесок, где устраивалась на отдых ватага голосистых галок. На другой день его там не было, и больше я не видел Кая. Мы уехали с острова в тот же день, и, конечно, я тосковал, зато моя совесть была чиста. Я не сомневался, что мощный магнит машущих галочьих крыльев, силу которого я испытал на себе, помог Каю легко влиться в содружество сородичей, ведь «симбиоз» со мной был всего лишь суррогатом.

Я уже говорил, что мальчиком по ряду причин был довольно одинок. В стенах нашей Сёдермальмской мужской гимназии я чувствовал себя отменно, но после уроков контакт с товарищами обрывался. Мне было разрешено уходить за десять минут до конца последнего урока, а вернее, бежать сломя голову по булыжникам Кварнгатан и через Мариинсщее кладбище к остановке трамвая, чтобы вовремя поспеть в оперный театр. Так обстоятельства надежно отгораживали меня от одноклассников; теперь я припоминаю, что ребята почти никогда не приглашали меня к себе в гости. И я ничуть не переживал, отлично сознавая, что представляю особый случай — тут тебе и диабет, и занятия балетом, и все такое прочее. Мои друзья по театру жили в разных концах города, и ведь мы с ними все равно встречались каждый день. А придешь домой — уроки, пес, галка… То, что большинству показалось бы уединенным образом жизни, меня вполне устраивало. В футбол, которым увлекались почти все мои сверстники, я не играл, даже ни за кого не болел, и однако же

никто в классе не занимался мячом так усердно, как я.

Началось с акробатики — она, как я говорил выше, понадобилась мне для самоутверждения. Впервые я попал на цирковое представление в десять лет, к тому времени я уже два года занимался балетом, научился в какой-то мере владеть своим телом и понимал, что лишь ценой исключительного упорства смогу достичь вершин и стать настоящим артистом. А может быть, акробатом?..

Увиденное на манеже заворожило меня, и дома я пытался воспроизвести акробатические номера. Научился стоять на руках, на голове, ходить на руках вверх и вниз по лестнице, делал не очень уверенную стойку на одной руке. Помню свой первый «заработок», в новом амплуа. Облизывая очередную порцию пломбира, мой одноклассник, который лучше всех нас был обеспечен презренным металлом и чуть ли не на каждой перемене наслаждался мороженым, смотрел, как я тщетно выворачиваю карманы в поисках монетки. Куда же она запропастилась?

— Влезь на столб, сделай стойку на одной руке, получишь мороженое, — заявил этот капиталист.

Разумеется, я влез на фонарный столб и сделал горизонтальную стойку на правой руке. Для меня это было проще простого, и высоты я ничуть не боялся.

Я не мог пожаловаться на гибкость своих суставов и вместе с будущей прима-балериной Марианой Орландо из знаменитой цирковой династии Орландо заполнял перерывы между напряженными уроками в театре акробатикой — то делал мост, то прыгал на руках, заложив ноги на шею. Во время летних каникул я продолжал еще более интенсивно тренироваться на нашем чудесном Каменном острове. Вскоре мой отец, преподаватель пения, обнаружил, что музыкальная студия, которую он оборудовал на острове, совершенно преобразилась. Высокий потолок бывшего сарая позволил подвесить трапецию и кольца, установить стойки и натянуть между ними два каната. Тренера у меня не было, но я сам трудился до исступления, заставляя свое тело выполнять виденные на манеже трюки.

В двенадцать лет я увидел нечто совсем новое и потрясающее — жонглера-классика. С немыслимой скоростью манипулировал он шарами, кольцами и булавами, четко и безупречно выполнял всевозможные комбинации и вариации.

Я тотчас понял, что для таких сложных трюков требуется неизмеримо большая сработанность мышц и нервов, чем для любого другого циркового жанра. Конечно же, я принял вызов и начал упражняться еще и в жонглировании.

Словом, мне было чем заполнять свой досуг. И все же тоска по Каю давала себя знать. Но тут на сцене появилась другая птица. В сумрачный зимний день, выйдя из школы, я на багажнике своего велосипеда сквозь завесу мокрых снежинок разглядел нечто вроде смятого бумажного кулька. Это был голубь, очень грязный, а вообще-то белый, с черными бляшками на шее и крыльях. Повезло ему, что в предсмертные минуты он выбрал именно это место… Он до того обессилел, что не мог двигаться. Я сунул его за пазуху и покатил домой. Дома отогрел его, и мало-помалу он ожил. Ему явно пришлись по вкусу размоченные в теплом молоке сухари, и на следующий день он уже обрел вполне приличную форму. С самого начала он был совсем ручной; вообще я заметил, что у больной птицы часто не хватает мочи на то, чтобы реагировать страхом или угрозой на грозного двуногого зверя, и вы не встречаете отпора, на преодоление которого обычно может уйти месяц, а то и больше. А когда птица идет на поправку, она быстро усваивает, что ее опекун — безопасное существо. Если человек выхаживает, например, истощенного, апатичного, чуть живого беркута, птица становится «ручной» не из благодарности, а, так сказать, в обход нормального защитного поведения.

Зима, как всегда в Стокгольме, выдалась для птиц тяжелая, и я, конечно же, держал голубя дома, в тепле. Обычно птицы, сменив холодный воздух на комнатную температуру, начинают петь во всю глотку; это вполне естественно, ведь тепло стимулирует половые железы и тем самым форму брачного поведения, которую мы называем пением. Мой Колумб (голубь по-латыни — *columba)*не был исключением. Стоило мне войти в комнату, где находился питомец, как он начинал семенить взад-вперед и ворковать. Вскоре он стал рассматривать всех членов семьи как соперников — и возможных партнеров. Расправит крылья и хвост и атакует наши ботинки, яростно дергает шнурки. Подобно Каю и многим другим пернатым, которых я держал, он, во всяком случае на время, реагировал на человека. И, подобно им, иногда спускался на голову кому-нибудь из нас и вел себя как влюбленный голубь. (Когда к вам проявляет нежные чувства голубь или скворец, это еще куда ни шло; хуже дело, если в роли влюбленного выступает филин, вооруженный восемью острейшими когтями.)

Настал март, на улице потеплело, и Колумбу, который поглощал неимоверное количество корма и производил соответствующее количество гуано, была предложена свобода. Я широко распахнул окна, он с довольным видом сел на солнышке и безучастно глядел на пролетавшие мимо голубиные стаи.

Как раз в это время я здорово простудился и слег недели на две. Однажды утром меня разбудили какие-то глухие, стонущие звуки. В первую минуту я никак не мог сообразить, что это и где источник звуков. Потом почувствовал, как что-то шевелится у меня в ногах под одеялом. Это Колумб нашел подходящее с точки зрения уличного, вернее скалистого, голубя место для гнезда и теперь усердно зазывал меня туда. В самом деле, чем плохое убежище для кладки!

В один из майских дней я вывез его за город. Он сразу набрал высоту, потом стал описывать широкие круги, и я уже надеялся, что Колумб, как положено голубям, ощутит тягу к дальним странствиям и сам полетит в Стокгольм, к тамошним голубиным стаям. Ничего подобного. Он спустился мне на плечо и завел свое ласковое «ру-ху, ру-ху, ру-ху».

Возвратившись в город, я решил держать его на балконе. Кругом летали влюбленные голубиные пары и одинокие голубки. Колумб ворковал, пыжился и в конце концов явно нашел себе более подходящего партнера, чем наше семейство. В один прекрасный день я обнаружил, что он исчез. Обнаружил не без грусти.

Хотел бы я знать, что думали люди, встречая на улице мальчика, который таращился в небо с придурковатой улыбкой, похлопывал себя по плечу и время от времени восклицал:

— Колумб! Колумб!

Откуда им было знать, что мой возглас относился к летящему в стае белому голубю с черными пятнами на шее и на крыльях.

Снова летние каникулы, снова пышно цветут луга, солнце сияет в вечно голубом небе — таким всегда рисует лето наша благосклонная память.

Наш сосед, любивший фруктовые деревья и мелких пташек больше, чем сорок, уже разорил одно сорочье гнездо, и до меня дошло, что он собирается поступить так же с новым сооружением настойчивой пары. Я влез на дерево, запустил руку в круглое гнездо и извлек комочек, весьма отдаленно похожий на изящных сорок с их блестящим черно-белым нарядом. В жизни не видел более уродливого существа: головенка беспомощно болтается па тонюсенькой шейке, тельце голое, без единой пушинки. Родители осыпали меня бранью, и совсем незаслуженно, ведь в итоге из всего выводка выжил только сорочонок Якоб. Это имя подсказал мне двусложный квакающий звук, издаваемый несоразмерно большой головой сорочонка, особенно при виде пищи. Якоб был изрядный чревоугодник, но после Кая меня трудно было удивить.

Кстати, в то лето я снова обзавелся галчонком. Прежний владелец предпочел расстаться с ним — вполне объяснимое

решение, если учесть гуано-фактор. Два представителя врановых стали добрыми друзьями, причем галка, похоже, выбрала сороку себе в родители, а со мной не очень-то считалась. Но ведь я не выкармливал ее с самого начала, как это было с Каем.

Как-то раз галчонок перелетел через пролив и опустился на березу на другом берегу. Я позвал его, но он явно не отваживался повторить свой подвиг. Я уже хотел сесть в лодку и отправиться за ним, но тут вмешался Якоб. Поднявшись в воздух, он спланировал и сделал над опешившим галчонком вираж — типичный для врановых маневр, означающий приглашение к полету. И галчонок вместе с Якобом вернулся на остров.

К сожалению, ему не суждено было жить долго. Приятели обычно ночевали на дереве, и однажды утром я увидел на земле под этим деревом несколько черноватых перышек. Я принялся звать своих питомцев. Наконец с густой ели донесся чуть слышный ответ. Якоб был потрясен ночным происшествием. Судя по всему, виновником злодеяния была серая неясыть. Она выбрала меньшего из приятелей, Якоба не тронула — пока. А на следующий день и он исчез. Я был в отчаянии. Все мои поиски были тщетными, когда же я лег спать, в комнате вдруг послышался чей-то тихий голосок. В углу, на шкафу сидел Якоб… С того дня, вернее с той ночи, он с наступлением сумерек всегда укрывался в доме.

Якоб вырос красавцем, как все сороки. Длинные черные рулевые, живописно контрастирующие с чисто белыми перьями, переливались радужным блеском. Вспомните, как преломляется свет в нефтяной пленке на воде, и она отливает то зеленым, то синим, то красным. Нечто в этом роде происходит здесь, и тот же принцип лежит в основе красочного наряда колибри.

Когда на мою жену находит желание улучшить природу, я говорю ей, что она куда красивее без косметики, как бы искусно ни был наложен грим. И чтобы окончательно убедить ее, заключаю:

— Будь у нас дома картина великого мастера, разве стал бы я добавлять от себя мазки?

То же можно сказать обо всех шедеврах природы, в том числе о птицах.

Пример Якоба лишний раз подтвердил это. Как-то я затеял белить потолок. Якоб очень заинтересовался моим занятием. И не успел я опомниться, как он нырнул в банку с краской — решил искупаться! Обнаружив свою ошибку, он с криком вылетел из комнаты, белый, как альбинос. Прошло немало времени, прежде чем я, дожди и сам Якоб общими усилиями придали ему нормальный вид.

«Сорока-воровка» — не только название оперы, но и хорошо известное понятие всюду, где бы ни водились сороки. В сорочьих гнездах можно найти пропавшие чайные ложки, часы и другие металлические предметы. Конечно, с точки зрения самой сороки эта «преступная деятельность» — полезная черта поведения; птица подбирает все, что может пригодиться семейству. Якоб не был исключением, и мы всегда следили за ним.

Однажды, когда я собирал малину, откуда-то прилетел Якоб. Присмотрелся, как я работаю, сам сорвал одну ягоду, попробовал и решил отложить на потом, поискал взглядом подходящее местечко и сунул ягоду мне в нагрудный карман. Расправил клапан кармана, посмотрел, что получилось, затем всерьез принялся за сбор ягод. И не успокоился, пока не набил карман доверху. С таким членом семьи не соскучишься!

По утрам к нам на остров наведывалась ватага сорок. Мы поощряли эти визиты, клали объедки на видном месте. Заслышав сорочий стрекот, я сажал на руку Якоба и шел в птичью столовую. Якоб набрасывался на лакомую еду, а я удалялся — при мне другие сороки, прекрасно знающие коварство человека, не решались спуститься с деревьев. Но когда стая улетала, Якоб всегда возвращался ко мне.

Целью моих действий было восстановить нарушенные родственные узы Якоба. Пусть ведет обычный сорочий образ жизни с его плюсами и минусами, не вечно же ему жить с человеком — как ни приятно это хозяину, птица в конечном счете немало теряет от такого общества.

Начиная с Кая и Якоба, я всегда старался вернуть своих питомцев в те природные условия, к тем сородичам, которые им нужны, а это подчас трудновато, ведь приходится обучать животное, каких опасностей надо остерегаться, как добывать себе корм. Возьмите сов — птенцы не сразу усваивают тонкости охоты, им помогают в этом родители.

Когда мы в конце лета покидали остров, Якоб давно уже наладил хорошие отношения с другими сороками. И я применил «военную хитрость». Как и все сороки, Якоб любил блестящие предметы. Мы загодя приготовили целую гору металлических предметов: колпачков, фольги и многого другого, и перед тем как сесть в моторную лодку, отдали Якобу эти сокровища. Он тотчас принялся носить добычу в свои тайники, а мы тем временем уехали.

Каменный остров почти скрылся за мысом, когда мы заметили в воздухе черную точку. Ближе, ближе — и вот уже Якоб, как ни в чем не бывало, сидит на планшире. Мои переговоры с родителями кончились тем, что ему было позволено

следовать с нами до Стокгольма. Мы приближались к Флену, довольный Якоб изучал наш багаж, и тут впереди показался каменный мост. Гулкое эхо и вид страшной «пасти», грозившей всех нас поглотить, — испугали Якоба. Он взлетел, сел на куст на берегу и оттуда смотрел, как мы вместе с лодкой исчезаем под сводом. Как ни хорошо работала его сорочья головушка, он не сумел сообразить, что мы выйдем с другой стороны. И остался Якоб один.

А когда четыре дня спустя мы прошли под тем же мостом в обратную сторону, Якоб снова опустился на планширь! Как будто время дало задний ход.

И все-таки притягательная сила сорочьей ватаги сделала свое. Четыре дня разлуки научили Якоба добывать корм самостоятельно, а мы в те два дня, что еще провели на острове, старались не показываться ему на глаза. Напоследок для всей компании утром приготовили обильное угощение, и, пока Якоб препирался со своими приятелями из-за лакомых кусочков, мы укатили. От души надеюсь, что он был принят в стаю и со временем стал счастливым отцом.

Птицы-имитаторы и подражание птицам

Сорока Якоб был самец. По внешности определить это почти невозможно, потому что наряд самца и самки у сорок одинаков. Дело решила песня, если тут годится это слово. Ранней весной самец приступает к вокальным упражнениям — то каркает, то щебечет, — и порой его голос звучит вполне прилично.

Якоб начал упражняться среди лета, и однажды я с удивлением услышал из его уст, то бишь клюва… свой собственный голос! Он произнес свое имя «Якоб»; быть может, голос его и прозвучал чуть глуше моего, но интонацию он воспроизвел почти точно.

Хотелось бы несколько подробнее остановиться на имитации, причем не только на примере птиц, но и на собственном опыте.

Исстари охотники в разных уголках земного шара прибегали к звукоподражанию, чтобы приманить добычу. В Суринаме индейцы подражают, в частности, голосам паукообразной обезьяны, капуцина, агути, тинаму. И хотя, на мой взгляд, делают это они довольно скверно, уловка помогает сократить расстояние между охотником и добычей. Правда, охотник идет на известный риск. Однажды, когда мой гайанский друг Атти из племени макуси решил приманить агути, незамедлительно последовала реакция, которой он не ожидал: из чащи на него бросился ягуар. Хорошо, что Атти вместо лука и стрел взял ружье.

Разумеется, манки, которыми пользуются в камышах наши охотники на уток, не грозят человеку такими неприятностями. Манками пользуется и мой бразильский друг Аугусто Руши, известный всем орнитологам мира эксперт по колибри. На каждый вид колибри у него есть особый манок, еще один — для имитации голоса бразильского сыча. Заслышав голос мнимого сородича, колибри бросается защищать свою территорию, яростно атакует имитатора — и попадает в плен. Голос сыча заставляет всех колибри в округе собираться вместе, после чего доктору Руши остается только выбирать, которого из стаи возбужденных крикунов ловить на длинный прут, смазанный клеем.

Меня имитация заинтересовала совсем по другим причинам. Я хотел выяснить, почему птица в одной ситуации издает какой-то звук, а в другой ситуации — совершенно иной. Пожалуй, толчком послужила одна из книг, которые я брал в детском отделении городской библиотеки. Автор утверждал, что для

североамериканской вороны одно количество карканий звучит как призыв, другое — как предупреждение об опасности. Я быстро убедился, что шведские вороны не прилетают и не разлетаются, когда я издаю описанные в книге сигналы, но с меня было достаточно и того, что они отзывались. Между прочим, позднее я установил, что лучшее средство созвать ворон — подражать ворону! Изо всех врановых ворон самый зоркий, и, когда несколько сизо-черных крепышей начинают переругиваться, все вороны в округе воспринимают это как сигнал к обеду. Так что если вы изобразите перепалку двух воронов, очень скоро начнут слетаться заинтригованные вороны. Конечно, при условии, что они вообще водятся в этой местности. И что вы издаете нужный звук. Не тот звук — никакой реакции. У ворона большой репертуар; есть, разумеется, и предупреждающие сигналы.

Я начал имитировать все подряд. У меня был довольно тонкий голос, я без труда мог кричать фальцетом, воспроизводя, скажем, крики чаек. Я и теперь эксплуатирую голосовые связки, чаще всего «неправильно», а именно на вдохе, так что грудная клетка служит резонатором. Моего отца, преподавателя пения, весьма беспокоило такое издевательство над голосом, но я не знаю иного способа заставить чернозобую гагару плыть ко мне по тихим водам шведского озера или красноклювого тукана опуститься на ближайшем дереве и затеять со мной перебранку. Этот прием годится и для воспроизведения некоторых совиных сигналов или скрипучего «кррянк» серой цапли. Все же безусловно рекомендовать его не стану. Проведя ночь у озера, на котором плавали весенние льдины и десяток гагар, я на несколько дней совсем потерял голос. Мне хотелось записать на пленку хороший концерт, и я созывал гагар криком на вдохе, заставляя их неистово кричать на одиннадцатую «птицу». Запись и впрямь дышит дикими дебрями, но потом я не смог бы даже стрекотать по-сорочьему.

А еще я начал подражать свистом мелким пичугам — и тут мне, что называется, открылся новый мир. В этом мне очень помог мой учитель биологии Альф Лильефорс. Однажды я пожаловался, что нам, ученикам, очень уж редко приходится слушать пластинки с голосами птиц, хранившиеся в толстой папке в шкафу.

— У нас не хватает на это времени, — ответил учитель. — Но если Линдблад обещает осторожно обращаться с пластинками, он может взять их домой на недельку.

Будьте уверены, я использовал это время на все сто процентов! Чтобы хорошенько запомнить все сигналы, которые лишь теперь перестали быть для меня анонимными, я попытался

имитировать их. Ничего, получилось — и вскоре первые опыты переросли в пламенное увлечение, которое с тех пор не угасает. В ту весну я только и делал, что ходил и свистел. И намного расширил свои познания. Черные дрозды яростно бросались на мнимого соперника. Я заставлял метаться зяблика, имитируя его сигнал опасности, наводил стаю бранчливых пичуг на мирно дремлющую серую неясыть. Короче, в моем распоряжении вдруг оказалась ономатопоэтическая волшебная палочка, и я прилежно ею пользовался. Пользуюсь и теперь, ведь это подчас единственное, во всяком случае наиболее верное, средство определить певца в густых тропических дебрях. Примером может служить случай, происшедший года два назад в национальном парке Хао Яи в Таиланде.

Вместе с автором определителя «Птицы Таиланда», доктором Бунсоном Лекагулом, я медленно катил на машине вдоль опушки леса. Из чащи доносились причитания гиббонов и сотни других голосов, придающих такую прелесть зеленым таиландским дебрям. Вдруг мое внимание привлекли какие-то особые пронзительные звуки. Мы остановились. Нет, пропали… Тогда я попытался воспроизвести то, что слышал. Короткая пауза, а затем на нас обрушился целый каскад звуков. Продолжая имитировать, я достал магнитофон и смог получить превосходную, на несколько минут запись черноухого смеющегося дрозда — так определил этот вид Бунсон.

— Странно, — заметил почтенный орнитолог, — впервые в жизни слышу, чтобы он пел.

И другой, совсем недавний пример. Я провел всю ночь в лесу на горе Бровнсберг в Суринаме (Гвиана Нидерландская), здорово устал, да и птицы пели уже не так прилежно, но мне хотелось найти и записать белогорлого дрозда *Turdus leucomelas.* В этом я не преуспел, зато вдруг услышал голос птицы, которую тщетно искал все годы, проведенные в Южной Америке. Имитируя отрывок песни, я поспешил туда, откуда он донесся, подготовил аппаратуру для звукозаписи, и к моей несказанной радости птица запела во весь голос в каких-нибудь трех метрах от меня, хотя время было уже позднее. Лента запечатлела голос органиста, ради которого один мой бразильский коллега предпринял целую экспедицию в глухие влажные леса Амазонас! Право же, умение свистеть и имитировать — драгоценнейший дар.

Звукоподражание помогало мне и в других случаях. Когда общаешься с ручными и дикими животными, будь то птицы или млекопитающие, правильная имитация чрезвычайно важна. Птенца, который упорно отказывается от еды, почти невозможно спасти, но подражание голосам родителей действует как

волшебное заклинание, клюв малыша тотчас раскрывается, идет ли речь о белобровике, ястребе-тетеревятнике или — совсем свежий случай в моей практике — колибри «весом» в полграмма. Правда, на первых порах бывало, что птенец, как ни старался я поточнее воспроизвести сигнал его родителей, сжимался от страха в комочек при виде страшного создания! А все дело в том, что я по неведению имитировал сигнал тревоги. Так что, если вы хотите подбодрить птенца ястреба-тетеревятника, не издавайте прерывистый свист «дю-дю-дю-дю», которым взрослая птица встречает приблизившегося к ее гнезду человека, — это сигнал опасности. Вместо этого свистите протяжно «виий-виий», воспроизводя звук, означающий, что самка голодна и самец принес ей корм для раздачи птенцам.

Кстати, у нас в парках, приманивая белок, издают совсем не тот звук — цокают языком, имитируя… сигнал тревоги. Правда, имитация не очень удачная, поэтому белка все равно подходит к руке с орехами. Попробуйте шутки ради почмокать губами, приложив их к щели между указательным и средним пальцем! Бедняжка, дергая хвостом и испуганно сверкая глазами, молнией метнется вверх по ближайшему дереву.

Часто песня и другие характерные для вида звуки необходимы для воспитания способной к воспроизведению особи. Были, например, опыты с филинами: их выращивали в авиариях, чтобы выпустить в местах, где искони водились филины. Но мало лишь кормить птиц, обеспечить им простор и подходящий биотоп. По-моему, они непременно должны знать «ключевые сигналы», составляющие важную часть в комплексе полового поведения, который завершается спариванием. Для филинов и других сов при их ночном образе жизни звуки как средство привлечения партнера не менее важны, чем для колибри или райской птицы нарядное оперение. Подлетев с добычей к гнезду, филин всегда издает свой территориальный сигнал, а самка отвечает звуком, означающим просьбу о пище (этот же звук, но в «детском» варианте издают птенцы). Молодежь уже достигла половозрелости, а самка все еще отзывается на территориальный сигнал супруга просьбой о пище, подчиняясь тем самым менее крупному и более слабому самцу.

Что же до самца, то, сдается мне, генетический механизм, с одной стороны, побуждает его заучивать территориальный сигнал, с другой — реагировать на него агрессивно, не допуская на свою территорию чужого самца. Довольно простая механика, но она не срабатывает, если птица еще птенцом не слышала нужного звука. (Подробнее о звуках, издаваемых совами, я рассказывал в книге «Совиные дебри».)

И у других птиц наблюдается та же механика, но точно назвать все семейства я пока не берусь.

Выше я говорил, что птенец дрозда раскрывает клюв в ответ на имитацию голоса родителей. Кто сидел в тайнике по соседству с гнездом белобровика, возможно, замечал, что самец иногда, опустившись на ветку возле своего дома, исполняет приглушенный вариант звонкой территориальной песенки, и птенцы разевают клюв: «мальчики» запоминают, что им петь, «девочки» — какой сигнал сулит им корм и «жилплощадь».

Словом, чтобы поладить с пернатыми или млекопитающими, «породниться» с ними, чрезвычайно важно научиться воспроизводить звуки, принятые в их взаимном общении. Тигр добродушным ворчанием встречает других тигров и — так и хочется сказать «ручных» — людей; сходные звуки издают выдра, капибара, енот, когда довольны своим компаньоном. Усвоив эти звуки, куда легче наладить контакт с животными.

Таким образом, звук — надлежащий звук — служит ключом, который подчас быстро открывает запертые двери. Но чтобы животное и впрямь воспринимало вас как сородича, не худо усвоить еще язык движений — двигаться так же, как оно. В психическое святая святых своих барсуков я проник после того, как вместе с ними начал прыгать на четвереньках, фыркая и замирая по всем барсучьим правилам. (Не волнуйтесь, я не стал барсуком.) И пусть дивились индейцы, глядя, как я мотаю головой, особым образом ворчу и фыркаю, зато гигантская выдра постепенно признала во мне пусть неладно скроенную, но все же выдру. Ведь я воспроизводил принятый у этого вида приветственный ритуал.

Когда прошлым летом я открывал дом шимпанзе в Буросском зоопарке, зрители, среди которых были и фотографы, наверно, решили, что я помешался. Вместо того чтобы важно произнести несколько слов и перерезать шелковую ленту, я с громким уханьем принялся ходить на четвереньках, опираясь па согнутые суставы. Мне хотелось и к шимпанзе подобрать ключ в виде жестов и звуков. И это вполне удалось. Смотрители рассказывали, что обычно шимпанзе весьма сдержанно принимают гостей — обнюхают человека несколько раз и больше не проявляют к нему интереса. Я же тотчас был, что называется, принят как свой в члены стаи. На сделанных в тот день снимках видно, как шимпанзе жестами «спрашивают» меня: «Мы ведь товарищи, хоть ты и побольше и посильнее нас?» А я в ответ с надлежащим выражением лица ухаю, то есть издаю сигнал контакта, которым обезьяны обмениваются как вблизи, так и на расстоянии.

Работая с дикими животными, исследовательница шимпанзе

Джейн Гудолл (я с величайшим интересом и восхищением прочел ее книгу, только что вышедшую в шведском переводе[6]) не прибегала к имитации. Ей потребовалось очень много времени на то, чтобы наладить с ними контакт и добрые отношения. Может быть, имитация контактных звуков и движений помогла бы шимпанзе быстрее признать ее? Дайан Фоссей, изучавшая горилл, писала в «Нэшнл джиогрэфик мэгэзин» (январь 1970 года):

«Согласно наставлению, исследование в таких случаях сводится к тому, чтобы сидеть тихо и наблюдать. Меня такой метод не устраивал, я чувствовала, что гориллы вдвойне подозрительно отнесутся к существу, которое сидит и таращится на них. Вместо этого я решила попытаться завоевать их доверие, пробудить в них любопытство, подражая поведению гориллы — как она ест, как почесывается. А позже, разобравшись в смысле издаваемых ими звуков, я начала их воспроизводить, в том числе гулкое рыгание. Гориллы реагировали благосклонно, пусть даже такой способ не всегда казался мне достойным человека. Право же, странно чувствуешь себя порой, когда ритмично колотишь себя в грудь или уписываешь дикий сельдерей с таким видом, будто речь идет об изысканнейшем лакомстве».

Этот метод позволил Дайан Фоссей поладить даже с двухсоткилограммовыми самцами — «зверями», на которых бесстрашные охотники отваживались смотреть только с ружьем в руках.

Похоже, дело идет к изменению наших традиционных, в корне неверных представлений о животном мире, сложившихся под влиянием хвастливых россказней охотников за кровавыми трофеями. И похоже, имитация — надежный ключ, позволяющий изучать уравновешенных животных, а не таких, которые испуганы необычными для них чертами человеческого характера ничуть не меньше, чем мы от роду склонны пугаться их повадок.

Естественно, занимаясь звукоподражанием, я особенно заинтересовался теми птицами, которые сами имитируют песни других птиц, а то и совсем посторонние звуки.

Нам, шведам, повезло, в нашей стране множество птиц, репертуар которых включает имитацию, подчас поразительно точную. В самом деле, трудно удержаться и не поглядеть вверх, в небо, когда сойка подражает канюку!

Среди врановых наибольшую пользу из своего умения имитировать извлекают, пожалуй, ворон и сорока. Как мне кажется, именно способность ручного ворона воспроизводить человеческую речь да еще то обстоятельство, что воронов чисто гастрономически привлекали капища, где наши языческие предки занимались жертвоприношениями, помогли образоваться ореолу

сверхъестественности, которым окружена эта птица в зловеще-черном наряде. Птицы Одена, которые летали во все концы и приносили вести о том, что происходило на свете, тоже ведь были воронами, возведенными в ранг его мысли и памяти — Хюгин и Мюнин. А так как птицы богов неприкосновенны, от этого, естественно, выигрывал весь вид — как выигрывал священный ибис у древних египтян и другие привилегированные животные.

Сорока тоже может научиться говорить, и она во многих местах выгадывает от людского суеверия. Между прочим, в Швеции она почти никогда не гнездится в глуши, а жмется к человеческому жилью. Возможно, ее «неприкосновенность» объясняется не только принадлежностью к врановым, но и столь важной в былые неспокойные времена склонностью поднимать шум при появлении чужаков.

Но как бы нас ни поражала способность ворона, сороки и других врановых имитировать речь человека, эти крупные представители воробьиных — жалкие приготовишки перед другими пернатыми имитаторами. Особенно хорошо известна зеленая пересмешка, в ее репертуаре больше подражаний, чем звуков, свойственных этому виду, причем темпу исполнения может позавидовать спортивный комментатор. Даже самый искушенный орнитолог с трудом успевает опознать имитируемые виды в этом стремительном каскаде звуков.

Ночными упражнениями болотной камышевки можно заслушаться, в тиши светлой ночи отчетливо различаешь в конце строфы то посвист дрозда, то стукотню зяблика, то голос овсянки, то голос кроншнепа.

А сколько еще искусных подражателей среди наших пернатых…

Помню одну ночь на Эланде. На фоне отдаленных соловьиных трелей вдруг прозвучал голос, какого я раньше никогда не слышал. Печальная чистая песенка с отдельными скрипучими нотками прерывалась на несколько секунд и тотчас возобновлялась. Она включала в себя имитацию, в том числе незнакомый мне вариант песни белобровика. Пожалуй, это было первое выступление — и первая запись — садовой камышевки на шведской земле. Возможно, она имитировала русского белобровика.

Проснешься июньским утром в горах, в спальном мешке — на бровях иней, лицо задубело от холода — и ничего, если прямо над тобой «горный соловей» варакушка щеголяет синей грудкой с алым пятнышком и поет. Поет так, что дрожит и пичуга, и посеребренная морозом березовая ветка. Солнце медленно прожигает себе путь в утреннем небе, а над всем краем льется

хрустальная, чистая песенка, вобравшая в себя и музыкальные темы гор, и мелодии далекого юга.

Во всех странах можно найти множество превосходных имитаторов из отряда воробьиных. У нас держат в клетках майну, но, конечно, лучше других известны пользующиеся большим спросом попугаи — а ведь на воле, как ни странно, они не подражают другим видам, только терзают ваш слух пронзительными криками. Лишь один раз, в горах Кануну, в Гайане, я слышал, как смеялся и разговаривал попугай в дикой стае. Мне показалось, что я слышу слова из языка макуси; видно, попугай бежал из плена в индейской деревне. Подобно представителям воробьиных — ворону и сороке — попугаи в заточении отрезаны от общения с собратьями, зато усваивают слова, с которыми к ним обращается владелец. И так как они часто запечатлевают человека, нет ничего неожиданного в том, что они перенимают людскую речь. Примерно так же можно объяснить способность снегиря насвистывать целые мелодии. Печальное монотонное «ти-и-и», которое служит и стайным сигналом, и частью песенки снегиря, можно развить и добиться удивительных результатов; особенно этим увлекаются немцы.

Самым ловким имитатором среди наших пернатых я считаю скворца. Когда скворец прилетает весной, ему, как и всякому путешественнику, есть что порассказать! Прислушайтесь, он все поведает о своей жизни и странствиях. Вот отрывок из моих записей самого обыкновенного скворца. Там, где он вывелся, держали свиней, об этом говорит поросячий визг. Дверь дома, на крыше которого прилепилось гнездо, скрипела — вот так. По утрам какой-то жизнерадостный мужчина фальшиво насвистывал песенку, вы слышите ее в типично человеческом исполнении. Когда скворушка оперился, ему случалось вместе с сородичами ночевать в камышах: звучат голоса уток, камышевки-барсучка, камышовой овсянки, сердитых крачек. Иногда над камышами пролетал чеглок — наш живой магнитофон и это четко запечатлел плюс еще десятка два разных голосов, услышанных во время путешествия на юг. Но всего интереснее, что в звуковой картине плавней звучат по нескольку голосов одновременно! Утки крякают, крачки кричат, овсянка поет — и все это вместе! Задача вполне посильная для скворца, способного одновременно играть на разных частях своего голосового аппарата, заключенного в гортани. Аппарат этот помещается в месте соединения бронхов и насчитывает три, если не пять, связок, каждая из которых управляется, по-видимому, отдельным нервом и воспроизводит свою «запись» независимо от других.

Однажды утром, возвращаясь из леса, где я всю ночь слушал

и имитировал птиц, я услышал тревожные голоса скворцов. Они доносились с черепичной крыши над погребом. Мороз расколол одну плитку, и птицы свили себе гнездо под ней. Тесновато, конечно, тем более что природа осчастливила молодую пару шестеркой птенцов. Дети быстро росли, и вот одного малыша вытолкнули из гнезда. На земле барахтался почти голый комочек, смахивающий на ящерицу. Возвращать его в сляпанное кое-как гнездо (скворцы нерадивые строители) не имело смысла, оставить так — кошка живо расправится. И как ни возмущались горластые родители, я унес неуклюжий комочек с собой.

К тому времени я накопил некоторый опыт, знал, как обращаться с птицами, как их выкармливать. Я уже кончил гимназию, передо мной открывалось «светлое будущее». И со скворцами был знаком, держал дома разных тропических жителей — африканских скворцов, индийскую майну. Но, откровенно говоря, для меня они были скорее всего заморской диковиной, ведь я знал о них только то, что мог прочесть в книгах, смутно представлял себе их родину и нормальный образ жизни.

Совсем другое дело Стар, как назвал я своего шведского скворца. Возможно, где-то в подсознании жила мысль, что, спасая этого кроху, я как бы исправляю злодеяние, которое почти десять лет назад совершила моя стрела в каких-нибудь двадцати метрах от того же погреба. Но не менее важно было и то, что я неплохо изучил скворцов и их «дикие» повадки. Конечно, у Стара была своя индивидуальность, однако в целом его поведение не отличалось от поведения других скворцов, живущих на воле.

Проследите ранней весной, как стая скворцов ищет корм на лугу, — у них есть свой метод, не известный прочим шведским птицам. Просунут клюв под сухой лист и откроют, будто ножницы. И так идут от листа к листу, то и дело хватая добычу молниеносным движением. Чрезвычайно эффективная техника, странно даже, что другие пернатые до нее не додумались.

Если присмотреться поближе к скворцу — а благодаря Стару, сами понимаете, мне предоставилась такая возможность, — обнаруживаешь, что глаз и клюв у него вместе представляют собой тонко рассчитанную конструкцию; птица отлично видит все, что захватывают «ножницы».

Как только Стар подрос и облачился в бурый наряд — один из *четырех* (!) нарядов, которые скворец сменяет за свою жизнь, — он почти сразу начал летать. И не как-нибудь, вроде, скажем, птенцов дрозда, которые несколько дней неуклюже бьют крылышками, прежде чем изобразят что-то похожее на полет. Подобно всем скворцам, Стар по-настоящему взлетел в ту же минуту, как покинул гнездо, сиречь жестяную банку, в которой я

ежедневно сменял бумажную подстилку. Взлетел, опустился мне на плечо и стал просить еду, но не из рук, а изо рта! Не очень-то кстати, ведь я принес ему на завтрак дождевых червей. Но когда я ел бутерброды, Стару разрешалось брать кусочки у меня изо рта.

Потом, подкармливая и других птиц таким способом, я обнаружил, что они поразительно быстро становятся совсем ручными. А впрочем, ничего удивительного, ведь в птичьей семье именно так мамаша кормит птенцов, самец — самку. Так что этот прием своего рода ключ от психологического замка. Возьмите любую птицу из тех, которые действительно кормят птенцов, — они всегда передают пищу из клюва. Разве что у сов, особенно у филинов, самец предпочитает держать добычу в когтях, когда голодная, злая самка встречает его в воздухе и нетерпеливо требует свою долю. Еще одно исключение — лунь. Обычно же корм, будь то жидкий, как у колибри и голубей, или насекомые, или куски добычи, которые соколиха распределяет между голодными птенцами, подается из клюва в клюв. Я проверял свой «ключ» на многих видах — от шведской зарянки до южноамериканской гарпии — и часто добивался поразительного успеха.

Вскоре Стар начал петь. Мне повезло, что я подобрал самца, от него можно было ждать интересных имитаций. Стоило посвистеть, как он садился мне на плечо или на голову, а то и на руку, если я подносил ее к лицу. Мои имитации занимали его чрезвычайно, он даже открывал мне рот своими «ножницами», проверяя, откуда исходит звук. На фотоснимке (см. вклейку) видно, как это происходило. С моего голоса он имитировал разных птиц, в том числе соловья, черного дрозда, пеночку-весничку. И что странно, во время пения крылья у него не трепетали, как это обычно бывает у поющих скворцов. Точно воспроизведя мою имитацию зяблика, Стар не хуже магнитофона продемонстрировал мне, что я еще далек от оригинала…

Стар переехал с нами в город, и опять заметно возросла потребность нашего семейства в ежедневных газетах. Ему не пришлось ютиться в клетке, обычно он сидел, помимо моего плеча, на ветках, которые я укрепил на резной раме зеркала и воткнул в цветочные горшки с гипсом.

Всю зиму Стар упражнялся в звукоподражании и вскоре, как и следовало ожидать, научился произносить свое имя. Сперва оно ему никак не давалось, вместо «с» получался резкий свистящий звук, дальше — короткая пауза и «тар». Мое имя он тоже освоил, и было очень забавно слушать, как Стар, имитируя голос мамы, варьирует интонацию. В его крике «Ян!» можно было угадать то вопрос: «Ты дома?», то «Тебя к телефону!», то еще какой-нибудь

смысловой оттенок.

Он обожал мучных червей — лакомых личинок, которых охотно поедают не только насекомоядные, но и зерноядные птицы. Однажды я вошел в комнату с изрядным запасом личинок, но, так как перекармливать ими птиц не советуют, дал Стару склевать с ладони несколько штук, потом сжал руку в кулак. Он принялся клевать мне пальцы, ворча что-то на своем птичьем языке, и нечаянно у него вырвалось «Ян». Я мигом разжал кулак, дал ему склюнуть личинку и опять сжал пальцы. Кажется, я что-то придумал… Стар всячески старался одолеть барьер из пальцев, но получил награду лишь после того, как снова произнес «Ян». Этого оказалось достаточно. Скворец усвоил новый для себя сигнал. Продолжая затем «дрессировку», я добился того, что скворец, на удивление гостей, услышав мой вопрос: «Как звать хозяина?» — тотчас отвечал: «Ян, Ян» и летел к моей руке. По сути дела он научился отвечать на вопрос, отвечать сигналом на сигнал! Достижение более выдающееся, чем может показаться на первый взгляд. Конрад Лоренц в уже цитированной мною книге пишет:

«Даже умнейшая из всех «говорящих» птиц, которая, как мы вполне могли убедиться, способна согласовывать свои высказывания с конкретной частной ситуацией, тем не менее не может практически применять свой дар».

И еще одна цитата оттуда же:

«Профессор Кёлер… пытался заставить своего талантливого серого попугая по кличке Гейер произносить слово «пища», когда тот был голоден, и «вода», когда он испытывал жажду. Эта попытка не имела успеха, не смогли добиться этого и другие исследователи».

А Стар решил эту задачу. Сколько раз бывало, что он семенил по мне, слегка пощипывая меня клювом и твердя свое «Ян» так трогательно, что я в конце концов шел за лакомыми мучными червями. Чем не «практическое применение своего дара»?

И до чего же чутко отзывался он на «ключевой» вопрос! Стоило мне начать рассказывать кому-нибудь по телефону, что Стар откликается на слова: «Как звать хозяина?» — и скворушка тотчас прерывал свою песню, садился мне на руку и отвечал: «Ян». Естественно, за этим следовала награда в виде мучного червя.

Однажды нам принесли горностая, нечаянно попавшего в крысоловку. Был он белый, как снег, невредимый и злой, как черт. Стоило только посмотреть на него, как он поднимал крик! Мы поставили крысоловку в моей комнате, за чашкой чая договорились с владельцем о цене, потом я вернулся к себе. И с ужасом услышал, что голос горностая доносится из-за большого

зеркала в углу. Зверек на воле — что будет со Старом?! Кстати, где он? Нигде не видно… Воображение рисовало мне, как зубы горностая неумолимо стискивают шейку птицы. Я повернулся к крысоловке — как же все-таки разбойник ухитрился выбраться? О чудо: белый красавец сидел на месте! А голос из-за зеркала принадлежал притаившемуся в укрытии Стару, который мгновенно научился имитировать крик горностая…

В моей комнате стоял террариум с двухметровой змеей, большеглазым полозом, о котором я еще расскажу подробнее. И вот что я подметил: Стар частенько садился возле змеиной головы! Садился бесстрашно и отнюдь не цепенел, как грызун перед голодной рептилией. Знай себе сидит и спит. Войду — проснется, потянется и взлетит на мое плечо. Все-таки мое общество было для него предпочтительнее.

Мне кажется, все дело в действующем среди скворцов — возможно, и среди других стайных птиц — «общественном факторе». Когда голосистая ватага скворцов устраивается на ночлег в камышах или рассаживается рядками на крыше, на проводах, можно заметить, что они соблюдают определенную дистанцию. Так вот, эта дистанция приблизительно равна расстоянию, которое отделяло глаз Стара от моего глаза, когда скворец садился мне на плечо. И от глаза змеи, когда он сидел рядом с ней. Видимо, Стар инстинктивно черпал спокойствие в близости блестящего глаза, кому бы этот глаз ни принадлежал. К счастью, прочное стекло разделяло змею в террариуме и Стара. Вряд ли полоз отказался бы от птицы!

То же явление довелось мне наблюдать года два спустя, но на сей раз действующими лицами были другой скворец и ручная болотная сова. Скворец спокойно садился рядом с совой. Правда, болотная сова кормится грызунами, а на птиц охотится, если уж очень голодна. Моя сова не была исключением — грызуна хватала мгновенно, скворец же ничуть ее не занимал. Так и сидели они целыми днями, иногда и ночами в метре друг от друга.

Стар был любимцем всей нашей семьи, мы даже не пытались приучать его к другим скворцам, чтобы он улетел с ними. Он прожил у нас еще один год. Тем временем у меня появился новый скворчонок. Я надеялся, что маленький барахтающийся комочек окажется самочкой, будет подруга для Стара, а он и не глядел на малыша, не пробовал его кормить. Больше того, взял да заболел… Я решил, что он ударился об оконное стекло и у него получилось кровоизлияние в мозг. Может быть, так оно и было, а может быть, сделали свое дело химикаты, вредоносное действие которых на среду тогда еще не было установлено.

С каждым днем Стару становилось хуже, у него подкашивались ноги — вдруг упадет, потом с трудом поднимается. Он почти не мог летать, перестал петь, под конец уже вовсе не двигался. Дня два просто лежал, терпеливо, как все животные, переносят свои страдания, ел очень мало, и жизнь в нем едва теплилась. А однажды, лежа у меня на руках, вдруг встрепенулся раз, другой, третий, словно хотел взлететь, потом вытянул ножки, и тельце его постепенно начало холодеть. Умер.

Всего лишь скворец. Но до чего мне было больно. И я, держа на ладонях пернатый комочек, неожиданно для себя самого заплакал. Впервые в жизни я плакал по-настоящему. Ребенком я никогда не давал слезам волю, мальчику плакать не полагается, и я терпел, как бы сильно ни ушибся. Все страдания, физические и душевные, переносил стоически, как индеец из приключенческой книги. А тут слезы полились сами, лились неудержимо, и, наверно, для меня это было только благом в моем неутешном горе.

Извивающиеся, прыгающие, порхающие друзья

Странно — я задумал рассказать в этой книге о животных, с которыми мне посчастливилось дружить, однако вынужден сочетать свой рассказ с некоторыми автобиографическими моментами, чтобы связать воедино судьбы зверюшек, переплетенные с моей судьбой. Понадобится, пожалуй, еще одно краткое отступление, чтобы объяснить, откуда у меня брались деньги да и время на прокорм всех питомцев, а затем уж вернемся к миру ручных животных. Надеюсь, вы меня простите, уважаемые любители животных. После того как я двенадцати лет в свободное от школы и балета время стал заниматься жонглированием и акробатикой, произошло немало событий. Мне сделали очень сложную и искусную операцию на почке. После операции стеклянные трубки несколько недель заменяли левый мочеточник, ведь его перерезали, укоротили и снова сшили. И когда мне разрешили подняться с кровати, я был до того слаб, что еле стоял на ногах. В первое время акробатика как лекарство не годилась, зато потом она помогла мне быстро укрепить здоровье. Возобновил я и занятия балетом. Поначалу дело шло туго, но чем дальше, тем лучше.

Однако с оперным театром пришлось все-таки расстаться. Не потому, что меня «забраковали» после всех моих недугов. Просто я почувствовал, что главным в моей жизни должны стать занятия животными. И что без основательных знаний далеко не уйти. Между тем в театре нашу группу все чаще привлекали к вечерним представлениям. Насколько мне известно, еще никому не удавалось успешно совмещать школу с балетной студией и вечерними представлениями, во всяком случае учась в выпускном классе. Надо было выбирать. В моей группе оставалось лишь четверо ребят — Вилли Сандберг, Гюннар Рандин, Бенгт Андерссон и я. Театр семь лет обучал нас — и вдруг такая неблагодарность с моей стороны… Я чувствовал себя отвратительно, и во время разговора с моей чудесной, доброй преподавательницей Вальборг Франчи, когда я перерезал нить, буквально взмок от нервного напряжения. Теперь все свободное время я тратил на животных и на более целеустремленные занятия жонглированием и акробатикой. В четырнадцать лет я победил на конкурсе жонглеров в «Параде молодых», организованном еженедельником «Векко-Ревюн» в Стокгольме, а на следующий год стал членом веселой бригады «Высотников» —

так назывался отличный питомник самодеятельных артистов, созданный газетой «Афтонбладет».

И вот я — подумать только! — выхожу на старую арену «Цирка» со своим собственным номером. Я старался изо всех сил, и публика хорошо принимала пятнадцатилетнего артиста, который казался еще моложе. Возможно, я брался за слишком трудные трюки, мне случалось ронять кольца, мячи и булавы, но я тут же подхватывал их снова, и, наверно, мое рвение делало номер особенно забавным. Завершался он тем, что я делал горизонтальную стойку, «флюгер», на одной руке, опираясь на металлический шест, и одновременно держал на зажатой в зубах круглой палочке мяч; другой мяч лежал у меня на затылке, третий на пятках, на свободной руке вращалось кольцо, и сам я вращался рывками на опорной руке. Публика топала ногами и била в ладоши. Конечно, овации доброжелательных зрителей меня радовали, но, по правде говоря, я слегка робел от такого горячего приема. Из меня так и не вышло профессионального «любимца публики». Главным для меня всегда было поставить и отшлифовать номер так, чтобы я сам был доволен. Мне нравилось упражняться, добиваясь совершенства, но показывать трюки другим было мукой. И все же приходилось этим заниматься. Основательно поработав еще год, я в 1949 году добился почетного отзыва в ревю «Высотников», а затем пошли ежегодные гастроли в народных парках и других зрелищных предприятиях.

Я трудился как одержимый, поставив себе четкую цель — стать лучшим в мире жонглером, ни больше, ни меньше! Через два года я жонглировал восемью кольцами, это считается рекордом. Еще через несколько лет в мою программу входили четыре номера, которых больше никто в мире не выполнял. Вот один из них, я его до сих пор не забросил: на лбу стоит шест с мячом наверху, другой мяч балансирует на зажатой в зубах палке, вокруг одной лодыжки вращается большое кольцо, второе вращается вокруг колена в другую сторону, третье — вокруг локтя левой руки, а правая рука быстро жонглирует тремя кольцами. Задача осложняется тем, что еще надо вращать кольцо, надетое на канат, на котором ты балансируешь вместе со всеми атрибутами.

С этим вполне законченным эстрадно-цирковым номером я мог бы поездить по свету как артист, но меня почему-то нисколько не привлекала такая жизнь. Мне было важно убедиться, чего я могу добиться от своего тела. Заграница меня не очень манила, хотя приглашений хватало. Я еще не получил аттестата зрелости и к тому же мечтал об университете. Теперь-то я готов пожалеть, что трижды отказывался от гастролей в СССР по

обмену между народными парками и советскими организациями. Советское цирковое искусство стоит на чрезвычайно высоком уровне, и я слышал, что оно пользуется в стране большим почетом. В Советском Союзе по праву считают, что цирковой артист, вкладывающий в свою профессию выдумку и годы напряженного труда, стоит вровень с солистами оперы и балета. К сожалению, в Швеции и других странах Запада недооценка циркового искусства привела к известному упадку. «Цирк — забава для детей», — вслух этого, быть может, не говорят, но думают так многие. А жаль, у этого вида искусства древние традиции, он славен примерами поразительного владения телом и полета фантазии. Надеюсь, паруса цирка дождутся попутного ветра.

Как бы то ни было, выступления летом в народных парках по субботам и воскресеньям и отдельные зимние ангажементы позволили мне заниматься в университете, не прибегая к займам, и еще оставались время и деньги, чтобы содержать многочисленных животных. Я мог спокойно посвятить свой досуг фаунистическим увлечениям, подвергая все новым испытаниям моих многотерпеливых родителей. Вообще-то предполагалось, что мои постояльцы ограничат сферу своей деятельности стенами моей комнаты, но на деле не всегда так получалось. Помню маленького ужа греческого происхождения, совсем безопасного, но окраской чем-то напоминающего гадюку. Моя мама не выносит гадюк. Между тем уж оказался специалистом по побегам из террариума. И когда мама находила его в гардеробе, на вешалке или в раковине, в квартире раздавалось такое сопрано, какого прежде не доводилось слышать ни мне, ни моей сестре, ни отцу — преподавателю пения.

Содержание экзотических змей тогда не было таким модным увлечением, каким оно стало в последние годы, — их попросту нельзя было достать. Конечно, находя на нашем островке ужа или гадюку, я несколько дней держал их в аквариуме, переделанном в террариум, но всерьез интерес к рептилиям пробудился у меня в тот день, когда в одном зоомагазине я увидел заколоченный ящик, источающий явственный запах змей. Этакий терпкий запах, отдающий тропической экзотикой. Я сравнительно дешево приобрел заманчивый ящик — как говорится, не глядя и на собственный страх и риск.

— Мы и сами не знаем, что в нем такое, — сказали мне. — У нас была выставка, это все, что после нее осталось.

Я вскрыл ящик в своей комнате и разместил его содержимое в двух больших террариумах, отнюдь не на радость маме. Несчастные змеи были еле живы после долгого заточения. Двух

из них я так и не смог спасти, околели через неделю-другую, но остальные выжили. Тощие они были до того, что кости просвечивали. Одну из них я определил как большеглазого полоза *Ptyas mucosus,* вторая оказалась маленьким питоном, но пережившую вместе с ними заточение метровую черно-желтую красавицу я в доступных мне справочниках не нашел.

Я искупал всю троицу в теплой воде и постепенно снял ошметки кожи, которые остались после незавершенной линьки в сухой тюрьме. Сменив кожу несколько раз и хорошенько отъевшись, мои змеи стали чудо как хороши.

Кормить плотоядных животных довольно трудно, тем более змей, ведь они, как правило, едят только то, что ловят сами. Если вы держали мышей и с увлечением наблюдали их быт и нравы, душа не лежит скармливать их совам и змеям. Но ведь нет никакой возможности держать неограниченное количество бурно размножающихся грызунов; это особенно относится к научно-исследовательским учреждениям, где белых и других мышей тысячами разводят для экспериментов. Время от времени учиняют массовые казни, опуская мышей в сосуд с эфиром; я сам раза два наблюдал такую процедуру и предпочитаю этому способу внезапное нападение змеи.

Кнют,[7] как я прозвал своего полоза за гибкость, не страдал отсутствием аппетита. В первый же раз он за один присест уплел шестнадцать белых лабораторных мышей! И бросался на них этот двухметровый великан так люто, что тотчас поражал насмерть. Через неделю он снова съел шестнадцать мышей, но затем потребление снизилось примерно до пяти в неделю. Глядя на полоза, и две другие змеи вскоре почувствовали аппетит.

За последнее десятилетие увлечение змеями растет, и теперь змея в доме уже не редкость. В этом есть свои плюсы, но есть и минусы, о которых надо помнить. Прежде всего, змеи, как и многие другие животные из дальних стран, могут завезти инфекцию. Риск переноса сальмонеллы настолько велик, что сейчас ввоз змей прекращен.

Да и вообще заниматься змеями рискованно уже потому, что они кусаются. «Безобидная» змея может укусить молниеносно и нанести болезненную рану, особенно на лице. Что же до ядовитых змей, то их я попросту не разрешал бы держать дома. Кто видел жертв южноамериканских ямкоголовых змей, меня поймет. Высохшая икроножная мышца, изувеченная гангреной ступня, незаживающая язва — очень частый результат, если только человеку вообще посчастливится выжить. Однажды мне довелось увидеть разъяренную кобру на кухне обыкновенной шведской квартиры — ее отделяло от людей тонкое стекло, которое

двухлетний сынишка хозяина шутя мог разбить игрушечным автомобилем. Такие вещи, мягко выражаясь, недопустимы. Ядовитые «комнатные животные» — чересчур опасная забава, особенно для мальчишек.

Чем больше всего привлекает змея? Поразительно гибкими движениями. Не многие животные на суше достигли в этом такого совершенства, как изящные, быстрые змеи. Но ведь неядовитые виды в общем-то ничуть не уступают ядовитым ни элегантностью движений, ни окраской. Конечно, черно-красно-желтый коралловый аспид превосходно смотрится, однако его яркий наряд, к счастью, имитируют многие неядовитые виды. Мимикрия распространена не только у змей; немало лакомых бабочек щеголяет таким же узором, как бабочки с отвратительным вкусом, и маскировка спасает их от гибели, как спасает она и безобидных коралловых ужей. Сходство с несъедобными или опасными видами отпугивает врагов.

Кстати, вчера (эти строки пишутся в дождливый день на Тринидаде) мне попалась змея с чудесной расцветкой на горной тропе, где семь лет назад я уже встретил экземпляр того же вида. На буром фоне — черные и кремовые узоры, напоминающие орнамент индийских корзин. Разве не соблазнительно поместить такого красавца в свой террариум? Но если добавить, что небольшой — меньше полуметра — представитель этого вида своим ядом убивает белую мышь за пятнадцать (!) секунд — проверено секундомером, — станет очевидно, что любоваться им лучше всего, когда он красуется в прочном террариуме хорошего зоопарка. Слов нет, на воле он еще краше, но очень уж риск велик… Лабария, о которой идет речь, и каскавела, несомненно, — самые ядовитые змеи Южной Америки.

И ведь именно опасность манит мальчишек. Им непременно надо самим себе доказать собственную храбрость. Между тем для неопытного человека первая же ошибка может стать и последней. Как сейчас помню случай, который произошел как раз в те годы, когда у меня жили змеи из заморского ящика.

В Стокгольме устроили выставку змей, мои питомцы тоже в ней участвовали. Один любитель выставил змею, которая попала к нему из фруктовой лавки вместе с гроздью бананов — ведь с бананами к нам приезжают и пауки, и змеи. Мне было разрешено вечерами, когда выставка закрывалась до утра, извлекать из террариумов интересующие меня живые экспонаты. Я только что обзавелся кинокамерой и с упоением снимал шумящих гадюк, гремучников, носатых гадюк, бумслэнгов, различных кобр — очковых, египетских, черношейных плюющих и превосходный экземпляр самой крупной из кобр, королевскую, чей укус,

наверно, являет собой быстрейший способ покинуть нашу юдоль страданий. Состав (он относится к быстродействующим парализующим нервным ядам) и изрядное количество яда, выделяемое при укусе взрослым гамадриадом, делают эту змею куда более грозной, чем прославленная кобра, укусившая Клеопатру.

Гамадриад, или королевская кобра, — самая крупная среди ядовитых змей. Я недавно видел экземпляр длиной в пять с лишним метров. На выставке экспонировался трехметровый экземпляр, тоже довольно внушительный, особенно когда для атаки змея поднимала голову почти на метр.

Однажды вечером владелец змеи из банановой грозди тоже задумал сфотографировать королевскую кобру. Ее пустили на пол между витринами, и под действием столь живительного для тропических змей тепла от фотоламп «королева» подняла свою величественную голову. Запечатлев ее под разными углами, незадачливый фотограф надел на объектив своего «хассельблада» насадочную линзу, позволяющую снимать меньше чем с полуметра, и приблизился к кобре, которая застыла в оборонительно-атакующей позе. Поза змеи красноречиво говорит о ее настроении. Заметив, что кобра напряглась, лучше подождите, когда она успокоится, и только затем можете медленно к ней приближаться.

Наш фотограф занял нужную позицию, тщательно навел резкость, змея замерла, фотограф тоже — и вот щелкнул затвор. Кто работал с «хассельбладом», знает, что, сняв кадр, вы автоматически переводите пленку, поворачивая камеру левой рукой, а рычажок правой. Не самый удачный жест, когда в тридцати сантиметрах от вас королевская кобра, но фотограф сделал его, не задумываясь, и голова змеи молниеносно метнулась вперед.

И не смотреть бы больше нашему фотографу на мир через матовое стекло, если бы недисциплинированные посетители выставки все эти дни не дразнили кобру, стуча пальцами по стеклу террариума. За неделю вспыльчивая змея усвоила, что выпад против руки чреват резким ударом по ее чувствительной морде — стекла-то она не видела. Вот почему шипящая голова остановилась меньше чем в десяти сантиметрах от незащищенного левого запястья смельчака. Несколько секунд мы оставались недвижимы — змея, я и фотограф, который превратился в живое (слава богу!) изваяние причудливо изогнувшегося человека с камерой в руках. Затем я медленно нагнулся, хлопнул змею по кончику хвоста, длинное тело, будто шест с микрофоном, качнулось в мою сторону, и опасность

миновала.

Ядовитые змеи могут стать совсем ручными, но вы никогда не застрахованы от того, что какой-нибудь не предвиденный пустяк вызовет атаку. К тому же неядовитые змеи ничуть не менее интересны. Одно время у меня жила пара североамериканских подвязочных ужей, радующих глаз замечательно яркой окраской. Они ели рыбу из моих рук, и я получил от них бездну удовольствия.

Как я уже говорил, ядовитые змеи тем и привлекают юных герпетологов, что опасны. Однако есть впечатлительные люди, которые с испугом, даже с ужасом глядят на совсем безобидных змей. Что ни говори, факт остается фактом: отвращение к змеям и большим паукам у человека в крови. Недаром для любителей розыгрышей в магазине продаются подделки под змей и пауков — пугай сограждан и упивайся своим остроумием… И право, лучше уж развлекаться игрушками, чем живыми гадами. Реакция перепуганного насмерть человека, чью шею вдруг обвила живая змея, может, конечно, доставить огромное наслаждение недалекому шутнику, однако подвергать людей таким испытаниям предельно глупо и жестоко.

Почему-то особое отвращение у большинства вызывают питоны и удавы. Быть может, неторопливые движения придают этим змеям столь зловещий вид, а быть может, людей пугают их размеры или ощупывающий воздух язык — кто знает.

Укротительницы змей на эстраде чаще всего танцуют с удавом *Constrictor constrictor*. Этот вид чрезвычайно легко приручается, а живописная расцветка делает его очень красивым. В Южной Америке на удавов часто возлагают борьбу с крысами в доме, и они отменно справляются со своей задачей, причем дети не подвергаются никакой опасности. Зато родич констрикторов, обитательница вод анаконда, ведет себя совсем иначе, ее не приручишь. Анаконда только и ждет случая вонзить зубы в свою жертву. На первый взгляд вроде бы медлительная змея, и тем сильнее поражает молниеносность ее выпадов. Меня всего трижды кусали до крови животные: один раз это был жалкий лисенок, которого я спас из выгребной ямы, оба других — анаконды.

В первом случае, заметив, как что-то шевелится под кустом, корни которого купались в разбухшем от дождей ручье, я сунул руку в мутную воду. И сразу узнал, кто там шевелился. Небольшая, каких-нибудь два метра в длину, анаконда незамедлительно поставила свою печать.

Во втором случае экземпляр был покрупнее, на пять с лишним метров, и весом, как мы потом установили, свыше

шестидесяти килограммов. Анаконда не спеша плыла по речушке неподалеку от нашего лагеря в горах Кануку в Гайане; русло в этом месте мелкое, но, к сожалению, закрыто от солнца зарослями. При достаточной осмотрительности на мелководье можно в одиночку справиться даже с такой большой анакондой, а вот в глубокой воде с ней лучше не связываться, тут не увернешься от колец, которыми змея норовит обвить нарушителя спокойствия. Знаю это по собственному опыту, ведь годом раньше мне пришлось побывать в железных объятиях четырехметровой анаконды. Правда, все кончилось благополучно, только шея до сих пор — четыре года спустя — упирается всякий раз, когда мне надо резко повернуть голову, скажем, если я подаю машину назад.

В случае, о котором идет речь, мелководье как будто позволяло мне не опасаться объятий змей, но я по легкомыслию упустил из виду, что анаконда в воде довольно скользкая. Змея направлялась в густую тень, мне же хотелось снять ее на более светлом участке, и я схватил ее за шею обеими руками. Это было все равно, что пытаться удержать борца, намазавшего тело жиром. Анаконда вырвалась, мотнула головой и прошлась челюстями по моему левому запястью, порвав нерв и кровеносный сосуд. Пришлось, отложив съемки, останавливать кровотечение и обматывать руку пластырем. С помощью моего товарища Эллиота Олтона, приехавшего с Тринидада, и Уильяма, одного из моих индейских сотрудников, удалось загнать кинозвезду в мешок, после чего я отправился в амбулаторию, где мне сделали укол от столбняка.

На следующий день мы приступили к съемке эпизода, который был мне нужен для задуманного фильма. Облюбовав на той же речушке место чуть поглубже, я вошел в воду. К сожалению, дно здесь было илистое, и мне пришлось ждать почти четверть часа, пока не улеглась желтая муть. Стоя по шею в воде с камерой для подводной съемки, я выжидал момента, когда можно будет присесть на корточки и запечатлеть на пленку, как скользит у поверхности красавица-анаконда… Это я рассчитывал, что она будет держаться на поверхности, но когда мои друзья выпустили анаконду, она нырнула и направилась ко мне, погрузившись настолько, что пропахала в иле борозду и прозрачная вода превратилась в густую жижу. Мечта о хорошем кадре улетучилась. И змея тоже!

Однако я не думал сдаваться. Мы пошли вдоль берега вверх по течению, но змея не показывалась. Обычно потревоженная анаконда прячется под водой в корнях какого-нибудь большого дерева. Я знал, где находится такое дерево, и направился туда. В

воде тесно переплелись толстые корни, и один из них под моей рукой вдруг зашевелился! Мы приготовились к бою, и я начал тискать и щекотать «корень». Змея зашевелилась поэнергичнее, потом стала медленно выползать из укрытия. Мои друзья пытались нашарить в желтой жиже голову анаконды.

Неожиданно голова вынырнула из воды за спиной у Эллиота.

Специалист по отлову бушмейстеров и лабарий на ходу осваивал технику поимки анаконд. Схватив шипящую голову, он вцепился в нее, как клещ. Я продолжал щекотать змею, она все больше выползала из своего убежища и кидала нас из стороны в сторону. Так и брели мы вниз по течению, словно подвыпившая троица, стараясь не дать анаконде обвить нас своими кольцами. Наконец выбрались на подходящее место и получили желаемые кадры. Вдоль берега речушки проходила торная тропа, и мы не могли выпустить змею на волю в этом месте. Индейцы не жалуют анаконд, и я их понимаю. Попадись им это чудовище — изрубят на куски. Я предпочел другое решение. Змея в мешке — неудобный груз, и мы основательно помучились с этими шестьюдесятью килограммами. Пришлось-таки потрудиться, поочередно неся на спине мешок с анакондой. Один несет, двое раздвигают или рубят мешающие ветки. И когда мы наконец добрались до места назначения, до чего же приятно было разогнуть спину и отдышаться! Анаконда, надо думать, тоже облегченно вздохнула. Мы переправили ее через лес к другой речушке, куда обычно не заходили поплескаться юные представители племени макуси. Тугой свиток мускулов расправился в прохладной воде, анаконда обрела свободу.

* * *

Змеи, жабы, летучие мыши — с такими домашними животными средневековый колдун в два счета мог угодить на костер. Выходит, мне повезло, что я родился в просвещенный век… По-моему, жертвами расправы тогда оказывались люди, о которых я говорил во второй главе, — боязливые и недоверчивые, льнущие к существам, не способным отплатить за дружбу злом.

Представьте себе старую женщину, травмированную осознанной или неосознанной жестокостью людей, которая предпочла уединиться в лесу, завела себе черную кошку, дружит с ушастой совой, или потчует молоком ужей, или кормит мухами жаб… Естественно, в стародавние времена столь необычное поведение пугало людей, и старушку ставили в один ряд со всякой лесной нечистью. «Не нашего роду — прикончить, убить»

— психология, которая недалеко ушла от так называемой звериной. И так ли уж далеки от этой стадии люди, когда они представляют какую-нибудь неорганизованную толпу?..

Чтобы реабилитировать тех, с кем водились колдуны и ведьмы, расскажу еще о таких симпатичных тварях, как жабы и летучие мыши. К паукам у меня никогда не лежала душа, хотя мне известно, что крупные южноамериканские пауки поддаются приручению. Я, например, даже помыслить не могу, чтобы по моей ноге или руке ползал паук. А вот в институте Бутантан в Сан-Паулу есть девушка, которая разрешает прогуливаться по своим голым рукам чудовищу длиной около четверти метра (вместе с конечностями). Главное — победить в себе страх к необычной твари. Ведь и человек в глазах паука, всех восьми, тоже необычен…

В тот день, когда мне удалось заполучить паука-птицеяда, прибывшего к нам в ящике с бананами, я, разумеется, обрадовался такому объекту исследований. Первым делом надо было его сфотографировать, и, надо полагать, нервы моей многотерпеливой мамы были натянуты как струна, когда я наконец уговорил ее подержать ветку, по которой медленно передвигалось это славное существо. Теплые лучи фотоламп подбодрили короля тропиков, и он спланировал вниз на длинной паутинке. Достигнув пола, птицеяд вприпрыжку стремительно направился к маминой спальне. И вновь квартира огласилась звуками восхитительного сопрано; боюсь, к маме не скоро вернулся нормальный сон.

Летом возле нашей дачи на островке можно было видеть здоровенную жабу. Мы знали ее как Марточку; происхождение этой клички сейчас затрудняюсь установить, а подлинное имя нам, понятно, не было известно. Эта рохля принимала предлагаемых ей дождевых червей с радостью, если слово «радость» подходит к существу, которое обозревало мир совершенно безучастно. Вечерами мы вносили ее в дом для съемок, днем таскали с места на место — она все воспринимала с такой апатией, что глядя на нее хотелось спать. Но стоило предложить ей что-нибудь вкусненькое, как она тут же превращалась в скоростника, не хуже удава. Поведет головой, нацеливаясь на личинку, или жука, или что там ей предложили, на миг задумается, словно решает — быть или не быть ей стройной и изящной, затем молниеносно выбрасывает свой липкий язык необычной конструкции, забавно подмигнет, глотая добычу, — и все, кушанье съедено. Мы по-настоящему привязались к нашей надменной тучной Марточке и каждое лето радовались ее вечерним визитам. И она всегда положительно

относилась к нам и к даровому угощению, хотя ее «лицо» ровным счетом ничего не выражало.

Зато мордочка летучей мыши так подвижна и до того выразительна, что вид ее вызывает озноб у большинства людей. Летучих мышей можно найти на запущенных чердаках, где они обычно висят вниз головой. Потревожьте одну из них — и она оскалит зубы в дьявольской улыбке. Грозной репутацией пользуются американские вампиры, и, наверное, страх перед ними — главная причина популярности фильмов-ужасов про кровопийцу Дракулу и его не менее кровожадную дочь. Страх перед укусами вампиров вполне обоснован, правда, в основном опасность состоит не в потере крови, а в том, что эти летучие мыши распространяют бешенство, нередко приводящее к смертельному исходу. Вампир может за один раз высосать около шестидесяти граммов, и подвергшаяся ночному нападению жертва подчас изрядно обрызгана кровью. На сравнительно небольшом острове Тринидад водится 58 видов летучих мышей, из них два вампира, а остальные — насекомоядные (как наши, шведские), нектароядные, есть даже рыболовы. Не удивительно, что Нью-Йоркское зоологическое общество организовало на Тринидаде широкое изучение летучих мышей. В некоторых пещерах скапливаются десятки тысяч рукокрылых, и воздух там отнюдь не здоровый, тем более что все покрыто толстым слоем помета, которым питаются полчища тараканов и прочей мелюзги. Говорят, достаточно подышать затхлым воздухом такой пещеры, чтобы схватить грибковую болезнь легких, которая изнуряет организм и трудно излечивается. Насколько мне известно, шведские летучие мыши не распространяют опасных для человека болезней. Красивыми их не назовешь, но они очень интересны.

Однажды мне передали случайно найденную крупную летучую мышь. Холодная, окоченевшая — непосвященный решил бы, что она при последнем издыхании. Я заготовил мучных червей и предложил ей. Под вечер она, как и положено летучим мышам, оживилась и обнаружила отменный аппетит. Моя гостья принадлежала к самому крупному из наших северных видов — это была рыжая вечерница *(Nyctalus noctula)*, мы же не совсем последовательно прозвали ее Пипистреллой *(Pipistrellus,* нетопырь — родовое название самого мелкого северного вида).

Пипистрелла доказала свою принадлежность к женскому полу, произведя на свет через две недели двух крепеньких малышей. До чего же трогательно было видеть, как крохотное чудовище, челюсти которого потрясли бы даже сочинителя страшных повестей, ухаживало за своим потомством! Моя мама души не чаяла в Пипистрелле и всячески заботилась о ней.

Малыши росли не по дням, а по часам, и мы с нетерпением ждали, когда они поднимутся на крыло. Увы, на третий месяц оба по какой-то неведомой причине вдруг умерли, хотя до тех пор чувствовали себя превосходно. Быть может, у Пипистреллы рано кончилось молоко? К тому же в отличие от сородичей ей не надо было постоянно летать за насекомыми, а малышам от природы, возможно, следует гораздо раньше отвыкать от материнского молока и самим вылетать на охоту.

Я собирался выпустить Пипистреллу на островке, где уже много лет в двух дуплистых осинах обитали летучие мыши; кстати, большую часть лета колонии самцов и самок живут раздельно. К моему удивлению, мама воспротивилась, и Пипистрелла всю зиму провела у нас дома в Стокгольме.

Вечернее пробуждение Пипистреллы всегда сопровождалось одним и тем же забавным ритуалом. Периодически до меня доносился громкий смех — маму неизменно потешала мимика Пипистреллы во время «разминки». Мы не измеряли температуру нашего зверька, но я полагаю, что какой-нибудь исследователь сделал это без нас. Днем Пипистрелла была на ощупь холодная, словно кусок мяса из холодильника, и почти не шевелилась. Мама согревала ее в ладонях. Наконец спящая красавица открывала свои глазки-бусинки и принималась медленно крутить головой, разевая ротик. Ни дать ни взять — изображение кричащего зверька в немом кино! Она и впрямь кричала, да только сигналы, служащие летучей мыши для ориентации, нашему слуху недоступны. Нормальное человеческое ухо воспринимает от силы двадцать тысяч колебаний в секунду, а сигналы летучей мыши приходятся на диапазон от тридцати до ста тысяч! Как известно, летучая мышь оснащена «эхолотом», ее мощные ультразвуки, отражаясь от предметов, позволяют не только оценить расстояние до того или иного препятствия — дерева, стены, — но и точно определить местоположение мечущегося в воздухе насекомого. По вечерам на Тринидаде я вижу, как сотни непревзойденных «мухоловок» носятся в сумеречном воздухе, бросаются в сторону — и хватают добычу. Особый прибор, преображающий беззвучные сигналы летучих мышей в потрескивание, позволяет исследователям подслушивать, что происходит в бархатном мраке тропической ночи. Ухо и глаз человека ничего не замечают, а прибор свидетельствует, что воздушный океан полон звуков.

Прощупав мир ультразвуком и убедившись, что все в порядке, Пипистрелла была готова принять угощение. Мама совала ей в рот первого мучного червя. Сперва — никакой реакции, потом личинка начинала медленно-медленно втягиваться в пасть.

Аппетит приходил во время еды, и личинки поглощались все быстрее. Одновременно повышалась и температура тела Пипистреллы, и под конец ее уродливая мордочка молотила со скоростью швейной машины. Казалось, она может есть до бесконечности. Как-то вечером Пипистрелла уплела за раз двести мучных червей! Обычная норма составляла около сотни личинок, и наша летучая мышка заметно потучнела. Ей даже было трудно взлететь, зато уж как взлетит — носится с невероятной скоростью. Обычно прогулка заканчивалась тем, что Пипистрелла с раскрытыми крыльями «приземлялась» на маме или на мне и рывками карабкалась вверх. Тогда мы снимали ее с одежды и вознаграждали десятком личинок.

На следующее лето — к этому времени Пипистрелла успела поглотить около сорока тысяч личинок — я вечером, когда все вечерницы с пронзительным сердитым писком выбирались из своих убежищ в дуплах на уже упоминавшемся мной островке, отпустил ее на волю. Она не была окольцована, и я не знаю, где она в итоге очутилась. Но верю и надеюсь, что Пипистрелла без труда поладила со своими сородичами.

Настоящий нетопырь-карлик *Pipistrellus pipistrellus* — комочек весом в несколько граммов. Он порхает по комнате, словно мотылек, даже еще элегантнее. Одна такая малютка поразила меня тем, что зацепилась коготком за потолок и повисла так! Не иначе, прощупала крашеную поверхность ультразвуком и обнаружила незаметный для нашего глаза бугорок, которого оказалось достаточно, чтобы выдержать ее маленькое тельце.

Самая славная из летучих мышей Швеции, если к ним вообще применителен этот эпитет, — ушан. Один такой зверек как-то гостил у меня зиму. Уши у него длиной с тело, но когда он висит и спит, их почти не видно. Только вечером ушан начинает понемногу расправлять свои огромные раструбы. Как и у всех летучих мышей, тело его на ощупь холодное, словно у лягушки. А объясняется это просто: работай эти маленькие быстродействующие живые механизмы круглые сутки на полную мощность, они очень скоро исчерпали бы свои энергетические ресурсы. И у них развилась особая форма спячки — дневная спячка. Жизненные процессы замедляются, и соответственно падает температура тела. Животное «выключает газ», зато, когда надо летать, «включает» его на полную мощность. В животном мире это не единственный случай. Здесь, на Тринидаде, я любуюсь яркими летающими миниатюрами, которые так и просятся на кинопленку. Их имена включают названия драгоценных камней — рубиновая, топазовая, изумрудная, сапфирная… Так вот, колибри за свой бурный двенадцатичасовой

рабочий день расходует огромное количество «горючего» . *Lophornis magnified,* пичужка чуть побольше шмеля (кстати, у нее на брюшке такая же полоса, как и у него), потребляет, как выявлено тщательными исследованиями, 17 граммов нектара в день, то есть в девять раз больше ее собственного веса, равного примерно 1,8 грамма! Если бы эта «машина» работала с полной нагрузкой круглые сутки, без перерыва на ночь, когда заправиться невозможно, дело кончилось бы бедой. И колибри ночью погружаются в спячку. А летучие мыши, как уже говорилось, спят днем.

Подлинный любитель природы не считается с тем, что колибри — услада для глаз, что она неописуемо красива, когда солнце освещает ее оперение под определенным углом, а жабы, змеи и летучие мыши на вид «противные и гадкие». И те и другие — поразительнейшие творения природы, подлинные шедевры. И когда их узнаешь поближе, тобой овладевает благоговейное чувство и страстное желание сохранить для потомства все эти виды так же бережно, как сохраняются сокровища Венеции и Рима.

Лес в моей комнате

В один осенний день я с удивлением остановился перед витриной зоомагазина. Среди клеток с неразлучниками и другими комнатными птицами была маленькая клетка, в которой беспокойно металась серая пичуга с оранжевой грудкой. Зарянка!

Отлов шведских птиц уже тогда был запрещен, но владелец магазина заявил мне, что он и не ловит птиц, только продает. И вообще эта зарянка не шведская. Кажется… ну, конечно, вспомнил — она получена вместе с другими птицами из Голландии.

Уж очень больно было смотреть на мучения бедной зарянки, я купил ее, принес домой и выпустил в своей комнате, где к тому времени обитали Стар II и ручной дрозд. Через два-три дня она совсем освоилась. Выпускать ее на волю было поздно, уже выпал первый снег, и красногрудка осталась на зиму у меня. Вскоре она пела вовсю вместе с двумя другими моими музыкантами, а потом так осмелела, что подлетала прямо ко мне, чтобы взять у меня из губ мучного червя.

Неделю спустя я снова оказался у того же зоомагазина. И увидел двух представителей другого вида, который водится в Швеции (и в Голландии), — чижей. Они тоже переселились в мою комнату.

После этого я решил проверить все зоомагазины Стокгольма. Мои старания увенчались успехом. Я закупил всех шведских птиц — в целом набралось больше двадцати штук! Теперь введены более строгие правила, и вы, благодарение богу, больше не увидите в продаже птиц, отловленных в Швеции. Если птица выросла в клетке, она привыкает к ней, даже теряется, когда ее выпускаешь. Но птица, привыкшая к воле, хиреет в тесноте.

Моя комната площадью примерно двенадцать квадратных метров никак не могла считаться достаточно просторной для птицы, покрывающей в полете тысячи километров; тем не менее все мои пернатые благополучно освоились в этом минилесу. Ибо комната и впрямь преобразилась в лес. В стратегически важных точках разместились две елочки, две сосенки и два куста можжевельника. Единственной мебелью была моя кровать. Да и та складная, что было очень кстати. Забудешь утром убрать ее — через полчаса вся будет разукрашена пятнами разной величины.

С рассветом начинался концерт с участием многочисленных солистов. Программу открывала зарянка — от ее нежного голоска веяло ароматом леса. А через полчаса концерт был в полном разгаре, хоть уши зажимай… Скворец, черный дрозд, зарянка,

зяблик, свиристель, чижи, щеглы, чечетки, клесты, синицы, лазоревки, буроголовая гаичка, да им еще помогали соловей-красношейка, канарейки, вьюрки и африканский скворец!

В ту зиму я — сознательно и подсознательно — усвоил немало нового о своих пернатых друзьях. Помню, как один посетитель моего «леса» долго расспрашивал:

— А что это за птица на елку села? А кто сейчас на картину перелетел?..

Я терпеливо отвечал, меняя воду и готовя птицам корм. Вдруг послышалось возмущенное:

— Да ты даже не глядишь на птиц, про которых я спрашиваю!

К своему удивлению, я убедился, что безошибочно узнаю птиц, как говорится, по полету. Этот навык выработался сам собой и потом пригодился мне и в шведских, и в южноамериканских лесах. Сверх того я подметил множество всяких деталей, существенных и несущественных, которые обычно трудно уловить. Например, чувство равновесия, цепкую хватку и силу клюва крохотной гаички лучше всего познаешь, когда она для посадки избирает локоть примата, который в горизонтальном положении штудирует специальную литературу…

Зарянка с предельной убедительностью демонстрировала крайне резкую реакцию представителей этого рода на сигнал, вызывающий «внутривидовую агрессию», попросту говоря, как она злится, когда в ее пределы вторгается другая красногрудая пичуга. Дело в том, что я купил еще одну зарянку и отнес домой в надежде, что она окажется самочкой и — кто знает — в один прекрасный день станет супругой и матерью. Однако хозяин территории, даже не удосужившись проверить, принадлежит ли новичок к прекрасному полу, тотчас задал ему страшенную трепку. Две-три атаки, и разгневанный владыка нанес незваному гостю такие раны, что на следующий день тот скончался. Правда, это был единственный обитатель моего «леса», которого я не смог уберечь до конца зимы.

Постепенно агрессивность зарянки распространилась далеко за рамки собственного вида. Стоило чечетке с ее ярко-малиновой грудью только рот раскрыть, как ей тотчас доставалось на орехи.

Соловей-красношейка крупнее зарянки, но и то едва он попускал свои оглушительные трели, как она набрасывалась на него и, представьте себе, выходила победительницей! Когда соловья очень уж одолевало желание петь, он… прятался! Либо за зеркало, либо под лежащее на полу бревно, либо еще куда-нибудь. И пел так, что стекла дребезжали, а зарянка, сердито тиктикая, искала вторгшийся в ее владения пиратский передатчик.

Снегирь — и у него весь низ тела красный — после нескольких потасовок вовсе перестал петь, а ведь он вдвое тяжелее зарянки. Зато его серогрудая подруга, хотя и исполняет ту же скрипучую песенку, могла солировать без помех!

Зяблик, у которого низ тела красно-коричневый, тоже был усмирен зарянкой. Я принес его еще птенцом и никак не мог дождаться, когда же он запоет. Насвистывал, как мог, свою жалкую имитацию (кстати, Стар II тоже нахально демонстрировал мне мои погрешности), однако прошло несколько недель, прежде чем зяблик наконец отозвался. И поразил меня великолепной, звучной песней, причем «произношение» было совсем другим и исполнение куда искуснее моего! Госпожа Красногрудка быстро заключила, что зяблик своим пением преступил границы дозволенного, и ринулась в атаку, после чего зяблик, увы, вовсе перестал петь.

Прошло много дней. Вечерело, когда я вошел в комнату к птицам. Большинство из них уже настроилось спать. Зяблик даже спрятал голову под крыло. Зарянка, которая и в сумерках активна — в весеннем лесу она одной из первых начинает концерт и одной из последних заканчивает, — порхала с ветки на ветку, благодушно щебеча что-то тонюсеньким голоском. Не помню, почему мне вдруг взбрело в голову подражать зяблику, зато помню, какой эффект это произвело: госпожа Красногрудка предупреждающе затиктикала, а когда я повторил имитацию, подлетела к спящему зяблику и снова предостерегла его голосом и приседанием. Еще одна имитация — и вспыльчивая красногрудая пичуга набросилась на ничего не подозревающего, безвинного зяблика! Через несколько дней я повторил эксперимент, и результат был тот же.

В тесном мирке, где на ее долю приходилось слишком мало места, зарянка в охране своей территории явно зашла дальше, чем это бывает на воле. Красноватая грудь и песня, даже у столь различных видов, как зяблик и соловей-красношейка, выводили ее из себя. Но, с другой стороны, агрессивная реакция на мою имитацию зяблика утешила меня: значит, хоть чем-то напоминает оригинал!

И в лесу мне часто приходится наблюдать сходную реакцию. Начнешь где-нибудь в Вест-Индии имитировать многоголосого пересмешника на его территории, смотришь — разгорается семейный конфликт. Пересмешник охраняет свои пределы столь же ревниво, сколь и зарянка, и готов наброситься даже на собственную супругу! Она внешне почти не отличается от самца, вот и преследует он ее в собственном доме, когда моя имитация разрушает взаимное доверие, которое — как принято у птиц —

перед гнездованием устанавливается посредством умиротворяющих поз. Ведь кроме самки некому было петь! И самец, послушный инстинкту, уже не признает ее персоной грата на своей территории.

На знойных просторах венесуэльских льяносов мне недавно встретилась алая мухоловка с черными крыльями — поразительно красивая птица. Стоя около низкого куста, я принялся подражать пению красавицы, и она села очень удобно для съемки, метрах в пяти от меня и кинокамеры. Я продолжал имитацию, вдруг мухоловка взлетела и яростно набросилась на своего сородича. С полминуты они форменным образом катались по земле, валтузя друг друга; судя по всему, атака и в этом случае была вызвана моим сигналом.

Значит, поведение моей зарянки в принципе не было исключительным. Другое дело, что она угадала, связав мою имитацию именно с зябликом; быть может, в этом крохотном мозгу, помимо инстинктов, которыми мы сейчас склонны объяснять реакции большинства животных, таится и толика разума?

Каждый день в моем комнатном лесу был наполнен наблюдениями, начиная с раннего утра, когда скворец, дрозд и свиристель наперебой хватали хлебные крошки из моего рта, до самого вечера, когда среди утомившихся за день птиц всего отчетливее проявлялся «порядок клевания». Некоторые ветки пользовались особой популярностью, и настойчивой лазоревке удавалось заставить дремлющего клеста, пусть нехотя, уступить ей место.

Я заметил, что в сумерках ничего не стоит близко подойти к сидящей птице, даже взять ее в руки. Конечно, в часы кормления все они были ручными, все окружали меня порхающим клубком, оттесняя друг друга. Но днем только скворец и свиристель мирились с приближением моей руки, когда сидели на ветке. Вечером большинство лишь делало выпад клювом в сторону руки, смутно различаемой в полумраке. Так вели себя зяблики, чечетки, чиж, щегол, клест. Зарянка и дрозд составляли исключение, они лучше видят в сумерках, оттого и запевают на воле раньше других птиц.

Лишь много лет спустя, исследуя в лаборатории Стокгольмского университета зрение сов и других птиц, я понял, чем можно объяснить это явление. Чрезвычайно светочувствительные глаза совы почти лишены цветочувствительных клеток, так называемых колбочек. Сове важно улавливать даже самый слабый свет, поэтому ее сетчатка состоит почти из одних палочек, отвечающих за черно-белое

зрение. Для дневных птиц, особенно питающихся семенами и плодами, зрелость которых они часто определяют по цвету, цветовое зрение настолько важно, что сетчатка, очевидно, специализировалась именно таким образом, поступившись каким-то количеством светочувствительных палочек. Я не изучал зябликов, но, вероятно, у них меньше палочек, оттого они плохо видят в темноте. У зарянки и дрозда, в рационе которых преобладают насекомые, глаз и должен быть намного богаче палочками. Ведь многие насекомые летают только в сумерках и на рассвете, так что для насекомоядных птиц, особенно в наших северных лесах, где день и ночь сменяются медленно, острое зрение необходимо. У человека соотношение палочек и колбочек в сетчатке более ровное, поэтому мы при слабом свете видим лучше, чем зяблики и многие другие птицы. В одной из книг Стена Бергмана я прочитал про лов райских птиц на Новой Гвинее. Папуас воткнул длинный бамбуковый шест в землю под ветвями, где примостилась птица, бесшумно вскарабкался вверх и схватил добычу руками! Как и все райские птицы, этот плодоядный вид щеголяет поразительно красочным оперением, и у него, надо думать, превосходное цветовое зрение, зато он плохо видит в темноте.

Когда настала весна и можно было не опасаться, что мои зимовщики пропадут на воле, я воспользовался своими наблюдениями: вечером, в сумерках, входил в комнату, подносил руки к сидящей на ветке птице, осторожно брал ее и относил через улицу в маленький парк, где ей предоставлялась возможность провести первую ночь своего самостоятельного существования. С каждым днем стая редела, только скворец, дрозд и зарянка оставались гостить у нас, пока я не отвез их на Каменный остров. А Стар II провел в моей комнате еще одну зиму.

Лисы и зов дебрей

Незадолго до того, как я начал выпускать птиц на волю, в витрине одного магазина мне попалась на глаза совсем дешевая 8-миллиметровая кинокамера. До той поры кинокамеры меня не интересовали, я занимался только фотографией, да и то аппарат у меня был самый простенький. Кинокамера в витрине стоила всего 250 крон, а мне, понятное дело, очень хотелось заснять своих птиц, прежде чем я с ними расстанусь. Почему не попробовать? Я вошел в магазин, мне показали аппарат, но опытный продавец убедил меня, что для моих целей куда лучше подойдет подержанная 16-миллиметровая камера за 700 крон. Он не сомневался, что я буду снимать в поле, в лесу. (Что ж, он оказался прав…) Держа в руках камеру и справочник кинолюбителя, я вышел из магазина, не подозревая, что судьба случайно подбросила мне профессию.

Проштудировав справочник и усвоив часть содержащейся в нем премудрости, я снова отправился в магазин и обменял подержанную камеру на новенькую «Пайяр болекс»; этой маркой я и теперь пользуюсь, снимая фильмы для телевидения. Разве сравнить ее с простенькой камерой, которая привлекла мой взгляд неделей раньше!

Я переснимал всех своих квартирантов, но по-настоящему увлекся новым занятием после просмотра нескольких лент, снятых мной в весеннем лесу. Я вдруг понял, что овладел орудием, которое поможет мне освежать в памяти все подробности, а быть может, и делиться ими с другими.

Съемка на 16-миллиметровую пленку — отнюдь не самое дешевое увлечение. И только счастливая случайность позволила мне неожиданно купить камеру, а затем тратить огромные, на мою тогдашнюю мерку, деньги на цветную пленку.

Как-то раз я зашел в Управление народными парками, чтобы обсудить планы на следующий гастрольный сезон. До назначенного мне времени оставалось около получаса, и я сидел в приемной, перелистывая журналы. Они мне быстро надоели, тогда я принялся насвистывать — сначала песенки дрозда, потом пеночки-веснички, славки… Внезапно открылась дверь, и на пороге показался Эрик Ернклев, заведующий гастрольным отделом.

— Господи, так это вы, господин Линдблад! Послушайте, да ведь из этого вполне получится номер…

И в самом деле, в дополнение к жонглированию получился еще один номер. Так что я мог в один вечер дважды выступать в

программе, а это, во всяком случае в ту пору, в системе народных парков только приветствовалось.

Выступив в популярных радиопрограммах и продемонстрировав свое искусство на смотре артистов народных парков, я быстро получил ангажементы на все лето. Понятно, это обеспечивало некоторую прибыль, однако ее мгновенно поглощала прилежно стрекочущая кинокамера, и оставались горы коробок с лентами, повествующими о лесах Сёрмланда.

Человек с древнейших времен стремится воспроизводить картины природы. Я пробовал дать выход этой страсти в рисунках и скульптуре. Кстати сказать, отец мой был очень приличный пейзажист. Он, мой дядюшка и такие мастера, как Мартин Оберг и Харальд Эрикссон, учились у моего деда. Глядя, как искусно отец кладет мазки на полотно, я решил и сам попытать счастья, но результат меня только огорчил. Зато с кинокамерой да еще с магнитофоном моя фантазия обрела крылья. Передать движение в статичном изображении — рисунке, скульптуре, фотографии — чрезвычайно трудно, подчас и вовсе невозможно. Кинокамера же позволяет куда полнее отображать жизнь и движение. Добавьте к этому чисто техническую возможность во всех подробностях фиксировать тот или иной эпизод и потом анализировать его кадр за кадром — и вы поймете, почему кинокамера становится важнейшим вспомогательным средством для этолога, да и для многих других специалистов.

Итак, первыми моими кинозвездами были пернатые постояльцы. На следующее лето я обзавелся еще тремя ручными животными, и за ними было чрезвычайно интересно следить с помощью кинокамеры.

Как-то мне рассказали об охотнике, который разыскивал лисьи норы и приканчивал их обитателей, не щадя даже лисят. Среди нетронутой природы лиса, как и любое животное, играет целесообразную роль в естественном балансе. Но там, где человек нарушает баланс, скажем, выбрасывая кучи пищевых отходов, вся картина искажается. Даже хилые детеныши благополучно переносят первую зиму, и множество лис, которых природа обычно выбраковывает, производят весной на свет новое потомство, за что прочая живность расплачивается непомерно большими потерями. Помойки, доступные лисам, приносят огромный вред. Тут охота становится просто необходимой, это вынужден признать даже я, осуждающий охоту как вид развлечения.

Многие в Упланде обращались к упомянутому охотнику, и ежегодно он убивал больше сотни лис. Я попросил его пощадить хотя бы один выводок, и через некоторое время в мой адрес

прибыл ящик, а в ящике — три рыжевато-серых комочка.

Когда бродишь, как частенько делаю я, ночью в зимнем чернолесье, осторожно выслеживая сов, нередко воспринимаешь информацию об окружающем не зрением — несмотря на снег, в лесу очень темно — и не слухом, а обонянием, которое нам, увы, служит так редко, разве что за столом со снедью. Бредешь по снегу и вдруг выходишь на висящую в тихом ночном воздухе, четко ограниченную «пахучую тропу». По-моему, даже тот, кто изо всех сил портит обоняние никотином, непременно уловит острый запах лисы. Иногда я любопытства ради следовал по такой «тропе», где запах лисы был особенно силен. Отойдешь на метр в сторону — ничего не чувствуешь. А утром проверишь свои следы — почти совпадают со следами зверя, чей запах отчетливо ощущался ночью, но развеялся, едва пригрело солнце.

Все это я рассказываю для того, чтобы вы хотя бы приблизительно представили себе, что ожидает человека, открывающего ящик с извлеченными прямо из норы тремя лисятами. Запах — не то слово, из ящика струится самая настоящая вонь. Единственно верное — хорошенько вымыть: 1) первого лисенка; 2) второго лисенка; 3) третьего лисенка; 4, 5, 6) самого себя. Потому что лисий запах так прочно пристает к волосам и одежде, что в этом превзойти его может только запах росомахи, ну и, конечно, скунса.

Лисенок — занятнейшее существо, глядеть на его затеи никогда не наскучит. Невольно восхищаешься его сообразительностью, любопытством, настороженной реакцией на все новое. Помножьте это восхищение на три, и вы поймете, что я был очарован своей троицей. Мы обосновались на том самом островке, где в дуплистых осинах квартировали летучие мыши. Там стоял маленький домик, и первое время, когда меня милостиво воспринимали как четвертого лиса, мы жили в нем все вместе. Чтобы по-настоящему ладить с млекопитающими, мало кормить их и обращаться с ними ласково. В главе о Старе я упоминал, что барьер между человеком и птицей исчезает только тогда, когда птичка, будь даже это орел, берет корм у вас изо рта. Не вздумайте проверять этот способ на лисе. Или на росомахе. Или на гигантской выдре. Человек как-то лучше смотрится, когда у него есть нос и губы. Ключ к душе млекопитающего совсем другого рода. Лиса — или росомаха — никогда не кормит детеныша изо рта. Она тащит добычу домой, однако вовремя бросает ее, не дожидаясь, когда начнется трапеза (читай: драка). Зато малышам, особенно сосункам, обеспечен близкий телесный контакт. И я убедился, что секрет заключается в том, чтобы в этом смысле заменить им мать. А значит, извольте проводить ночь или

несколько дневных часов, валяясь вместе со зверенышами на полу или на земле. Если вы привыкли к удобствам — на кровати. Главное, быть последовательным, не отгонять ищущих защиты малышей. Надо ли напоминать, что лисят не мешает регулярно мыть?

Миккель, Микаэла и Лобо — так назвал я своих питомцев. Лобо был самым крупным и потому удостоился волчьего имени (лобо по-испански волк). По мере того как рыжая окраска вытесняла серо-голубую и пузатенькие малыши стремительно росли, возрастала их активность. Игры, которые приходится выносить маме-лисе и в которых мне волей-неволей тоже пришлось участвовать, делались все грубее. Остренькие зубки троицы кусали ой как сильно. До мяса, правда, не доставали, но все же мои руки и уши стали похожи на салями. И я с облегчением вздохнул, когда обнаружил, что лисам становится тесновато в отчем доме. Мы бродили вместе по крохотному островку и вместе открывали его сокровища. Восторг лисят отнюдь не разделяли обитающие на острове птицы, особенно тревожно пищали при виде четвероногих пиратов зуйки, откладывающие яйца прямо на земле.

Вскоре лисята нашли идеальное место для своих врожденных инженерных талантов — небольшую, но весьма удобную груду камня. Они принялись лихо работать лапами и отрыли убежище, где могли уместиться все. Все, кроме меня. Так был сделан первый шаг к независимости. Поскольку я не заползал к ним в нору, я перестал быть стопроцентным лисом, и с течением лета мои акции все больше падали. Но ведь так и было задумано! Я не хотел, чтобы дружелюбное отношение к человеку сохранилось у лисят до осени и зимы. Мало кто доброжелательно глядит на лису, большинство сельских жителей полагают, что лучше всего смотреть на нее вдоль ружейного ствола. Вполне естественно для человека, держащего кур или другую птицу, которую лисы считают своей законной добычей.

Когда я садился на весла и отчаливал от островка, рыжая троица растерянно металась вдоль берега и долго провожала меня взглядом. И как же они ликовали, когда я возвращался из Флена с доброй порцией мяса! Если им очень уж хотелось есть, они были способны даже проплыть несколько метров навстречу лодке. Наверное, вода их несколько охлаждала, но страсти разгорались с новой силой во время Великой Потасовки, без которой не обходилось, когда лисята принимались делить, а вернее рвать на куски содержимое свертка. Однажды я подвесил кусок мяса на сосне, метрах в двух над землей. Лисята уже получили положенное, не худо бы оставить что-нибудь и на

потом. Представьте себе мое удивление, когда Лобо, самый предприимчивый из всей троицы, начал карабкаться вверх по гладкому, без единого сучка стволу! Совсем как мальчишка — или я сам, — взбирающийся на флагшток или на сосну, он упорно лез вверх и добрался-таки до мяса.

Все, что не помещалось за один раз в желудке, лисята зарывали в землю в укромных местах, снова откапывали, воровали друг у друга, опять зарывали, так что сочное мясо становилось больше похожим на ком земли. Выкопав ямку и затолкав туда добычу, лисенок, уморительно действуя мордочкой, засыпал землей свое сокровище. Ну вот, кажется, надежно спрятано… Какое там, лисенок номер два тут как тут! Подравшись всласть и найдя совершенно надежное место для мяса — в туго набитом животике, — они обычно растягивались на солнышке. Длинная шерсть создавала светящийся ореол, особенно если смотреть против солнца. И уж тут я не скупился на пленку. Как и в тех случаях, когда шла Великая Потасовка или троица придумывала какую-нибудь новую затею.

На маленьком островке лисятам негде было обучаться охоте, но в один прекрасный день вся троица перебралась вплавь на Каменный остров, а в нем больше пяти гектаров и есть луг, где временами (каждый четвертый год) водится особенно много полевок. Однако перед этим произошел случай, для лис, наверное, заурядный, для меня же весьма захватывающий.

Я сидел в домике с книгой, вдруг снаружи донесся какой-то шум. Выскочил, смотрю — лисята затеяли пляску. Все трое прыгают по кругу, делают выпады против какой-то мишени на земле, да еще успевают цапаться между собой так, словно мясо не поделили. Наконец силач Лобо оттеснил в сторонку Миккеля и Микаэлу, предоставив им наблюдать из партера предстоящий турнир. Ибо дальше развернулся поистине рыцарский турнир! Лисята обнаружили гадюку. Гадюки часто заплывают сюда с Каменного острова, где они водятся в изобилии. Передохнут — и продолжают путь к материку.

Когда наблюдаешь поведение лисы в такой ситуации — а мне потом пришлось видеть тот же спектакль в исполнении других лис, — так и кажется, что рыжая сознательно применяет изобретенную лично ею хитроумную технику. На самом же деле ее поведение в точности отвечает наследственной программе; кстати, и койот действует так же, судя по виденным мной фильмам. Итак, Лобо выполнял наследственную программу, а остальные лисята и я увлеченно следили за ним.

Змея свернулась в аккуратное кольцо, готовясь дать отпор. Голова ее все время поворачивалась в сторону Лобо, а он трусил

по кругу. Остановится, посмотрит, трусит дальше. Вот совсем остановился, потянулся носом к шипящей змее. Ближе, ближе… Непозволительно близко! Змея выбросила голову вперед, но лисенок уже взвился прыжком на полметра в воздух! Маневр повторился снова и снова. Бег по кругу, приближение, выпад гадюки, промах. Этот заколдованный круг явно утомил змею, и, улучив минуту, она двинулась к воде в надежде найти там спасение. Тут-то и наступило торжество лисьей тактики. Быстрым, легким, предельно осторожным и точным движением лиса вонзила зубы в змею, и та взлетела в воздух с кровавыми ранками на своей красивой коже. Снова и снова гадюка пыталась уйти, снова и снова острые зубы впивались в нее… Силы покинули змею, и вот уже все кончено.

Точно выполняя наследственную программу, Лобо победил. Но тут Микаэла подкралась к трофею, схватила его и умчалась в кусты! Не могу сказать, кто же в конце концов уплел добычу, знаю только, что непрерывная потасовка длилась почти час.

Непредвиденные обстоятельства ускорили разрыв лисят со мной и переход их к полной самостоятельности.

Мне прислали четвертого лисенка, который, очевидно, попал в плен уже в таком возрасте, когда понимал, что лиса есть лиса, а человек — существо опасное! Я выпустил его на Каменном острове, и он почти не показывался. Поедал предлагаемый корм, однако ручным не стал. По вечерам издалека доносился его жалобный хриплый зов, обращенный к матери, которая скорее всего была убита, как и мать моей троицы.

Этот зов был слышен и на малом островке. Лисята иногда отвечали на него, а в один прекрасный день куда-то пропали. Я поспешил к лодке. Ну, конечно: на Каменном острове меня, виляя хвостиком, встретила Микаэла, самая ручная из троицы, а там и остальные двое присоединились к нам. С неделю все было тихо-мирно. Вечером троица убегала в лес. Мои питомцы, конечно, поладили с новичком, и я рассчитывал, что они выманят его из леса. Глядишь, сделает для меня исключение из правила, гласящего, что человек — враг всех лис. Сколько раз бывало в моем комнатном лесу, что новичок, видя, как мне доверяют другие птицы, в два-три дня становился совсем ручным. Но птицы есть птицы, а у лис свои принципы. Вон ведь как успешно ведут они партизанскую войну против человека, а все благодаря великому умению сочетать отвагу с крайней осторожностью. Лиса остро реагирует на опасность, особенно в ту пору, когда только начинает выходить из норы. И слепо подчиняется присущему виду предупредительному сигналу, который узнает от матери.

Однажды, когда мы прогуливались по лугу, я заметил, как на

опушке промелькнул четвертый лисенок. Окруженный веселой троицей, я осторожно направился в ту сторону. Внезапно картина нашего взаимного доверия омрачилась — так дождевая туча гасит сияние солнечного дня. «Четвертый» хрипло тявкнул, и это тявканье явно было сигналом тревоги, потому что троица разом окаменела. Все оставалось по-прежнему — луг, трава, порхающие бабочки, — и однако же произошла какая-то перемена. Лисята затрусили к незримому сигнальщику, оставив меня одного. Я окликнул их. Микаэла, с неизменно веселой мордочкой, двинулась было обратно, но на полпути между опушкой и человеком снова услышала крик дичка. Она резко остановилась, посмотрела на меня, зевнула — типичное поведение лисы в затруднительном положении — и направилась к лесу, сулящему надежное укрытие. От меня исходила опасность. Только что все трое относились ко мне с трогательным доверием, но вот им недвусмысленно, на лисьем языке сообщили, что люди вроде меня опасны. Что ж, то была истинная правда. И они сделали еще один шаг к полной независимости, подразумевающей, в частности, спасительный страх перед человеком. Именно об этом я мечтал, но уж очень быстро все произошло, до боли быстро. Словно меня обманули, предали. Естественная человеческая реакция…

С того дня я видел лисят только издали. Скажем, когда вечером на часок-другой устраивался на большом валуне возле луга. «Зов дебрей» оказался чистейшей реальностью.

Главная трудность с прирученными дикими животными заключается в том, чтобы вернуть их в естественную среду. Не должно быть никакого доверия к человеку. Это прежде всего относится к лисам, барсукам и другим хищникам, в том числе к хищным птицам. Хищники — они ведь занимаются хищением. У кого? Разумеется, у охотника, ведь на его долю остается меньше зайцев и пернатой дичи. Правда, в Швеции охота как источник существования утратила экономическое значение, и остается тешить себя надеждой, что застарелая ненависть к хищникам исчезнет, уступив место разумному взгляду на природу как на великое единство, где все определяет сыгранность и равновесие. Человек — желанный гость в этом мире только как зритель, причем осторожный.

Время от времени Каменный остров становился приготовительным классом для осиротевших лисят, и следить за ними всегда было интересно. Все они развивались по одной наследственной программе с небольшими отклонениями. Так, у всех я наблюдал типичный лисий прыжок при охоте на мелких грызунов. Подскочат высоко в воздух и приземляются на

передние лапы там, где прячется во мху или траве бедная полевка. Но это лишь одна из множества наследственных черт поведения, которыми наделена лиса наряду с собственной сметкой.

А теперь расскажу об очаровательнейшей лисичке, которая заметно отличалась от других. Когда я впервые познакомился с ней, она была уже почти взрослая, и ее обаяние оценил даже мой пудель Фигаро, к тому времени достигший почтенного возраста — ему исполнилось двенадцать лет. К бузотерам с малого островка и их преемникам он относился сдержанно; правда, они сторонились жилья на Каменном острове, да и Фигаро не уходил далеко от дома.

Очаровательная лисичка выросла в Эребру, в семье любителей животных, которые со временем оказались перед лицом неизбежной проблемы: как быть, когда лису начинает тянуть на волю, когда ей из-за врожденной непоседливости и потребности в движении становится тесно в городской квартирке? Случайно эти люди прослышали обо мне, и лисичка попала на Каменный остров. В «своей» семье она была совершенно ручной, к нам же, естественно, отнеслась с некоторой опаской. Других лис, кроме нее, на острове тогда не было, так что она ушла от нас не по той причине, по которой раньше ушла троица. Боюсь, она еще долго сохраняла расположение к людям. Во всяком случае, в следующую зиму к нашим соседям время от времени наведывалась какая-то бесстрашная, даже нахальная лиса, скорее всего наша. Она — или ее потомки — и теперь еще, бывает, поселяются на зиму под одним из домов, где она поздней осенью выкопала нору, но летом мы ее совсем не видим. Не иначе, убедилась — и, возможно, это был горький урок, — что люди народ ненадежный, от них добра не жди. И хорошо, что убедилась.

Двенадцать лет для собаки преклонный возраст, и Фигаро уже два года вел предельно спокойный образ жизни. Любил поваляться на солнце, перебирался в тень, если становилось чересчур жарко, порядка ради лаял на людей, сходивших на остров, и соблюдал такую строгую диету, что мы просто поражались. Если миска содержала не то, чего бы ему хотелось в данный момент, он презрительно фыркал и снова валился на землю.

Но любовь всесильна, и, когда Амур направил свою. стрелу в сердце Фигаро, картина изменилась. Да как!

В один прекрасный день, пробудившись от пополуденной дремоты и приподняв веки, наш престарелый пес узрел перед собой похожее на собаку существо — женского пола, если ему не

изменяла память. Он поднял голову, моргнул раз-другой и окончательно очнулся. Пресный, бесцветный мир вдруг обрел яркие краски! Фигаро поднялся. Легко, как в молодые годы. Хвост пистолетом, гордая осанка, легкая походка — молодцом! Нисколько не хуже, да что там, лучше, чем в ту далекую пору, когда он получил приз на собачьей выставке. Глаза Фигаро заблестели, и он приступил к ухаживанию, громко сопя и свесив восхитительный красный язык. Однако дама оказалась из спесивых. Аккуратно перебирая ножками, она принялась описывать петли вокруг деревьев и камней и увела пылкого кавалера в гущу леса, куда он давно перестал заходить. Через некоторое время они вернулись, лисичка съела приготовленный для нее корм, заодно очистила миску Фигаро, а затем танцующей походкой удалилась в лес. Только в сумерках к нам возвратился совершенно обессиленный старый пес. И поразил нас тем, что, совсем как в молодости, зазвенел миской, требуя добавки. Как он ел… И как пил!

На другое утро Фигаро лежал словно в летаргическом сне. Мы всполошились, но, когда он лихо очистил свою миску, поняли, что все в порядке. После обеда он опять погрузился в глубокий сон, однако стоило на горизонте показаться его ослепительно-рыжей даме сердца, и тотчас Фигаро снова превратился в рыцаря и кавалера.

Бывало, наблюдаешь птиц где-нибудь на острове — из-за деревьев появляется пара: он пылкий, полный надежд, она польщенная, но неприступная. И задолго до их появления было слышно шумное сопение: нелегко давался Фигаро непривычный моцион! Наскучив ухаживанием, красавица играючи вскакивала на высокий камень. Сидят оба и дышат с открытой пастью, и восхищенный взгляд Фигаро пожирает восседающий на пьедестале предмет его запоздалой стрясти.

Большинство собак живут не больше двенадцати-тринадцати лет. Кто знает, может быть, летние кроссы — и прилив гормонов — помогли Фигаро дожить до семнадцати?

Дети глухих ночей

Каменный остров, как я уже говорил, больше пяти гектаров, здесь есть где разгуляться молодой лисе, осенью поохотиться за полевками. Зимой-то поневоле приходится удлинять вылазки за провиантом. Это я про лису, но под большим домом на Каменном каждую зиму отсыпается всласть один коренастый крепыш, а в Даларна под полом уединенной избушки каждый второй год производит на свет выводок маленьких пискунов существо, которое я самолично выкормил из бутылочки. Дарно это было, на звериную мерку, в прошлом году исполнилось семь лет нашей дружбы. А с обитателем Каменного острова я знаком уже целых двенадцать лет!

Моя сестра Моника и ее муж Кайкен — большие любители ловить раков, нравится им ревизовать свои верши ранним утром, когда над тихой гладью озера еще скользят пряди ночного тумана. Вот и в это августовское утро они поднялись пораньше, собираясь пройти на лодке вокруг острова, и только сели выпить чашку чая, вдруг мой зять увидел, как к дому трусит что-то серое, непонятное. Потом серое распалось на широкие белые и черные полосы, обозначилась неожиданно маленькая для косматого круглого тела остромордая голова. Барсук! Зверь решительно направлялся к дому, и, когда он поравнялся с освещенным окном, Кайкен громко постучал костяшкой пальца по стеклу. Барсук остановился, посмотрел на людей и как ни в чем не бывало протиснулся в проделанную им давным-давно дыру в цементном фундаменте под самым окном. Было очевидно, что это один из тех ручных барсуков, которых я растил, мечтая именно о таком будущем для них. Надежное убежище, полный желудок, но отнюдь не за счет того, что подбросят люди. К сожалению, в последние годы у меня не было возможности следить за их житьем-бытьем. С 1965 года я занимался съемками в Южной Америке и лишь изредка наведывался на Каменный остров. Тем временем под грудой камней на другом конце острова появилась барсучья нора с многочисленными ходами, однако я не берусь сказать, мои ли барсуки там поселились или их потомство.

Вокруг избушки в Даларна зимой появляется множество следов. Лиса (не мое «дитя») вычерчивает свои замысловатые петли, метрах в двадцати-тридцати от дома ямы на снегу говорят о том, что здесь отдыхал лось. Нередки следы куницы, в каменном фундаменте обосновалась ласка, спокойный, тихий уголок привлекает косуль, зайцев, мелких грызунов. В лесу водится рысь, чуть подальше — росомаха, а несколько лет назад

всего в пяти километрах от избушки (и в 270 километрах от Стокгольма) видели долгожданного гостя — медведя. А разве плохо услышать голоса мохноногого сыча, сыча-воробья, журавля, тетерева, гагары…

В прошлом году одним февральским утром увидел я картину, от которой у меня, несмотря на сильный мороз, сразу стало тепло на душе. Следы на снегу, целая тропка от дыры под крыльцом к стогу сена. На тропке были рассыпаны клочья сена и отпечатались лапы барсука. Как тут не растрогаться, если моя толстая славная семилетняя барсучиха проснулась от спячки и снова готовится произвести на свет потомство! Сено, разумеется, понадобилось ей, чтобы сделать теплую постельку для малышей. Именно малышей — три новорожденных барсучонка вполне умещаются на моих ладонях. Мне ли этого не знать, ведь сколько пометов кругленьких бутузов из семейства куньих я вырастил.

Во многих местах барсука и поныне истребляют так же ретиво, как и лису. А ведь барсук даже с человеческой — эгоистичной и близорукой — точки зрения совершенно безгрешное существо, он, можно сказать, платный жилец в «наших» угодьях. Конечно, барсук не оставит без внимания яйца, буде ему подвернется гнездо, но в целом он только приносит пользу человеку, а это, похоже, единственный фактор, оправдывающий в наших глазах существование большинства животных, которые вместе с нами населяют этот мир.

Пер Арвид Скуг много лет изучал в лабораториях Стокгольмского университета содержимое желудка барсуков и установил, что стол этого зверя преимущественно составляют дождевые черви и насекомые. Из поедаемых млекопитающих 86 процентов — мелкие грызуны, 10 процентов — бурозубки, 2 процента — кролики. С такими заслугами барсуку, право же, можно простить, если он невзначай забредет в курятник, и не убивать его, а делать загородки понадежнее. Стремление человека распоряжаться судьбами целых видов простейшим способом, с ружьем в руках, приводит, как всякий мог убедиться, к ужасающе неверным приговорам и казням. Единственно верным было бы вообще не прикасаться к чувствительному механизму, издревле обеспечивающему баланс в природе. И конечно же, не трогать курок ружья. Подобно тому как мы должны сдерживать страсти, управлять ими в общении друг с другом, необходимо подавить в себе мерзкую тягу к убийству животных. Меня страшно огорчает и озадачивает, до чего сильна эта тяга у многих, казалось бы, вполне здравомыслящих людей! Подводный охотник у Карибского рифа, не найдя достаточно крупной мишени, подстреливает рыбешку величиной с ладонь просто

потому, что перед возвращением на лодку необходимо разрядить ружье. Хорош спорт, тем более когда цель находится сантиметрах в двадцати от зазубренной стрелы… Охотник в шведском лесу, не добыв желанного глухаря, убивает сыча-воробья, чтобы удостовериться, что еще не разучился стрелять… Миссионер, никогда не забывающий в своих проповедях упомянуть пятую заповедь — не убий! — учит сына, как целиться, чтобы не промазать по дятлу… Я поражаюсь, ужасаюсь, возмущаюсь! Да разве услышат тебя в мире, где хозяйничает больше трех миллиардов двуногих млекопитающих!

А как хотелось бы довести до их сознания… Но чтобы по-настоящему понять, глубоко ощутить, очевидно, каждый должен сам познать, что такое повседневная забота, скажем, о не желающем принимать корм крохотном, скулящем барсучонке, что значит бороться за слепой, неуверенный росток жизни.

Два барсучонка, полученные мной от того самого охотника, который пощадил лисят, решительно не хотели признавать бутылочку и предложенную мной чужеродную молочную смесь. Это тебе не прожорливые лисята! Скулят, еду выплевывают. Провозишься с ними несколько часов, а в итоге у тебя на одежде больше молока, чем в их животиках. Они признавали только маму-барсучиху, но она лежала где-то в лесу убитая, истерзанная собачьими зубами. С каким облегчением я вздохнул, когда малыши через несколько дней все-таки покорились своей участи и принялись сами сосать из бутылочки. Дальше все пошло как по маслу. Главная, если не единственная, мечта каждого барсука — валяться с туго набитым брюхом…

Между живой, сметливой лисой и замкнутым, приземленным барсуком поразительная разница. Многие из нас с одними людьми ладят, с другими — нет; точно так же у некоторых душа лежит только к одной породе собак, к одному виду животных. Меня интересует все живое, будь то люди или другие представители животного мира. И мне по сердцу барсуки с их своеобразным, трудно постижимым поведением. Именно то, что разобраться в движениях их души так непросто, привлекает и подзадоривает меня.

Я быстро убедился, что у барсука в отличие от лисы очень сильна потребность в контакте не только пока он сосет, а и гораздо позднее. Как и многие ночные животные, которые добывают корм на поверхности или под землей, барсуки близоруки. Когда барсучата подросли настолько, что могли трусить за мной вперевалку, они изо всех сил старались не отстать. Сяду на землю — тотчас прижимаются но мне, явно радуясь тому, что кончилось жуткое странствие в опасном,

неведомом краю. Естественно, зрение выручало их только вблизи. Убегу от них на полсотни метров, потом возвращаюсь, описав круг, но не замыкаю его полностью, а они, бедняги, знай трусят по моему следу, уткнув нос в землю, минуют меня в нескольких метрах, повторят весь мой путь и облегченно усядутся мне на ноги, словно желая на некоторое время пресечь мои несуразные выходки.

Постепенно барсучата, как и всякие дети, становились все более самостоятельными. Но еще долго, чуть не до зимы, они были счастливы, когда я поднимал их за шиворот — килограммов десять-двенадцать в каждом! — и крепко обнимал. Да ведь и самому приятно обнять барсука, если он такой ручной, какими были мои питомцы. Лежит, весь размякнув, тяжеленной мягкой подушкой на «папиных» руках этакий толстячок и млеет от счастья. А впрочем, я заменял им не отца, а мать. Когда у барсучихи маленькие дети, папаше не дозволяется даже близко подходить. Злой спросонья да к тому же голодный барсук — не самый лучший сосед, когда самка кормит живые комочки, которые так и подмывает попробовать на зуб. Осведомленные люди говорят, что у барсучихи детеныши бывают только через год, и это, наверное, потому, что первое лето она не подпускает самца ни к детенышам, ни к себе. Спаривание происходит среди лета, потом зимняя спячка тормозит развитие плода, новый выводок является на свет уже в феврале — марте, вот и получается — раз в два года.

Барсучиха, что живет под полом избушки, пока вроде бы верна этому правилу, и в иные годы бывает не так-то просто выяснить, занята квартира или нет, настолько осторожно ведет себя мамаша. Могу сослаться на свидетелей: несколько лет назад в этой избушке гостил один английский орнитолог с семьей. Я еще до прибытия гостей убедился, что под теми самыми половицами, по которым затем две недели скакали и прыгали двое юных непосед, барсучиха растит свой выводок. Когда англичане собрались уезжать на родину, я спросил, видели они хоть раз «миссис Бэджер»[8] и ее детей. Нет, не видели. И мысли не допускали, что внизу была барсучья нора. Я и сам заколебался. Не иначе, ушла барсучиха вместе со своими малышами… А на другой день, прибыв самолично на хутор, убедился, что семейство на месте, никуда не делось! Просто «дети глухих ночей» ведут себя так тихо, что надо очень постараться, чтобы их обнаружить.

Как я уже говорил, для барсука смысл жизни заключается в том, чтобы поменьше суетиться и побольше отдыхать с набитым брюхом. В семье царит тишь да гладь, мать и дети целый день

проводят в объятиях Морфея, просыпаясь, лишь когда малыши вспомнят про молочную кухню. Вечером распорядок другой. Мамаша, проснувшись, устанавливает, что аккумулятор в чреве основательно разрядился, а тут еще и всевозможные паразиты докучают. Блестящие глазки-пуговки изучают обстановку. Окошко в фундаменте уже не режет глаза ярким светом. Значит, пора выходить на добычу, наполнять пузо. Но сперва надо его опорожнить. Для этого есть особое место, однако не снаружи — снаружи будет слишком заметно, а барсучиха осторожна, осторожность прежде всего. Уборная находится в дальнем конце ее жилища, под северо-западным углом дома. Мягко, но решительно оторвавшись от скулящих детей, она быстро трусит между балками и справляет нужду в положенном месте. Теперь можно и на заправку. Через систему подземных ходов барсучиха рысцой направляется к выходу, под крыльцом останавливается и принюхивается. Убедившись, что вблизи нет ничего опасного, протискивает не очень-то стройное тело сквозь узкое отверстие и трусит вприпрыжку по своим делам.

Откуда я все это знаю? Верно, я не могу забраться в нору, да и барсучиха вряд ли приветствовала бы такого гостя. Память о моей отцовской, то бишь материнской, заботе, конечно же, стерлась в ее маленьком, туго соображающем мозгу. Она знает только, что убежище под полом избушки вполне надежно.

Но ведь избушка-то деревянная, дерево сухое, отлично проводит звук, и получается нечто вроде огромного стетоскопа. Приложив ухо к письменному столу на втором этаже, я слышу многое из того, что сейчас описал. Особенно явственно — как скулят малыши. И как почесывается мамаша. Потому что она при этом часто стучит задней лапой обо что-то деревянное. Еще лучше работает стетоскоп, если прижаться ухом к полу на первом этаже. Занятие довольно утомительное — ведь пока барсучиха раскачивается, чтобы приступить к вечернему ритуалу, проходит полчаса, а то и больше.

Есть что-то человеческое в жалобных звуках малышей. Послушаешь их — и еще одно старинное суеверие получает свое объяснение, подобно тому как надежным ключом служит знакомство с поведением и звуками сов.

В старину, когда всякому было известно, что такое лесная и прочая нечисть, когда люди с одного взгляда узнавали колдунов и ведьм, когда легче было встретить «даму в белом», чем столь распространенную в те времена сипуху с ее светлым оперением, в ту пору, говорят, жило существо, которое шведы, явно звукоподражательно, называли «мюлинг» — тоскующий, мятущийся дух некрещеного дитяти, чья злосчастная незамужняя

мать, боясь дурной славы, удушила его тотчас после рождения. Мюлинг сетовал в тихие ночные часы, его стоны раздавались из стен или полов дома, где мать — разумеется! — замуровала мертвое тельце. Жуткое суеверие, типичное для тех времен, а навеяно оно было, думается мне, звуками, которые издают голодные, скучающие без матери барсучата. Именно эти звуки лучше всего проводит деревянная избушка-стетоскоп. Да я и сам слышал их от своих усыновленных барсучат, как только у них что-нибудь не ладилось.

Первые двое были самцы. Я прозвал их «мальчуганами», и эта кличка пристала к остальным моим питомцам из того же племени, хотя третий — и последний — выводок состоял из самца и самочки. Как и лисы до них, «мальчуганы» первое время обитали на Малом острове. Они живо освоили все лисьи убежища, но особенно прилежно копали землю под домиком площадью три на пять метров. Впрочем, барсучата оказались не единственными обитателями островка. Независимо от их желания им составлял компанию ручной горностай, которого я взялся приучать к воле по просьбе Нильса Линимана. Этот юркий пострел основательно докучал им. Отъявленный озорник, Герман Мелин, он же герр Мелин, с младых ногтей привык играть и хулиганить вместе с добродушным псом Линиманов, и в барсуках он увидел подходящих товарищей для игр. Он вскакивал им на спину, дергал на уши — не сильно — и выкидывал всевозможные фортели, которые серьезные космачи вовсе не одобряли. Мне особенно запомнилось, как он любил красть у них еду. Прежде чем перевезти герра Мелина на Каменный остров, надо было добиться, чтобы он сам ловил мышей и полевок. К рыбе он был равнодушен, зато «мальчуганы» часто ее получали, да вот незадача — бросишь им свеженького окунька, а они с места стронуться не успеют, как бело-коричневая молния уносит добычу, пусть она размерами равна герру Мелину или даже превосходит его. Забросив рыбу на спину, зверек галопом отбегал в сторону. Отпустит, выждет, когда барсучки пойдут по следу, и только они приготовятся схватить лакомство — глядишь, герр Мелин опять его уволок. Но вот игра ему надоела, и раззадоренные барсучки, которым именно этот окунек теперь кажется самым вкусным на свете, затевают потасовку из-за рыбки с гарниром из листьев и хвои.

Понятно, рядом с этим юлой барсуки выглядели форменными увальнями, однако, ловя какого-нибудь мелкого грызуна, они развивали поразительную прыть. И играть они тоже любили — по-своему, по-барсучьему.

Их игровое поведение включало танец, которого мне при

всем желании не удавалось подсмотреть у диких барсуков. Партнеры сближаются, вздыбив шерсть, так что кажутся вдвое больше, потом останавливаются и долго смотрят в упор друг на друга. Внезапно один из них прыгает в сторону, причем его движения напоминают бьющуюся на суше рыбу. Косматый зверь весь извивается в «польке», а партнер в точности повторяет каждое его па.

Так продолжается секунд двадцать-тридцать, после чего «мальчуганы» как ни в чем не бывало трусят куда-то по своим делам.

Детские игры часто содержат элементы воспитания или тренировки. Так, индейский мальчуган уже в четыре-пять лет стреляет в воду из лука. У животных игровое поведение тоже помогает детенышам развивать качества, важные для взрослой особи. Это относится к котенку, который так любит ловить клубок шерсти или мамин хвост, и, несомненно, это же относится к барсучатам. «Мальчуганы» просто предавались потешной игре, давая выход своему веселью и жизнерадостности; у взрослых особей дело обстоит серьезнее, и тот же танец, думается мне, выполняет важную функцию (у меня есть догадка — какую именно). Взрослому самцу, который живет отшельником и потребность в обществе ощущает лишь в брачную пору, танец, вероятно, помогает в обороне, в нападении и в устрашении соперника. Взъерошенная шерсть вдвое увеличивает очертания тела, так что укусы приходятся на нее да на воздух; прыжки позволяют цапнуть противника и увертываться от его выпадов. Наконец, круги и петли «польки» помогают получить столь важную обонятельную информацию о поле партнера. Самец встретил самца — схватка, а чаще — бегство. Самец встретил самку — любовь в летние ночи. Сами понимаете, демонстрация силы лучше, чем откровенная драка.

Говорят, что охотники на барсуков набивали голенища сапог древесным углем. Во-первых, укус не так страшен, а во-вторых, пусть барсук думает, что у него под зубами уже кость хрустит! Меня ни разу не кусали мои барсуки, да и другие ручные животные тоже, но я знаю, что многим охотникам доставалось на орехи. Видно, все дело в том, как воспитываешь зверя. В недавно изданной книге о фауне Южной Америки я с удивлением прочел, что «взрослых носух довольно трудно приручить, ведь они, когда их шлепают за нарушение предписанных человеком норм, явно считают себя вправе ответить на шлепок укусом».

Если вы хотите завоевать доверие и дружбу дикого животного, раз и навсегда откажитесь от всякого насилия. От побоев проку не будет, только хуже. Не заставляйте зверя вести

себя «по-человечески», приноравливайтесь к нему сами. Войти в роль того или иного животного человеку очень трудно. А животным, разве что за исключением молодых человекообразных обезьян, и вовсе тяжко понять и подчиниться требованиям, которые не опираются на их прирожденные поведенческие навыки. Мне всякая дрессировка животных представляется отвратительной. Выступая жонглером в одном из крупнейших цирков Европы, я видел, как медведя били палкой за то, что он упорно не хотел садиться на мотоцикл. В конце концов бедняга подчинился, как вынуждены подчиняться и другие цирковые животные. И публика могла каждый вечер ликовать, глядя, как потешный мишка катит по манежу, словно человек. А мишка-то был в намордник, и дружбой между ним и рослым укротителем-силачом даже не пахло.

Не могу восхищаться номерами, когда животных заставляют делать что-нибудь противное их природе, пусть даже речь идет о таком удивительном трюке, как слон, стоящий на одной передней ноге. К двуногим мастерам манежа отношусь с глубоким уважением, но сердце обливается кровью при виде тигров, медведей, слонов, выполняющих несуразные номера. Это — издевательство над животными и позорное пятно на знамени цирка. Надеюсь, пятно сотрется, когда изменится наш подход к животным. Я сам, пока не поумнел, выступал на телевидении со своими пернатыми и четвероногими друзьями, конечно, не как дрессировщик, а просто знакомил зрителей с нашей фауной. И как ни старались мы сделать все, чтобы животные чувствовали себя спокойно, необычная обстановка ТВ на них действовала. Так было с длиннохвостой неясытью — ее испугала неожиданная не только для нее, но и для меня сумятица, однако первым я представил зрителю барсука.

Мне предложили выступить с жонглированием в популярной программе, которую вел Сигге Фюрст, и, разговаривая с ним, я по какому-то поводу заметил, что ручной барсук — удивительно славное существо. Сигге немедленно попросил меня прийти в другой раз с барсуком, и я сказал, что попробую.

Дело было осенью, и «мальчуганы», взятые на попечение моим хорошим другом Таге Вальбергом в Мальмчёпинге, уже вырыли себе зимнюю нору под поваленным деревом в лесу. Стоя перед входом в логово, я звал не меньше четверти часа, прежде чем выглянул сонный, упитанный барсучок. Свежая булка живо убедила его, что гость явился с самыми добрыми намерениями, и хорошенько набив живот, он снова задремал, уже у меня на руках. Я поспешил отнести живую муфту к машине и положил толстяка на заднее сиденье, где он развалился, точно мешок с бельем.

Дождавшись, когда он сомкнул свои сонные очи, я включил мотор. Барсук тотчас проснулся; чуждый уютному зимнему логову звук явно пришелся ему не по душе. Я погладил его, почесал, он успокоился и опять весь обмяк — типичное состояние зверя, погруженного в зимнюю спячку. Впервые очутившись в рокочущей машине, он заметно робел, и пришлось мне для его успокоения все сто километров до Стокгольма править одной рукой, а другой почесывать щетинистую сероватую шкурку заезжей телезвезды.

Но в городской сутолоке, где поминутно приходится переключать скорость, я был вынужден действовать двумя руками. Барсук проснулся, встал и уставился на страшный мир рычащих машин. Я его понимал. Более того, я ему сочувствовал и до сих пор сочувствую. Сменить лес — зеленый мох, валуны, высокие ели — на эту раковую опухоль, большой город — кара за грехи, за покушение на плоды древа познания. Но ведь барсук-то этой кары не заслужил, сообразил я с некоторым опозданием… А сын лесов мне вполне доверял и быстро успокоился, когда я его приголубил, остановив машину около цирка в Юргордене, откуда должна была транслироваться передача.

В лучах софитов и в обществе приветливого Сигге барсук вел себя спокойно. Правда, я все время гладил и почесывал его, ведь под тонкой пленкой спокойствия клокотала тревога, все кругом было так ново, так непостижимо, чревато опасностями, что телесный контакт был взрослому зверю не менее необходим, чем в свое время скулящему детенышу…

Передача кончилась, и мы отправились домой — не к лесному логову, а в мою «нору» в Стокгольме, так как в тот же день я просто не успевал обернуться. К тому же мне подумалось, что барсуку не мешает немного прийти в себя перед новой поездкой.

Интересно было наблюдать, как воспринял барсук «городскую нору». Он замер на пороге и долго принюхивался. Я вошел, позвал его. В конце концов он протрусил вперевалку в комнату. Сразу было заметно, что он больше полагается на обоняние и слух, чем на зрение. Обнаружив мою жену Камиллу, с которой давно был знаком, он почувствовал себя увереннее. Вздыбленная шерсть улеглась, барсук приступил к обследованию человеческого логова. Блестящие полы, ковры, двери… Двери его интриговали и злили одновременно, ему непременно надо было знать, что за ними кроется. В закрытые двери он впивался когтями с такой силой, что мы спешили открыть. Столовая, кухня, спальня, шкафы, гардеробы — все подвергалось тщательному осмотру. Наконец барсук обнаружил ванную. Вбежал на каменный пол и

остановился. Постепенно в мозгу его созрело какое-то решение, он подошел к стоку, подцепил решетку передними лапами, с грохотом сорвал ее с места, развернулся и закупорил своей круглой кормой весьма удобную для его целей ямку.

Опростав кишечник, барсук прямиком направился в спальню, улегся под моей кроватью в ногах, и вскоре утомленная телезвезда заснула крепким сном. Он проспал сутки, а проснувшись, проследовал в ванную и принял уже знакомую нам позу. Присущая всем куньим чистоплотность была у него в крови, он твердо знал, что в норе пачкать не положено. Нам, людям, трудно представить себе чуткость барсучьего обоняния, которое развито у этого зверя, как ни один другой орган чувств. Барсук отнюдь не случайно выбрал место для сна под моей кроватью, и в поисках уборной ему, конечно, помогла информация, сообщенная носом.

На третий день мы поехали к его собственной норе. В лесу я взял увальня на руки и вышел из машины. Была тихая, прохладная октябрьская ночь, в ярком лунном свете отчетливо проступало все окружающее. Барсучья голова у моего плеча зашевелилась, нос шумно втягивал знакомые запахи. Ель, мох, влажная трава. Убедительнее всяких зрительных впечатлений все это говорило «мальчугану», что он дома. Тучное тело напряглось, он просился на землю. Я уже говорил, как нам трудно понять столь отличное от нас животное, но, право же, я ощутил, какое облегчение, какая радость овладели полосатым. Долго стоял он на месте и принюхивался. И вдруг превратился в шар: вся шерсть поднялась дыбом. Топча росистую паутину на траве, он извивался в танце, и каждая клеточка его тела была пронизана радостью, барсучьим восторгом. По лунному серебру — в лес. Я стоял на месте, выдыхая облачка пара. Немного погодя барсук показался снова, он продолжал плясать и прыгать вокруг меня, наконец, все так же танцуя, направился к собственной надежной обители. Больше в ту осень я его не видел, а весной он, как и все мои барсуки, вышел из зимнего логова, чтобы начать самостоятельную жизнь.

Совы

Несколько лет назад на телевидении пользовалась популярностью передача под названием «Профиль». Показывали силуэтом профиль человека, потом брали у него интервью. Однажды вечером настала моя очередь выступить с рассказом о своих планах. Заканчивалась передача, как и начиналась, изображением профиля. Меня попросили захватить с собой какой-нибудь киноэпизод, он должен был наплывом вытеснить мое изображение и так же плавно уступить экран метеокарте, сопровождающей сводку погоды. Я выбрал кусок из своего самого первого фильма — «Так проходит день», кадры с четырьмя птенцами мохноногого сыча. Тогда никому не могло прийти в голову, что этот эпизод целых полгода будет периодически появляться на экранах телевизоров. «Метеосовята» стали чрезвычайно популярными, и когда на телевидении решили, что они отслужили свой срок и пора их заменить, начались телефонные звонки, и пришлось вернуть совят. «Мы обещали детям, что они могут посидеть у телевизора, пока не покажутся совята, — жаловались родители, — а теперь их невозможно уложить». Так я получил убедительное доказательство, что не только я — большинство людей симпатизируют совам.

А ведь некогда, притом не так уж давно, люди боялись сов, причисляли их к «силам тьмы». Рассекающая воздух вокруг церкви серая неясыть своим жутким «ху-ху-хуу» вызывала оторопь у всякого, кто мартовской лунной ночью проходил мимо кладбища. На самом же деле гномы лесные были всего лишь птенцами мохноногого сыча, но в них и впрямь есть что-то человеческое, что заставляло даже самого отчаянного удальца в испуге спешить домой. От нежити лучше подальше держаться! А занесет тебя к скалам, того и жди услышишь или — еще хуже — увидишь тролля. Глядишь на камень, а он вдруг оживает, вытянет руки огромные, мохнатые, щелкает, шипит и прямо на тебя идет! Так реагирует молодой филин на самых опасных своих врагов — рысь, лису, человека. На севере в старину был обычай для защиты от всяческих темных сил подстрелить длиннохвостую неясыть и распять ее на стене коровника. Возможно, обычай этот жив и поныне. Во всяком случае, его можно было наблюдать кое-где лет двадцать назад…

Конечно, совы никакая не нежить, а представители семейства пернатых, удивительно приспособленного к ночному образу жизни. Точнее, речь идет о двух семействах — Strigidae (сюда входит большинство сов) и Tytonidae, представленного в Швеции

только сипухой, у которой по всему земному шару разбросано немало родичей.

Когда я учился в школе, совы казались мне чрезвычайно таинственными существами. Ночью можно услышать их голоса, а днем видно только обросший перьями цилиндр с полузакрытыми глазами. Подойдешь чересчур близко — бесшумно улетает прочь; правда, чаще всего его при этом сопровождает отнюдь не бесшумно свита возмущенных дроздов. Серая неясыть, кто же еще…

В год окончания школы кривая моего интереса к совам круто взмыла вверх и с тех пор не спадает. В ту весну один энчёпингский фермер, с которым я разговаривал только по телефону, прислал мне в ящике двух пушистых тролликов. Двадцать лет назад — как время летит! — мало кто слышал о законах, охраняющих животных, а мне очень захотелось вырастить пару сов, и я придумал дать объявление: «Куплю совят». Ответ не заставил себя ждать. Упомянутый фермер сообщил мне, что у него на чердаке обитают совы, которые издают жуткие звуки да к тому же заготавливают уйму крыс и полевок, а от них ужасный запах. Как хорошо, что можно переправить совят мне, вместо того чтобы убивать их.

Кругленькие, пушистые птенцы неясыти тотчас меня заворожили, как и положено тролликам. Живые шарики облачком обрамлял шелковистый пушок, огромные темно-вишневые глаза глядели па мир с пытливостью, столь характерной для совят. И для человеческих детенышей. Я уже говорил, что люди — нормальные люди — расположены дарить нежность очаровательно-неуклюжим существам с мягким, пухлым тельцем, коротенькими конечностями, круглой большой головой и доверчивым взглядом. Именно эти признаки будят в нас инстинктивное стремление заботиться о маленьких детях. И конечно, совенок в такой же мере, как славный толстячок коала, является для человека «сверхраздражителем». Качества, составляющие «программу», у них выражены еще ярче, чем у человеческого младенца. К тому же у совят такой потешный, важный вид. Сами неуклюжие, а лицо «мудрое».

К сожалению, птенцы, которых я получил, уже «сознавали», что они — совы. Приручению не поддавались, стоит приблизиться — щелкают клювами, глаза мечут молнии. Что ж, тем лучше для них, для будущего их отношения к людям. Я уже знал, где поселить моих питомцев: на берегу озера, недалеко от Каменного острова присмотрел подходящий участок. Там стояли старые дубы, водилось множество полевок, а вот совы почему-то много лет не гнездились.

Троллики начали взмахивать крыльями, и с каждым днем их гротескные прыжки все больше напоминали настоящий совиный полет. Когда же они совсем поднялись на крыло, нельзя было не восхищаться их способностью к почти беззвучному полету, присущей только совам да козодоям. Посмотрите на перо совы или проведите им по особенно чувствительной у нас верхней губе — оно удивительно мягкое. От каждой бородки ответвляются тончайшие нити, они мягче пуха и вместе гасят шорох крыльев даже тогда, когда сова в прозрачной тиши ночного безветрия пикирует на ничего не подозревающего грызуна. И мало того, что она обрушивается на жертву, как гром среди ясного, вернее черного, неба — «глушитель» дает еще одно преимущество: слух совы работает без помех, и она улавливает в полете шорохи, которые подчас служат ей единственным ориентиром во время охоты. Если не все, то многие совы определяют направление и расстояние до снующей мыши или хрупающей сочным побегом полевки и ловят их в полной темноте.

Загадкам жизни и поведения сов в мире яркого солнца и кромешного мрака суждено было на много лет стать моим главным увлечением, да и теперь для меня нет в животном мире более увлекательного предмета. Как работает, как приспособлен глаз совы к темноте, ее поразительный слух, куча других задач, решенных эволюцией, чтобы сделать возможным существование во тьме, — все это составляет такую богатую область исследований, что не успеешь собрать урожай данных, как уже зеленеют новые всходы.

В поисках ответа на часть этих вопросов я три года держал и выкармливал сов, множество сов в лаборатории зоологического факультета Стокгольмского университета, и если бы не бесчисленные «если бы», наверное, давно защитил бы докторскую диссертацию на тему о слухе и зрении сов, вместо того чтобы, пользуясь собственными органами чувств и их продолжением — кинокамерами и рекордерами, запечатлевать сохранившуюся фауну. От первых двух неясытей и пошел мой всепоглощающий интерес к ночным животным, будь то совы и гуахаро или такие млекопитающие, как шведский барсук и житель тропиков ягуар, и они по-прежнему привлекают меня больше всего на свете.

В конце лета я выпустил своих совят, Стрикса и Плутона, там, где задумал. Думаю, они благополучно освоились. Помогать им пищей я не мог, они так и не стали ручными, корм брали неохотно и с каждым днем все более сердито щелкали клювом при виде приемного родителя. Остается надеяться, что они научились охотиться, ведь дикие совята самостоятельно осваивают это искусство. После того я всех своих сов выпускал,

лишь когда убеждался, что они умеют охотиться по-настоящему, не кое-как, а в самых трудных условиях. Совы, с которыми я работал в университетских лабораториях, проходили отменную тренировку. Серые неясыти, например, безошибочно хватали добычу при таком слабом освещении, что его можно сравнить со светом, который падает на полевку от свечи, удаленной на 800 метров! Мохноногих сычей — форма и функция их своеобразных, неодинаковых ушных отверстий меня особенно занимала — учили ловить добычу в полном, кромешном мраке, какого не бывает ни в наших лесах, ни в тропическом дождевом лесу даже в самую темную ночь.

Через год после того, как мои неясыти сменили Упланд на Сёрмланд, я получил от одного сёрмландского любителя природы совсем юного совенка. Этот малыш вырос на диво ручным, и на нем я смог многое узнать о повадках серых неясытей. Отпущенный на волю на Каменном острове, он благополучно здравствовал там пятнадцать лет! Я говорю об этом так уверенно, потому что Стрикс (латинское название серой неясыти — *Strix aluco,* вот и этот совенок стал Стриксом) взял себе за правило днем дремать под крышей заднего крыльца дачи, на пластиковой водопроводной трубе. Проведя зиму без нас, Стрикс отвыкал от людей. И все же, приедешь весной в первый раз на остров, глядишь — вылетает из-под крыши. А если его и не окажется на месте, так на полу под трубой лежат отрыгнутые Стриксом погадки — комки из косточек, шерсти, иногда и перьев добычи. Но однажды мы не увидели комков. Зато в одной из комнат лежала мертвая неясыть… Стрикс проник внутрь через прочищенный летом дымоход, а выбраться уже не сумел. К сожалению, так часто бывает с неясытями. Подыскивая весной дупло для гнездования, они путают дымоход с природной обителью — дуплистым дубом.

Но это было потом, а пока Стрикс здравствовал, я по обыкновению на праздники выезжал в народные парки. Так как я имитировал птиц, мне после представления часто доводилось знакомиться с любителями природы, и я пользовался случаем поговорить с мальчишками, знатоками окрестных лесов. Таким образом у меня появилось множество хороших друзей во всех концах страны.

Однажды вечером в области Сконе, в маленьком городке, где парки, сады и прилегающие леса звенели птичьими голосами, ко мне — я в это время укладывал свой реквизит — подошла ватага десяти-двенадцатилетних мальчуганов. Я спросил, не знает ли кто-нибудь из них про соловьиное гнездо, которое можно было бы заснять. Ответ ошеломил меня. Соловьиные гнезда? Как же, есть!

Но все яйца из них собраны… Увы, зоркие наблюдатели оказались еще и страстными коллекционерами, они не столько наблюдали, сколько вредили птицам.

Один мальчуган рассказал мне, что у него есть ручной птенец ушастой совы, и на следующий день я, прежде чем уехать, навестил его дома. Отец с гордостью показал мне богатую коллекцию сына, в ней и впрямь были редкие экземпляры. Собирать яйца уже тогда было запрещено, но об этом мало кто знал. Не знал и гордый родитель, хотя он был начальником городской полиции!

Совенок оказался обаятельнейшим существом, ростом поменьше моего Стрикса. Воззрившись на нас изумительными оранжевыми глазами, он раскрыл клюв, и послышалось типичное для ушастых совят пронзительное «ти-хи». Косматые «уши», строгая рожица, сам пушистый, круглый… Он был неотразим, и я решил купить его, но мальчуган сурово ответил:

— Ни за какие деньги.

Достойный ответ! А ближе к осени, пришло от него письмо: не возьму ли я себе совенка, а то его все труднее становится кормить? Понятно, я не мог отказаться от такого замечательного подарка.

Совенок из пушистого мячика успел превратиться в полностью сложившуюся молодую птицу. На конкурсе красоты среди сов всех наших одиннадцати шведских видов ушастая заняла бы далеко не последнее место! Глаза оранжевые в черном ободке, бурое оперение с мраморным рисунком и в довершение всего — над глазами два высоких хохолка, или «уши», давшие название виду. «Рога» ушастой совы и филина питали воображение средневековых людей, нерушимо веривших в существование дьявола. Козлиное копыто (у всех сов два когтя смотрят вперед), рога да еще огромные горящие глаза!.. Сколько почтенных, заслуживающих доверия людей видели это ужасное зрелище в доме какого-нибудь страшного колдуна, а речь-то шла всего-навсего о ручном филине…

Естественно, мой рогатый красавец получил имя Плутон — так в античных мифах именуют князя тьмы. Плутон и Стрикс были совсем ручными, ведь их выкормили люди, совята даже не знали, как выглядят их настоящие сородичи. Оба птенца сперва поселились у меня дома на Хурнсгатан, и хотя в их распоряжении была большая, метра в три, клетка на балконе, да еще одна клетка поменьше стояла в моей комнате, они обычно летали по всей квартире. Мама — ее терпение истощалось — мечтала о непромокаемых штанишках для сов, и все мы стали мастерами по размещению газет в пометоопасных точках. Когда я сидел и

зубрил, на плече у меня почти всегда восседал символ мудрости; правда, еще не известно, был ли от этого толк. А после того как Стрикс завел привычку пикировать на тарелку и «убивать» котлеты, которые я ел, мама решила, что в своем увлечении совами я хватил через край.

Очень нравилось моим совам, когда я чесал им затылок, или за ухом, или около глаз. Зажмурятся и блаженствуют. Для семейной жизни сов это типично. Благодушное пощипывание перышек на голове супруга у них, как и у врановых, у голубей и попугаев, — нормальная черта поведения. Мне удалось запечатлеть на пленке, как на вырубке, на обломленной сосне высотой около десяти метров миловалась парочка длиннохвостых неясытей.

Когда я почесывал Стрикса и Плутона, они безропотно позволяли мне заглядывать в их огромные ушные отверстия. Тут-то я, еще не знакомый со специальной литературой, и заметил, что уши по форме разные. Ушные отверстия *Asia otas* так велики, что в них можно засунуть апельсиновую или, во всяком случае, мандариновую дольку. И смотрят они в разные стороны, одно — вверх, другое — вниз. Отодвинешь перья, окружающие глаз, и через ушное отверстие видишь… заднюю часть глаза! У серой неясыти я, глядя под определенным углом, увидел на глазном яблоке блик от лампочки, которая находилась прямо перед зрачком.

Не мудрено, что первые занятия совами переросли в большое увлечение.

А повороты головы… До чего потешно смотреть, когда лицо ушастой совы вдруг начинает поворачиваться в плоскости циферблата! Нормально ее глаза расположены как 3 и 9, но ей ничего не стоит развернуть голову так, что они займут место 6 и 12! Или даже 7.30 и 13.30! И в этой акробатической позе сова еще делает головой выпады, описывает круги. Мы с мамой от души смеялись, глядя на Плутона, смеялись и все те, кто потом видел этот фокус на экране, ведь я, конечно же, не преминул его заснять. И мало-помалу начал задумываться, в чем смысл этих движений. Ведь не затем же они совершаются, чтобы потешить смеющееся животное — человека. Потребовались годы, долгие годы исследований, прежде чем я нашел, как мне кажется, удовлетворительный ответ. Кому это интересно, может прочесть не столь «популярную» главу «Беззвучная охота» в моей книге «Совиные дебри». А здесь скажу только, что все движения совиной головы выполняют важную функцию. Это они позволяют определить в темноте на слух, где находится добыча — мышь-непоседа или зазевавшаяся полевка.

Мне было ясно, что, готовя Плутона и Стрикса к жизни на воле, необходимо обучить их охоте. Я тянул по полу привязанный к нитке комок ваты, и совы снова и снова пикировали на него, с каждым разом все более метко. Эта игра нравилась им ничуть не меньше, чем котенку нравится ловить и «убивать» клубок шерсти.

Но главная потеха началась, когда я принес домой детскую игрушку, заводную мышь, которая сновала между ножками столов и стульев, пока ее не настигал пернатый охотник. Совы были способны без конца гоняться за этой игрушкой.

Дождавшись лета, я выпустил их на острове. И следил, как идет охота на полевок. Когда с добычей было плохо, совы прилетали за дополнительным пайком. На этот случай у меня всегда были припасены в террариуме лабораторные белые мыши. Поздно вечером я надевал рваный халат, сажал на себя мышь и шел вдоль опушки леса. Ведь я не знал точно, где находятся совы, а звать их не хотел — пусть привыкают к самостоятельности. Судя по всему, лучшим охотником оказалась неясыть. Она редко брала белую мышь, зато Плутон частенько пикировал на меня за кормом. Время шло, вечера становились все темнее, а мои пернатые охотники — все искуснее, но по-прежнему случалось, что я вдруг чувствовал удар по плечу и белая мышь исчезала. Разглядеть, кому она досталась, я, понятно, не мог, но сила удара позволяла отличить ушастую сову от неясыти. Под конец только Плутон прилетал за дополнительным пайком, да и то очень редко.

Поведение этого ушастика вполне могло дать повод для рассказов о привидениях. Вот что случилось в один сентябрьский вечер. Мой отец — он был один на острове — захотел есть и намазал себе кусок хлеба маслом. Но сыр и колбаса лежали в погребе рядом с дачей. Он пошел в темноте туда, держа в руке бутерброд, и вдруг хлеб исчез! Всякий, кто не знал повадок Плутона (или Стрикса), мог основательно перетрусить. А потом с полным убеждением рассказывал бы о своей встрече с привидением!

На Каменном острове, на лугу мне тоже случалось как раз в осенние вечера видеть повисшую в воздухе сову. По полету это была типичная ушастая сова, вот почему я тешу себя мыслью, что не только Стрикс, но и Плутон сумел достичь почтенного для совы возраста.

Тролль из пещеры горного короля

Добиться, чтобы животное, которое росло на иждивении человека, перешло затем к самостоятельной жизни, не просто. Особенно верно это для животных, совсем не общавшихся со своими сородичами. Изнеженные доброжелательным хозяином, они не учатся вовремя распознавать, кто их враг в животном мире, человека привыкают считать неопасным и доброжелательным существом, а это далеко не во всех случаях справедливо. Для совы, как уже говорилось, важен охотничий навык. И тут нельзя полагаться на то, что инстинкт достаточно силен, что рано или поздно птица сама освоит все приемы. Инстинкт легко отмирает, если животному подносят еду «на блюдечке». А еще велика опасность прочного запечатлевания совой человека, после чего она уже не сумеет наладить верный контакт с другими совами и обзавестись семьей.

Моя неясыть Стрикс до конца жизни оставалась отшельницей, хотя вряд ли от этого страдала. Позже, выкармливая серых и длиннохвостых неясытей, ушастых сов, мохноногих и воробьиных сычей, я с самого начала настраивал их на естественный образ жизни, чтобы они сами умели охотиться и устанавливать правильные взаимоотношения с сородичами. Выше говорилось, как важно, на мой взгляд, чтобы совята с самого начала получали нужные звуковые сигналы, ведь без этого они не наладят затем общения с дикими совами. Кормя совят, я имитировал звуки, которыми эта процедура сопровождается в природе. В неволе совы почти всегда молчат; как и наши дети, они не научатся «говорить», если вовремя не будут слышать нужные им «слова». Занимаясь с ними, я с радостью подмечал, как самец длиннохвостой неясыти понемногу начинает издавать свой территориальный сигнал — на чердаке зоологического факультета. Глухое гуканье ушастой совы, словно кто-то дует в бутылку, быстрое и высокое «ку-ку-ку» мохноногого сыча, повторяющееся «хю-хю-хю» сыча-воробья — все эти звуки можно было услышать в конце зимы, как раз в ту пору, когда дикие совы начинают свои предвесенние концерты. Но то было в помещении, а в ту минуту, когда я пишу эту главу в избушке в Даларна, снаружи доносится голос одного из моих давних питомцев. Он сидит на ели возле дупла, где уже не раз устраивал гнездо вместе со своей большеглазой супругой. В этом году мало полевок — хоть бы хватило для пропитания нового выводка мохноногих сычей!

Порой, когда в лесу гуляет ветер или лютует мороз, я

спрашиваю себя: насколько велики шансы сов в суровой жизненной лотерее? Успели сычи-воробьи запасти корм, чтобы пересидеть мороз? Как дела у мохноногих сычей, у длиннохвостых неясытей? Но, пожалуй, чаще всего я вспоминаю Миаи…

Вряд ли кому в лесном царстве доводились видеть тролля красивее, чем Миаи. Серый, под цвет скалы, он был одет в пушистую кофту и теплые гольфы с начесом. На круглой голове загадочно сверкали черные омуты зрачков, обрамленные радужиной цвета морошки, что пестрела на болоте по соседству. Для полного сходства с троллем не хватало только хвоста. Родом это существо было с Аландских островов, где его, как мне сказали, вывели из яйца, снесенного «манным филином» — так называли несчастных птиц, которых охотники брали из гнезд для того, чтобы приманивать на выстрел ворон и ястребов. Привяжут такого беднягу за кол возле помойки или в каком-нибудь другом подходящем месте и палят над его чувствительнейшим ухом по яростно пикирующим вороньим стаям. Но нет худа без добра: эти самые «манные филины» послужили основой для нынешних попыток восстановить численность вида в нашей стране, где филины стали редкостью. Возможно, их потомки и вернут себе леса, «очищенные» от филинов рьяными, но ничего не смыслящими в устройстве природы охотниками.

Я назвал Миаи по мягкому, с пришепетыванием звуку, которым он встречал меня. Этот сигнал издают маленькие совята, когда просят еду у матери. Так как я в то время занимался съемками у гнезда филинов в Хельсингланде и вел наблюдения над еще одним гнездом в Эстеръётланде, мне не составляло труда, используя только что подслушанные «выражения» взрослых филинов, разговаривать с малышом на его собственном языке. Подходя к клетке, я имитировал похожее на человеческий крик низкое уханье самца и сам же отвечал более тонким голосом самки. После «уо» я издавал громкое «веэв» — так самка требует пищи, и птенцы тут же вступали со своим шипящим «миаи». Эти разговоры были очень важны для голосового развития моего филина. Тогда я еще не знал, что он мальчик, больше того, из-за крупных размеров считал его девочкой. Ведь у сов, как и у ястребов, орлов и других пернатых хищников, самка всегда крупнее.

Я написал: «Подходя к клетке». Возможно, это плохо вяжется с моими собственными утверждениями, что клетка — неподходящая обитель для диких птиц. Но в этом случае у меня не было выбора. Каждое лето я держал сов разных видов и разных размеров. Выпусти я всех на волю на острове, мохноногих и

воробьиных сычей быстро не стало бы: серая неясыть и ушастая сова не брезгуют своими меньшими братьями. Так что клетки играли защитную роль, тем более что по соседству обитал тетеревятник, который не прочь закусить мохноногим сычом. Наконец, поскольку моим подопытным пернатым предстояло часть времени жить в помещениях зоологического факультета, им с самого начала надо было привыкать к ограниченному пространству. Да и клетки были не такие, в каких канареек держат. Одна — шесть на одиннадцать метров, другая — примерно шесть на шесть. И мои питомцы обычно попадали туда вскоре после того, как поднимались на крыло, а потому не рвались на волю так, как рвалась бы взрослая дикая птица.

Когда Миаи в конце мая прибыл в Стокгольм, он был уже совсем ручной; более ручного филина и совы вообще я не видел ни до, ни после. Выше я писал, что лучший способ завоевать доверие птицы, породниться с ней — кормить изо рта. Именно так поступает мама-филин, потчуя детей отборной крысой с ближайшей помойки, однако есть границы, которые я не могу переступить, хотя мои друзья полагают иначе. Самое большое, на что я способен, выступая в роли пернатого родителя, — зажать губами и предложить зарянке извивающегося «мучного червя». Миаи и другие совы получали свой хлеб насущный у меня из рук; правда, при этом я держал полевок и мышей около самого лица. Подменял я маму-сову и как источник тепла. Совята рано являются на свет, вероятно, чтобы успеть за лето натренировать для охоты свой сложный зрительно-слуховой аппарат, и они достаточно хорошо одеты, легко переносят апрельские и майские ночные холода, однако любят греться сами и погреть младших сестер и братьев. В лесах под Хедемура, наблюдая из укрытия выводок болотных совят, я однажды видел, как старшая сестра с наступлением вечерней прохлады подобрала под себя малышей. Трогательная картина… Обмен теплом — мостик между особями, между мамой-совой и совятами, и, занимаясь своими птенцами, я это учитывал. Надену толстый серый свитер, лягу на спину, посажу совят себе на грудь и прикрою руками. Они распластывались на мне и явно блаженствовали. А когда сова блаженствует, она забывает про время, так что от меня требовалось изрядное терпение, чтобы сохранять описанную позу, пока совята получали свою дозу контакта. Для Миаи было верхом наслаждения разлечься на свитере, пощипывать меня за нос уже довольно грозным клювом и платить дань Морфею — за мой счет. Чуть пошевельнешься — открывает свои бездонные очи и устремляет на тебя по-ректорски строгий взгляд, который, кажется, проникает в сокровенные тайники твоей души.

Он не сразу научился летать, а до тех пор мы с ним прогуливались среди скал Каменного острова. Я старался с самого начала приучать его к подходящей для гнездовья местности, ведь со временем он станет сам себе хозяин, будет ухать в своем горном замке, встретит подругу жизни и выкормит не один выводок троллико́в… Он и впрямь был удивительно похож на тролля, когда ковылял следом за мной и карабкался вверх по камням, цепляясь жилистыми «руками», на которых пух постепенно сменялся перьями.

В один прекрасный день, после многих попыток, неуклюжих прыжков и потешных кувырков он поднялся на крыло! И сразу пролетел изрядный путь. Над озером, над лесом, против ветра до гор на другом берегу. Вороны и сойки тотчас разбушевались и обрушили свою ярость на кровного врага. Где-то вскричала испуганная неясыть — вероятно, Стрикс, — а я стоял и думал, куда занесет моего Миаи. Отыскать филина среди мшистых валунов на горном склоне или в лесу очень трудно, камуфляж у него отменный… Я провожал Миаи взглядом сколько мог, но в конце концов потерял. Кто найдет его первым, я или лиса? Вся надежда была на ворон — они не оставят в покое столь благодарную мишень для своих выпадов. Было похоже, что Миаи опустился на горный склон к востоку от озера. Я бросился было к лодке, но тут передвижной вороний секстет — или октет — вдруг прибавил громкость. А затем высоко в голубом небе показался и филин, окруженный сварливыми воронами. Рядом с ними он выглядел великаном, и странно было видеть, как он, приземлившись у моих ног, словно съежился и снова стал тем же вихрастым мальчуганом, каким я привык его видеть. Тем же, да не совсем: в его взгляде появилось нечто новое — присущее взрослому филину чувство собственного достоинства.

Больше всего у филина чаруют глаза. Взгляд взрослой птицы, даже самой ручной, может испугать своей дикостью. Когда Миаи, проведя несколько месяцев в народном парке Эскильстуны в обществе пары американских филинов *Bubo virginianus,* в разгар зимы переселился в квартиру моих родителей, глаза его приобрели еще более дьявольский блеск. При виде столь свирепого взгляда мне даже почудилось, что Миаи забыл своего кормильца, своего «папу». Но нет, хоть глаза и казались ужасными, сам он оставался таким же «родным», как прежде. Я почесал ему кожу в ушах и около глаз. Прищурясь, он тихо пощипывал мне пальцы. Мои ласки были ему явно по душе. Словом, Миаи нисколько не переменился. Ко мне.

У мамы его взгляд тоже вызвал оторопь, тогда я решил доказать ей, что он совсем ручной. Протянул руку и дал филину

подержать мощным клювом один палец. Мама робко последовала моему примеру — и с криком отдернула руку, не без труда вырвав из «клещей» окровавленный палец. Для Миаи только я был филином, он только меня признавал своим. Больше того, он запечатлел меня настолько, что в его представлении я олицетворял спутницу жизни! Это привело потом к немалым затруднениям. О них рассказано в книге «Совиные дебри», а здесь скажу только, что, как мы ни старались заставить Миаи и самку — бывшего «манного филина» — вывести птенцов под наблюдением исследователей, наши тщательно разработанные планы сорвались по несколько неожиданной причине: оба филина считали меня подходящим партнером! Необычный вариант любви втроем.

Миаи прожил у меня три года. Самка два года откладывала яйца, однако Миаи так и не познал радости отцовства в неволе. Дело в том, что сова, как и курица, может откладывать неоплодотворенные яйца. В конце концов я выпустил его на свободу, причем постарался выбрать место получше. Это была одна из гор центральной Швеции, здесь много лет гнездились филины, но затем старый самец невесть почему погиб. Выпустив Миаи, я потом нарочно не вызывал его. Во-первых, перед тем я понемногу отучал его от людей, во-вторых, услышав чье-то «уо», он мог решить, что здесь живет другой филин, и улететь.

Как сложилась его судьба? Точно не знаю, но могу заверить, что охотиться он умел. Через четыре года после нашей разлуки мне рассказали, что километрах в десяти от «моей» горы люди слышали уханье на редкость бесстрашного филина. Надеюсь, что это Миаи, и предвкушаю возможность осторожно подобраться к горе, но так, чтобы не помешать ее обитателям. Ведь после долгого перерыва на гору вернулись тролли! Мартовскими ночами звучит их жуткий дуэт, исполняется причудливый танец — часть брачного ритуала. Если не приключилось какой-либо беды, то сейчас, в мае, должны были появиться большеглазые троллики. Вот бы знать наверное, что папа-тролль — тот самый озорник, который некогда лежал на моем старом свитере и щипал меня за нос! А впрочем, кто бы ни был отцом семейства, желаю родителям и их малышам всяческого благополучия.

Дневные хищники

Моим главным, первейшим увлечением были и остаются совы и другие ночные животные. Все таинственное, неуловимое, для большинства неведомое сулит острые ощущения — пусть даже опосредованные, — которые нужны и мальчишке, и мужчине. Мой охотничий инстинкт не допускает стрельбы по живому, разряжается через кинокамеру (ее залпы могут, но не должны вызывать трагедии), но как ярко он вспыхивает, когда я вижу искусство четвероногого или пернатого охотника! Точнейшая настройка органов совы, согласованность зрения и слуха — это же чудо, но и молниеносный удар сапсана доставляет наслаждение ценителю скорости и точности. Много веков хищные птицы были для человека и ненавистным врагом, и возвышенным образом силы, власти, независимости. И если теперь в Европе снова вернулись к охоте с ястребами и другими хищниками, то виной тому, конечно, острота опосредованных ощущений. Сокол, ястреб олицетворяют самоутверждение владельца. Пернатый хищник — боец, бесстрашный и непобедимый; именно таким хотел бы быть его хозяин, чья повседневная жизнь предельно упорядочена, регламентирована и, увы, бесцветна.

Отряды сов и дневных хищников резко отличаются друг от друга, однако их часто смешивают по той простой причине, что когти этих птиц развились в орудие лова, а клювы схожи по виду и назначению. Совы, во всяком случае в Швеции, охотятся и днем[9] и ночью, а большинство из отряда хищных — дневные охотники, хотя в Южной Америке есть сокол, который ловит летучих мышей вечером и на рассвете, когда его жертвы тысячами покидают убежища или возвращаются домой. Вообще различий между совами и дневными хищными птицами столько, что об этом можно написать отдельную книгу.

Хищные… Да, для «животного-господина» это типично: обвинять животных, кормящихся добычей, которая и нам годится в пищу, в хищении — дескать, они крадут свой хлеб насущный у человека, а человек, об этом даже в библии сказано, есть мудрый страж установленного порядка… Но более нерадивого стража трудно придумать. Из животных, коих всевышний даровал Адаму и его потомкам, только за последние два столетия истреблено сорок четыре вида и сорок три подвида птиц,[10] не говоря о множестве других представителей фауны. Славно мы отблагодарили творца…

В грандиозном спектакле, что разыгрывается на нашей планете, человеку была уготована скромная роль, но он

переписал ее заново, пользуясь предметом своей гордости — высокоразвитым головным мозгом. И это, пожалуй, самая большая из катастроф, которые поражали жизнь на Земле. Если только человек вовремя не осознает свою ответственность и не станет достоин славного имени, коим сам себя величает: *sapiens,* разумный. Твоя и моя задача, читатель, — пробуждать сочувствие к сохранившимся представителям животного царства, свергнуть наш собственный вид с пьедестала, куда наши предки общими усилиями водрузили идола, искоренить прочий высокомерный вздор, которым вскружили себе голову прямоходящие приматы. Человек как вид существует два-три миллиона лет, а отряд хищные (птицы) — свыше двадцати пяти миллионов лет; уже этого, сдается мне, достаточно, чтобы мы поумерили спесь и перестали обвинять птиц в хищении. Это мы, новички на планете, занимаемся хищением, грабим другие виды. Расплодившись в огромном количестве на единственном небесном теле, пригодном для жизни нашего и других видов — было каких-нибудь два-три миллиона, стало столько же миллиардов, — мы теперь милостиво дозволяем некоторым животным существовать в устраивающем нас количестве. Услышим, что тот или иной вид временно спасен от истребления, — и совесть наша чиста, но разве этого достаточно! Пора уразуметь, тем более теперь, когда хрупкий побег охраны природы наконец-то пошел в рост, что ПРИРОДА ВСЕГДА СОЗИДАЛА ПОСРЕДСТВОМ ИЗОБИЛИЯ!

Только изобилие могло противостоять природным — катастрофическим и постепенным — перестройкам среды. Подавляющее большинство животных погибало или вынуждено было покинуть изменившуюся среду, но какие-то особи, отличные от других, могли остаться. Чем больше особей насчитывает вид, тем больше надежд па то, что жизнь уцелеет и выкристаллизуются новые формы. Разве не смехотворно, что человек с его жалкими масштабами времени берется перекраивать природу, которая до сих пор обходилась без таких медвежьих услуг. Пора научиться мыслить по меньшей мере столетиями, а еще лучше — тысячелетиями; тысячелетие — самый маленький кирпич, каким пользовалась природа, миллионы лет осуществляя акт творения. Надо, чтобы все виды и впредь жили в том количестве, которое для них определила сама природа и которое по сути не сокращалось от деятельности животных, именуемых нами хищными.

А как же быть с человеком, с его естественным охотничьим инстинктом, ведь человек тоже частица великого целого?

Да, тоже частица — на стадии собирательства и несколько позже. Пока особи нашего вида бродили разрозненными кучками

и черпали, как могли, из рога изобилия, вооруженные луком и стрелами, копьем или бумерангом, они были скорее позитивным фактором, в меру опасным для созидательной жизни. Когда же в борьбе против собственных сородичей человек взял в руки огнестрельное оружие, а затем обратил его и против остальных видов, он разом оказался самым опасным из всех животных, даже ягуар не стал бы опаснее, появись у него вдруг ядовитые железы под когтями.

Для меня всегда было очевидно, что животные, взаимодействующие в пределах того или иного ландшафта, должны быть избавлены от вмешательства прямоходящих, которые сперва стреляют, а потом думают, если думают вообще. Это касается всей нашей зеленой планеты. В борьбе за существование оружием бизонов Северной Америки была многочисленность, не говоря уже о миллионных стаях странствующего голубя. Но могучее млекопитающее живет теперь милостью человека, да и то нуждается в «искусственном дыхании», от многочисленного вида остались крохи. А миллионы, даже миллиарды странствующих голубей исчезли с лица Земли во второй половине прошлого века, и каждый из них был убит человеком. В наши дни совершается косвенное убийство, пусть не намеренное, но в еще более чудовищных масштабах и куда более опустошительное. Все материки под угрозой.

Нельзя покушаться на изобилие. Алый ибис и фламинго Южной Америки только за счет того, что мы называем изобилием, еще сохраняют свои позиции и существуют как виды. Точно так же в нашей стране надо оставить в покое тетерева и глухаря, защитить их прежде всего от охотников, которые во время узаконенного сезона ружьями с оптическим прицелом очищают березы от кормящихся почками тетеревов. А ведь была пора — о ней рассказывают старые охотники, — когда тетерева водились в изобилии, так пусть же их численность регулируется теми, кому сама природа это поручила: четвероногими и пернатыми хищниками, например ястребом-тетеревятником.

Кстати, тетеревятник исстари оказывался жертвой любителей «очищать» лес. Вполне естественно, если держаться прежнего взгляда на природу как на свой амбар, где есть место лишь тому, что годится в пищу. Сам я не охотник, но вполне понимаю тех, для кого охота — источник существования. Скажем, для индейцев Южной Америки охотиться естественно и необходимо, но в Швеции такая потребность отпала, и, во всяком случае, ничем не оправдана охота на мелкую дичь. Тем не менее традиционная ненависть к «ястребам» еще жива; правда, все больше людей наконец-то начинают признавать за этими птицами право на

существование. Я неспроста взял название в кавычки — ведь большинство парящих в небе хищных птиц считают «ястребами» и убивают как таковых, хотя биолог потом нередко узнает в «хищнике» осоеда, канюка или зимняка. То, что эти птицы теперь охраняются законом, вовсе не спасает их от гнева тех, кто оберегает не столько природу, сколько старые традиции.

Пронзительный, «дикий» взгляд филина подстегивал самозванных «охотоведов», и они убивали эту птицу, не щадя и птенцов (если гнездо помещалось на уступе, куда не взобраться, — скатывали сверху камни!). Точно так же яростно сверкающие глаза подстреленного или попавшего в силки тетеревятника давали охотнику повод считать, что, погасив искру жизни в этих глазах, он освободит мир от злобного и вредного существа.

«Дикий», «ручной» — в этих словах океан заблуждений, горы невежества. Каковы признаки «дикого» животного? В прошлом представление о животных наших лесов складывалось прежде всего на основе опыта охотников, поэтому образцом «дикости» стали животные, которых пугали, преследовали, травили. Типичное «дикое» животное — тетеревятник на снимке в этой книге, с его свирепым взглядом. Казалось бы, вот наглядный пример испепеляющей ненависти, которая владеет ястребами и другими хищниками, когда они покушаются на зайцев и лесных пичуг. Никто не может быть дальше от истины. Ярость, ненависть чужды животному, когда оно охотится. Недаром сказано: ярость ослепляет. Она только нарушила бы сложное взаимодействие зрения, слуха и других функций нервной системы, необходимое для поимки добычи. Да, птица на фотографии разъярена, но снимок сделан не из тайника по соседству с ее гнездом и не телеобъективом. Объектив нормальный, с насадкой, между фотоаппаратом и глазом птицы были не метры, а десятки сантиметров. Тетеревятник попался в сеть, его освободили, окольцевали и отпустили. Естественно, он был вне себя от страха и гнева, когда его крепко держал один из охотоведов опытной станции Буда.

Три года я в густом еловом бору снимал из укрытия гнездо тетеревятника на высоте двадцати с лишним метров. Камера работала бесшумно, я взбирался на дерево около трех часов ночи, самка не улетала и не издавала тревожных сигналов, а оставалась в гнезде или рядом с ним, поэтому я убежден, что наблюдал ястреба, так сказать, на стадии самой настоящей «дикости».

На рассвете появлялся с добычей самец, самка подлетала туда, где он садился, и вскоре возвращалась с кормом для пушистых мячиков — так выглядит ястреб в младенчестве.

Дальше начиналась идиллия. Трогательно было смотреть, как заботливая мамаша кормит малышей. Вы не увидели бы ничего похожего на взгляд того тетеревятника, что был извлечен из сети! А впрочем, один раз… В лесу послышался шорох и треск. Шум приближался. Мамаша спала на ветке, из-под полосатой пуховой юбки торчала, будто сжатый кулак, одна нога. Вдруг птица проснулась. Сонные поначалу глаза смотрели все более сердито. Глядя куда-то вниз, она приготовилась взлететь, и взгляд ее стал таким же недобрым, как у тетеревятника на снимке. Решив, что кто-то обнаружил гнездо и надумал выпустить по нему заряд-другой (в то время такие вещи были возможны), я и сам рассвирепел. Но тут с удивлением заметил, что «дикость» из глаз самки исчезла, уступив место любопытству. А затем разглядел то, что ястребиные глаза увидели раньше меня. Лосиху с телятами… Подойдя к моему дереву, они с явным интересом обнюхали место, где я стоял несколько часов назад.

Все хищные птицы, которых я наблюдал в их гнезде, были такими же кроткими, ничего похожего на трафаретную «дикость». Пернатый хищник во время охоты испытывает не больше дикой ярости, чем мухоловка или горихвостка, только добыча у него покрупнее.

Правда, со временем обстановка в гнезде тетеревятника накалилась. Когда птенцы оперились, им не всегда хватало дневного пайка, и по утрам, за завтраком они вели себя достаточно агрессивно, затевали драку из-за общипанной пичуги, которую мамаша теперь предусмотрительно бросала им сверху. Победитель сверкал глазами, разевал клюв, расправлял крылышки и всячески пугал сестер и братьев, так что они отступали на край и отворачивались от середины гнезда, где самый сильный и голодный принимался рвать клювом мясо. Это была настоящая агрессия, но агрессия внутривидовая, а более слабые птенцы демонстрировали покорность.

Позже мне довелось самому выкармливать тетеревятника — «диким» он становился только тогда, когда очень хотел есть и охранял полученный от меня кусок мяса.

Я наблюдал гнезда разных хищных птиц, и всего смирнее вели себя птенцы осоеда. Когда самка приносила кусок осиного гнезда (я снял три гнезда осоеда, и все они помещались в идиллической обстановке, на мохнатой ели поблизости от журчащего в пышном зеленом мху ручья), птенцы встречали ее лишь тихим писком.

Самка грациозно извлекала личинки и не спеша, не проявляя ни малейшей «дикости», кормила своих кротких, благовоспитанных малышей…

В один августовский день я получил от Карла-Фредрика Люндевалля в подарок почти взрослого осоеда. Птицу подобрали за несколько недель до того на мшистой лужайке в густом лесу и принесли в редакцию одной норрчёпингской газеты. Карл-Фредрик выкормил ее, а затем передал мне, с тем чтобы я весной выпустил осоеда на Каменном острове. Трудно представить себе более кроткое существо. Я кормил его и Стара II из рук мучными червями, и если уж кто вел себя агрессивно, так это был скворец! Осоед всю зиму прожил в моей комнате, и, устраиваясь на ночь или просто отдыхать, Стар всегда старался сесть поближе к нему. Я уже рассказывал, что скворцу нужна была близость глаза. Могучий клюв хищника был вполне способен оторвать ему голову, сильные лапы, которыми осоед разгребает землю, могли разорвать скворца с такой же легкостью, с какой они разрывают лягушек в дождливое лето, когда мало ос. Да только скворцы не входят в меню осоедов…

Из всех выкормленных мной хищных птиц у этого насекомоядного великана был самый мягкий, прямо-таки голубиный взгляд. Конечно, тут играют роль и особенности специализированного оперения вокруг глаз, отличающие осоеда от всех других шведских птиц. У тетеревятника, например, между глазами и клювом словно щетина торчит, тогда как лицевые части головы осоеда покрыты чешуевидными перышками, которые защищают кожу там, куда иначе могли бы вонзить жало разъяренные осы. Поистине природа целесообразна в своих проявлениях. А впрочем, всегда ли это так? Я вспоминаю случай, который как-то наблюдал у гнезда осоеда.

Самка принесла осиное гнездо с личинками и улетела, птенцы не спеша принялись за еду, и тут я увидел в телеобъектив, как летевшие за гнездом осы вытаскивают личинки и уносят! Поразительно! Неужели в программе, которая управляет нервной системой осы, предусмотрено и спасение личинок? Правда, осы уносили личинки к несуществующему гнезду, и все-таки… Нет, ситуация была гораздо сложнее — и гораздо нелепее, чем мне представилось поначалу. Ибо вскоре я рассмотрел, что осы не только тянули и дергали, они перекусывали те личинки, которые не могли выдернуть из гнезда!

Великолепно отлаженные механизмы в этом случае явно служили абсурду. Осы убивали собственные личинки, как любую другую добычу, чтобы знакомым путем отнести корм этим самым личинкам в гнездо — то гнездо, которое осоед разорил и принес своим птенцам! Замкнутый круг — и никакого смысла.

И так всегда тщательно отработанные природой, «целесообразные» генетические механизмы действуют только в

адекватных ситуациях. Я лишний раз убедился в этом, когда отпустил своего осоеда на волю. Я-то рассчитывал еще несколько недель наслаждаться его обществом, надеялся подсмотреть такое, что мало кто видел и уж наверное никто не фотографировал, а именно как осоед находит и выкапывает гнезда ос и шмелей. Но мой питомец, ручной из ручных, набрал высоту и скрылся из виду! Мне надо было подладиться под образ жизни этого вида, возможно, я и сумел бы проследить за поведением осоеда. Надо было устроить гнездо на дереве, на высоте десяти-пятнадцати метров, и выкормить там птенца, чтобы он привык к этой «столовой». Тогда он далеко не улетел бы и возвращался бы в гнездо каждый раз, когда самому не удавалось бы добыть достаточно пищи. Птенцы хищных птиц, когда голодны, обычно летят к гнезду, а не к родителям. Кричат — и корм доставляется на край гнезда, даже если они сидят рядом с ним. Так заведено и у шведского тетеревятника, и у огромной гарпии, грозы обезьян в тропических лесах Южной Америки. А вот сова летит на голос голодного птенца, откуда бы он ее ни звал. И если вам надо накормить ручного совенка, у которого еще не проснулся охотничий инстинкт, придется лезть к нему на ель или сосну. Совенок не слетит вниз, это не предусмотрено перфокартой его мозга, он совершает лишь короткие перелеты по горизонтали. Помню, как я стал в тупик, когда от отца, сиречь от меня, улетел целый выводок сычей-воробьев. Сидя высоко на соснах и елях, птенцы охотно откликались на мои сигналы, глядели на меня «умными» желтыми глазами, но их ни капли не тянуло слететь вниз. Близился вечер, голод давал себя знать все сильнее, и они все громче пищали. Тут я вдруг сообразил, что иду наперекор природе, пытаясь заманить их вниз, что это так же безнадежно, как плыть против водопада. Хочешь — не хочешь, надо выполнять роль сыча-воробья до конца. Лучше всего, запасшись полевками, взлететь вверх к своим питомцам — да только я еще не достиг таких высот в своем умении подражать птицам… В конце концов, сообразив, как мне следует поступить с точки зрения сычей, я полез на ель. Мой товарищ, который сопровождал меня, чуть не умер со смеху, глядя на сыча-переростка в сером свитере, восседающего на макушке дерева и имитирующего птичьи голоса. Однако способ оказался верным, один за другим сычата слетелись к насвистывающему отцу. И получили корм, который сулил им мой, то бишь сычий, сигнал.

А вот казавшиеся мне такими прочными узы дружбы с осоедом сразу порвались… Он исчез, и остается лишь надеяться, что он освоился на воле. Да и все остальные — тетеревятник, сыч-воробей, скопа, пустельга, канюк, зимняк, — очутившись на воле,

через некоторое время разлетались. Как и положено у пернатых, когда птенцы начинают охотиться сами и становятся независимыми.

Может быть, следовало кольцевать моих питомцев, чтобы знать об их дальнейшей судьбе, а впрочем… Лучше верить, что все в порядке, чем услышать горькую истину. Вдруг какой-нибудь французский любитель палить из ружья застрелил осоеда, вдруг тетеревятника умертвили, вытащив из сети на птицеферме. Прямые и косвенные улики и даже смутные предположения, что кто-то из моих воспитанников благополучно здравствует, доставляют мне эгоистическую радость. Интересно, что даже сейчас, в эту минуту, мой запас косвенных улик пополняется. Предыдущие главы писались в самых разных местах — на Тринидаде, Бонайре, в венесуэльских льяносах, избушке в Даларна, на Каменном острове в Сёрм-ланде. Как уже говорилось, возле избушки раздавались крики мохноногого сыча — несомненно, «моего» сыча, а однажды вечером я снова услышал, как под полом возятся барсучата. Услышал и призадумался — то ли у моей приемной «дочери» новый выводок (а это значит, что прошлогодний не выжил — или же ошибаются те, кто считает, что барсучихи рожают через год), то ли я уже не «дедушка», а «прадедушка»!

Сегодня здесь, на острове, рябинники и сизые чайки вдруг переполошились — значит, появился какой-то хищник. Вообще-то на этой неделе я не раз слышал их крики, но не придавал им большого значения. А нынче тихо вышел на двор — и увидел на крыше канюка! На том месте, где несколько лет назад любил сидеть один из моих канюков, прежде чем он осенью отправился на юг. Не та ли самая птица? Ведь вряд ли можно считать обычным явлением, когда канюк на каменистом островке садится не на сосну, а на крышу дома. Интересно было бы знать — но не менее интересно надеяться, что это мой питомец.

Благодаря ручному канюку я смог запечатлеть на пленку одну из драм природы, ту самую, которая дала виду его шведское название (урмврок — змееяд). Правда, обычная его добыча — полевки, а когда на полевок неурожай, он не брезгует и птенцами, недаром рябинники сегодня так шумели. Но куда интереснее то, что канюк сражается с врагом Адама и Евы. И побеждает.

Я отснял множество кадров, как мой канюк расправляется с гадюкой. Предложил их газете, но меня подвело то, что канюк был ручной. Теперь вы можете увидеть снимки в этой книге. Сам я ни разу не видел дикого канюка, сражающегося со змеей, и скажу спасибо, если кто-нибудь напишет мне про такой случай. Но виденные за много лет примеры того, как совпадает поведение

диких и ручных животных, особенно птиц, убеждают меня, что приемы моего канюка ничем не отличаются от приемов его сородичей, никогда не общавшихся с человеком. Кстати, мысль о том, чтобы запечатлеть на пленке схватку дикого канюка с гадюкой, граничит, как мне кажется, с утопией.

Гадюка ядовита, и у канюка нет иммунитета против ее яда. Он должен быть осторожен, должен при виде змеи действовать по твердой инстинктивной схеме. Диковинного в этом не больше, чем в том, что лиса — я писал об этом выше — действует по определенной схеме, расправляясь с ядовитой рептилией, не больше, чем в реакции человека или обезьяны, когда они инстинктивно пугаются и сторонятся всяких извивающихся тварей, будь то гадюки, или неядовитые змеи, или даже ящерицы.

Если бы не ядовитое оружие гадюки, она была бы легкой добычей для плотоядных. Полевка, например, мелькнула между кочками — и нет ее, а змея, как говорится, сама себя подает на блюдечке. Ее привлекают хорошо освещенные, подчас совсем лишенные растительности места, где она доступна теплым лучам солнца. А так же канюку. Среди хищных птиц немало специалистов по змеям: секретарь в Африке, змееяд в Испании и других странах, краснохвостый канюк в Северной Америке. В нашей стране никто не оспаривает у канюка изысканное блюдо «гадюка». Осоед чересчур медлителен, к тому же у него есть свое любимое сытное кушанье — личинки шмелей и ос. Тетеревятник и сыч избегают открытых мест. Соколы предпочитают бить птиц в полете; исключение — пустельга, но она мала для поединка со змеей, а орлы — велики. Зимняк обитает в местах, где гадюка — редкость. Лунь и коршун могли бы справиться со змеей, но и они специализировались на другой пище.

Остается один потребитель — канюк. В солнечные дни на его обширной территории дремлет немало упитанных гадюк. У нас на острове, на лугу величиной с полтора футбольных поля, я в эти дни видел три роскошных экземпляра длиной от шестидесяти до семидесяти сантиметров. Лакомый кусочек для канюка, недаром в Северной Америке двуногие гурманы высоко ценят родственника гадюки — гремучника. Очевидно, извивающаяся протеиновая колбаска играет важную роль в рационе канюка, и вполне естественно, что у представителей этого вида выработалась особая техника атаки. Теория, так сказать, заложена в генах, а практика — дело наживное… Первая встреча молодого канюка с гадюкой может оказаться для него и последней; яда гадюки достанет на то, чтобы умертвить гораздо больше живой плоти, чем наберется в птице весом с килограмм. Опытный канюк, возможно, расправляется со змеей быстрее, чем это вышло

у моего юнца. Может быть, канюк постарше в первый же миг вонзает коготь в роковую для змеи точку чуть позади головы — ив каких-нибудь нескольких сантиметрах от двух острых, как шило, ядовитых зубов. Промедление тут недопустимо… Конечно, молодой канюк не знает, что змея опасна, и все же наступательный порыв тормозится инстинктивным предупреждением, птица колеблется, она словно на качелях, где друг друга уравновешивают два могучих инстинкта: инстинкт самосохранения и стремление убить, чтобы насытиться.

С расправленными крыльями канюк приземляется перед гадюкой и замирает, пока застигнутая врасплох змея быстро свертывается кольцом — угрожающая поза, при которой голова ее уподобляется катапульте, способной молниеносно метнуться вперед. Голова канюка откинута назад, кажется, он приготовился не столько нападать, сколько защищаться. Неуверенный шаг вперед — и крылья тоже подаются вперед. Они призваны отвлекать змею — как бык нацеливается не на человека, а на мулету, так и широкие крылья птицы сбивают с толку змею. Шаг за шагом канюк приближается… Гадюка напружинивает мышцы, живую катапульту с ядовитым гарпуном… Выстрел! Канюка будто взрывом подбрасывает в воздух, укус пришелся либо на воздух, либо на маховые перья. А канюк уже действует более уверенно, он начинает улавливать суть, понимать, что велят ему гены. Снова шаг, другой, третий… Но на этот раз, когда голова змеи выбрасывается вперед, канюк не только подскакивает вверх, его острые когти мгновенно ударяют по змеиным кольцам. Гадюка шипит, яростно извивается, но рана не страшная, можно продолжать борьбу. Между тем канюк разобрался, что к чему, он опять наступает со своей мулетой: вызвал выпад змеиной головы, ответил ударом когтей и тут же отскочил на безопасное расстояние. Гадюка быстра, как стрела, но канюк уже сообразил, в чем ее слабость — надо использовать промежутки между выпадами. Все лучше координирует он свои движения, все точнее становятся контратаки. Канюк усиленно дышит открытым клювом, все действия его целеустремленны, глаза следят за метнувшейся вперед змеиной головой, и вот… Коготь поражает заветную точку и не отпускает. Змея извивается, напрягается, едва не опрокидывает противника, но канюк держит ее мертвой хваткой. Клюв бьет по кольцам, царапает, рвет. Гадюка обезглавлена, но силы еще не покинули змеиное тело, оно корчится, хлещет врага. Напрасно, битва кончена. Голова канюка ходит вверх-вниз, он уже кусок за куском поедает медленно извивающиеся, трепещущие останки. Замкнулось еще одно звено во всеобъемлющей пищевой цепи, один организм снабжает

«горючим» другой, и ничего особенного тут нет, переплавка идет уже миллиарды лет, и описанный случай повторяется в солнечные летние дни всюду, где водятся змеи и над лугами парят канюки…

Карликовая ласка Онгстрём и хорек Исабелла

Я всегда был неравнодушен к семейству куньих. Меня восхищает их бойкость, любопытство, ловкость и необузданный нрав. Правда, барсук не такой, совсем не такой — хотя его и относят к куньим, он явно представляет боковую ветвь, он словно товарный вагон среди быстрых локомотивов.

Я уже говорил про гостивших у меня двух горностаев, один был совсем дикий и злой, другой — удивительно ручной. Первый забрел в крысоловку, это его голос Стар мгновенно научился имитировать. Белоснежная шубка, черные бусинки глаз, черный кончик хвоста — чудо как хорош! Хотя он так и не стал ручным, но чувствовал себя превосходно — довольно редкий случай, большинство мелких куньих погибает вскоре после поимки, и дальше я попробую объяснить — почему.

Чтобы мой зверек быстрее освоился, я слепил из глины подобие подземных ходов. Ходы примыкали к стеклянной стенке террариума, а стекло было завешено материей, это позволяло мне поднять «занавес» и проверить, как себя чувствует мой жилец. Горностай быстро привык, и его ничуть не трогало, что я заглядываю в его столовую. Еще в террариуме была каменная горка и свежий мох. Не ахти какой простор, и содержать террариум в чистоте было бы трудно, если бы не присущий всем куньим инстинкт — испражняться в одном месте, притом подальше от спальни. Испражнения всегда лежали в одном и том же углу; я поставил туда стеклянную банку и мог производить уборку, не тревожа горностая.

До чего же интересно было наблюдать, как белоснежный зверек на моих глазах в несколько дней сменил зимнюю шубку на летнее платье! Сначала мордочка пошла пятнами. На второй день появилась темная полоска вдоль позвоночника, после этого белизна с каждым днем будто стекала вниз, и под конец только горло, грудь и живот остались светлыми.

Дичок, понятно, был вполне самостоятельным, и как только его выпустили на волю, он исчез и больше не показывался. А вот ручной горностай Герман Мелин долго после освобождения сохранял доверие ко мне. Глядишь — бежит по камням и кустикам! Взберется мне на плечо и замрет.

Через несколько лет после того, как оба горностая возвратились в естественную среду, я навестил в Норрланде препаратора, при посредничестве которого однажды получил

выводок мохноногих сычей. Он рассказал мне, что попал в затруднительное положение: один мальчуган принес ласку и попросил сделать красивое чучело для каминной доски, а ласка-то была живая! Как видите, эта странная форма любви к природе еще процветает в нашей стране… Препаратор не сомневался, что деньги доставят мальчику не меньше удовольствия, чем препарированный зверек.

Мне отвратителен безнадежно устаревший метод, когда в преподавании используют чучела животных. Видеть чучело барсука или рыси для меня почти так же тягостно, как если бы выставили чучело человека. Так что сделка быстро состоялась, и я получил деревянный ящик с травой и мхом, где мелькало что-то буровато-коричневое, сердито шипя и посылая моему обонянию остро пахнущие сигналы — обычная реакция куньих, когда они возбуждены.

Дома я рассмотрел свое приобретение и ахнул. Это была не простая ласка, а карликовая! Чрезвычайно редкое животное, если верить книгам, и поистине карлик: длина тела самца не превышает 170–195 миллиметров, самочки — 130–170 миллиметров!.[11]

Такой крохе, самому маленькому в мире представителю отряда хищных, следовало придумать соответствующее имя. Я прозвал зверушку Онгстрём (мера длины, одна стомиллионная миллиметра). И поселил ее в террариуме, обставленном камнями и мхом примерно в том же духе, что и обитель моего дикого горностая.

Мне кажется, многие пойманные ласки быстро погибают потому, что «сгорают» от перепроизводства адреналина. Сделайте для них убежище, где можно укрыться от посторонних глаз, как я делал для своих питомцев, — они будут чувствовать себя спокойнее, расход адреналина сократится, и пленник выживет. Неосновательная догадка? Возможно, хотя есть данные в ее пользу. И одно из таких данных — гибель моей нежной ласочки.

Она прожила у меня три года, хотя поначалу я не собирался долго держать ее в неволе. И показала себя великолепным охотником, при таких размерах ей ничего не стоило проникать в ходы полевок. Хотя она несла смерть, я не мог без смеха смотреть на ее маневры. Только юркнула в нору — уже выскакивает из другого хода, можно подумать, что не одна ласка орудует, а две или три. И такое же впечатление создается у вас, когда негодующая ласка с опаской и любопытством поглядывает на странного двуногого великана, которому вздумалось остановиться около ее обители. Так и кажется, что камни кишат ласками.

Когда моя ласочка ныряла в нору, стремительный поиск быстро увенчивался успехом, и она выскакивала с полевкой в зубах. Если есть еще что ловить, подзаправится глотком крови или куском мяса, тут же снова исчезнет и быстрее, чем я написал это предложение, возвращается с новой жертвой. Как сыч-воробей запасает в дуплах полевок и мелких пичуг, как белка собирает орехи и желуди на черный день, так ласки — и не только ласки, все куньи — обычно пользуются изобилием, чтобы хорошенько отъесться. Неверно приписывать ласке кровожадность и страсть убивать. Естественный охотничий инстинкт Онгстрёма помогал мне легко заполучить его обратно после очередной вылазки в лес. Поставишь крысоловку с приманкой в виде мыши — «ангел смерти» в несколько секунд обнаруживает ее, и дверца захлопывается. Умерщвление добычи происходило мгновенно. Острые зубы грызуна опасны для такого крохотного охотника, поэтому техника лова отличается беспощадной точностью. Укус — всегда один, второго уже не надо — поражает шейные позвонки и спинной мозг. Да так стремительно, что рядом с лаской любое животное — увалень. После такой сверхэффективной машины из плоти и крови, как Онгстрём, даже колибри кажется мне медлительным. И как ни парадоксально, интенсивность жизненных процессов ласки, точнее ее способность ускорять их ритм, погубила зверька.

Когда нам приходится работать с непривычной быстротой, когда ситуация требует от нас чрезвычайной скорости и остроты реакции, надпочечники в большом количестве производят адреналин — гормон, стимулирующий жизнедеятельность организма. Этот механизм призван в минуту серьезной опасности мобилизовать все ресурсы, прибавить нам силы и скорости, он как бы открывает «дроссельную заслонку». Понятно, такой уровень горения не может поддерживаться долго без вреда для организма. Случаи стресса, когда сжимаются сердце и сосуды, когда внезапно отказывают легкие и другие важные звенья в системе кислородного обмена, вызываются ненормальной выработкой адреналина. Длительное нервное напряжение, частые потрясения, недостаток отдыха и покоя подстегивают производство адреналина, соответствующие клетки и железы непомерно увеличиваются. Сходный пример — чрезмерно расширенное сердце перетренированного бегуна.

У ласки адреналиновый механизм работает в высшей степени активно — от этого зависит быстрота ее нервно-мышечных реакций во время охоты. Ласка должна вдвое превосходить свою жертву в скорости. И если выработка адреналина при длительном стрессе опасна для человека, то и способность ласки производить

адреналин сопряжена с физической опасностью. Моя ласка, несомненно погибла в результате шока, когда от адреналина организм перегорел и угас.[12]

Подробно сняв, как она охотится, я выбрал место поблизости от Дала-Флуда, где водятся полевки, и выпустил Онгстрёма в обетованном для ласок краю. Выпустил, как мне казалось, навсегда. А вернувшись домой, поймал себя на том, что тоскую по крохотному зверьку. Хотя ласка отнюдь не стала у меня ручной, она чувствовала себя в террариуме совсем неплохо… Чем больше я об этом думал, тем сильнее ругал себя. Надежда, что она найдет себе пару и даст потомство, практически равна нулю, зато, охотясь за полевками, она вполне может нарваться на горностая. А тогда Онгстрёму крышка. Лучше уж попробую вернуть его домой, быть может, со временем удастся добыть и госпожу Онгстрём… Я нашел ловушку и вечером поставил ее с приманкой в том самом месте, где неделей раньше Онгстрём молнией скрылся в кустах. На следующее утро он уже сидел в ловушке и уписывал добычу.

Итак, Онгстрём остался со мной. Террариум стоял на моем столе в кабинете зоологического факультета, и я мог каждый день проверять, как дела у моей зверушки, а она отвечала мне таким же пытливым взглядом.

Перед тем как продолжать повесть о печальной кончине Онгстрёма, скажу еще об одной важной особенности куньих — о пахучих (вернее было бы сказать — вонючих) сигналах. Когда застигнешь врасплох куницу в ее убежище, спугнешь хорька или другого представителя куньих, ощущаешь вдруг очень резкий запах. Это расположенные у анального отверстия железы посылают сигнал. Я нарочно пишу «сигнал», так как уверен, что речь идет об известии, адресованном сородичам.[13] И надо сказать, химический сигнал себя оправдывает. Представим себе, что несколько ласок охотятся на полевок под землей. От звукового сигнала, даже если он дойдет до адресата, мало проку — поди определи, с какого места он подан. А химический сигнал, запах, достаточно стоек, и чем ближе к месту, где было выделено пахучее вещество, — скажем, возле гадюки, которая напугала ласку, — тем он отчетливее.

Не случайно нам запах кажется одинаковым независимо от того, кому принадлежит сигнал — хорьку, кунице, росомахе, горностаю или ласке. Речь идет о функции достаточно важной, чтобы она оставалась неизменной при развитии разных родов из общего корня. Можно назвать немало химических составов, которые не изменились за миллионы лет, например процент соли в крови млекопитающих, включая человека. Это дает мне повод

предполагать, что химический сигнал одного представителя куньих должен влиять на других. Об этом говорит и поведение моей ласки в последние минуты ее жизни.

Пахучее вещество воздействует на чувствительные клетки обонятельного эпителия, сигнал идет по нервным каналам в надпочечники, а они тотчас выделяют в кровеносные пути адреналин, подстегивающий весь организм. Длинная, но быстро работающая химическая и электрохимическая цепь.

И вот однажды, когда Онгстрём лежал в камнях в своем террариуме, его настигла мощная волна активатора.

Я только что получил двух детенышей росомахи, самца и самочку, о которых еще расскажу дальше. Они ничуть меня не боялись, и я мог спокойно носить их с собой. В тот день я сперва выпустил их на временно свободном от сов чердаке зоологического факультета, они там побегали, поиграли, повеселились, потом я отнес их в кабинет, где находилась ласка. Никакой реакции не последовало, ласка крепко спала — всякое активное существо нуждается в отдыхе, о чем не худо помнить и нам, живущим в обществе, где нас на каждом шагу подстерегают стрессы.

Я опять поднялся с росомахами на чердак, но примерно через час вернулся в кабинет; ласка по-прежнему мирно спала. Самочка росомахи не пожелала уходить с чердака, и на этот раз я принес только самца. А он без сестры почему-то вдруг оробел, о чем мне тотчас сообщили мои ноздри. Надо сказать, что росомаха — самый крупный представитель семейства куньих и при испуге выделяет изрядное количество пахучих веществ.

Пройдя мимо стола с террариумом, я сел на стул за шкафом, в котором хранились мои магнитоленты, так что ласка — это очень важно! — не могла меня видеть. Я погладил росомаху, она успокоилась, но тут до меня донеслись пронзительные тревожные крики карликовой ласки. Я встал посмотреть, в чем дело — зверек метался по террариуму, сердито подскакивая вверх, к проволочной сетке, через которую сочился тревожный запах. Я еще никогда не видел, чтобы моя ласка так себя вела. С полминуты она кружила на месте, потом вдруг замертво упала на мох. Умерла — такой же мгновенной смертью, как и ее жертвы, только бескровной. И я ни минуты не сомневаюсь, что сильнейший химический сигнал росомахи подстегнул гормональную систему ласки, и погибла она от чрезмерной дозы адреналина.

Замечу, что адреналин стимулирует организм не только в агрессивных ситуациях. Говорят ведь «сердце горит любовью» — в этом романтическом выражении немало истины. Когда

начинаются процессы, цель которых — продолжение рода, в них участвует много разных гормонов, и, конечна, в их число входит адреналин. При этом у куньих активируются и совсем другие железы, в чем я и мои многострадальные родные смогли убедиться после того, как я принес домой ручного хорька по кличке Исабелла.

Как и большинство куньих, Исабелла могла, что называется, с места включить невероятную скорость. Любила носиться по квартире в погоне за воображаемой добычей, пользуясь лазейками, о которых мы и не подозревали. В разгар гонки на ее пути мог оказаться рукав пиджака или шерстяного свитера, и, подчиняясь охотничьему инстинкту, она тотчас ныряла в «ход», напоминающий норку грызуна. Случалось, свитер был на мне, однако это не смущало Исабеллу. Секунда — и она; вынырнув где-то около воротника, уже легонько хватает меня зубами за ухо, еще секунда — проскользнула через второй рукав и цапнула за палец. Когда я сидел за письменным столом, игра нередко заканчивалась в моем правом рукаве; движения пишущей руки явно убаюкивали зверька, и он быстро засыпал.

Исабелла была уже совсем ручной, когда попала ко мне, и ни разу не услаждала мое обоняние химическими сигналами, которыми меня развлекали другие куньи. Напротив, от нее пахло очень приятно. Так же, как лис, барсуков и прочих мастеров на запахи, я мыл ее шампунем, и она ничуть не противилась.

Как раз в это время мой знакомый препаратор Макс Вильборг приобрел хорька мужского пола, и нам пришла в голову отличная (?) мысль помочь молодым познать восторги любви; глядишь, появятся на свет еще Исабеллы и Исидоры. Самочка, только что после ванны, была чудо как хороша в своей блестящей шубке; недаром в ее рацион входили сырые яйца. Как и следовало ожидать, Ромео был совершенно очарован. Мы выпустили их в моей комнате; дверь, слава богу, плотно закрывалась. Ромео сразу воспылал любовью, сердце его (адреналин!), несомненно, билось часто-часто. Его призыв, надо думать, без труда был понят дамой: пусть это был не язык цветов, но во всяком случае язык ароматов, запахов, вони — выбирайте любое выражение, какое соответствует вашему вкусу и остроте обоняния. На Исабеллу обрушился град отборнейших хорьковых сигналов. В квартире распространилась несносная вонь, а тут еще Исабелла решила ответить кавалеру тем же. Какой там шампунь! Я уже говорил, что Макс работал препаратором, причем его специальностью было очищать вываркой черепа от гниющего мяса. Словом, в его закалке не приходилось сомневаться, и когда не только мое, но и его лицо приняло зеленоватый оттенок, я понял, что для любви

хорей более всего подходят открытые просторы, да еще с хорошим ветром.

Короче говоря, хотя песня любви была нами прервана через полчаса, в комнату еще неделю нельзя было войти.

Педро, орел с Епископовой горы

Однажды из Испании пришло письмо, подписанное Максом Вильборгом. Макс сообщал, что в одном месте ему предложили купить для коллекции беркута, он подумал, что речь идет о чучеле, и с удивлением увидел великолепную живую птицу! Хозяевам надоело возиться с беркутом, надоело тратиться на него, и они цинично решили зашибить деньгу на его смерти. С какой стати они вообще взялись выкормить орла, Максу не рассказали. Естественно, ему не хотелось покупать беркута только затем, чтобы чучело украсило зоологический кабинет одной из шведских школ. Может быть, я возьму птицу? Как всегда в таких критических ситуациях, я поспешил ответить «да», не задумываясь о предстоящих трудностях. Одно дело держать в городской квартире скворца, осоеда, у меня даже гостил ручной филин, но взрослый беркут… Как бы то ни было, я перевел деньги, птица была куплена и недели через две отправлена в Стокгольм.

Когда пришло время забирать сего испанского гранда в аэропорту, я одолжил микроавтобус, чтобы было куда поставить объемистую клетку. Подъехав к отделу выдачи багажа, спросил служащего, не надо ли ему помочь.

— Какая там помощь, — ответил он и поднял с полу ящик. — Получайте свою птичку.

У меня отвалилась челюсть. Совсем маленький ящик, всего 30 Х 30 Х 60 сантиметров! Канюка еще можно втиснуть, и то с великим трудом. Тут что-то не так, ошибка какая-то… Я заглянул через щелку внутрь и различил в полумраке строгий глаз и мощный клюв. Хищник… Но разве может беркут поместиться в таком ящике?

Выпускать сейчас узника только для того, чтобы пересадить его в другую тару, было бы жестоко, и я помчался в Мальмчёпинг. Там, на окраине города, гостя ждала огромная клетка, которую построил мой друг Таге Вальберг. Таге не только превосходный наблюдатель, он делает зарисовки птиц, и теперь ему представилась возможность поработать с моделью, какую не часто увидишь у нас в стране, тем более в Сёрмланде. Сам я рассчитывал поснимать беркута на воле в тех районах Даларна, где работал над фильмом «Дикие дебри». Дело было в сентябре, и как раз в сентябре — октябре беркуты летят на юг над центральной Швецией, но сразу выпускать привычного к теплым ветрам «испанца» в краю, где уже начало подмораживать, конечно, было немыслимо. Сперва надо убедиться, умеет ли он

охотиться, как переносит холод и достаточно ли крепок для вольной жизни.

Никогда еще дорога до Мальмчёпинга не казалась мне такой долгой; наконец мы доехали. Я выломал доску из ящика и увидел жуткое зрелище. Длина беркута от клюва до конца хвостовых перьев — около девяноста пяти сантиметров. Передо мной и впрямь был беркут, но бедняге подогнули хвост и втиснули его в шестидесятисантиметровый ящик! Я поспешил сорвать крышку. Долго ком перьев оставался неподвижным, потом ящик качнулся, орел поднялся и вскочил на край. Словно джинн из лампы Аладдина, из маленького ящика явилась огромнейшая птица — она казалась особенно большой из-за того, что взъерошила оперение. Во всем мире пернатых не увидишь более внушительной позы: голова и грудь откинуты назад, крылья расправлены, глаза мечут молнии… Сразу понимаешь, почему орла принято считать символом неодолимой силы.

Всем, кому приходится обращаться с орлами, советую быть начеку, когда птица принимает вот такую оборонительную позу. Подойдешь слишком близко — в тебя молниеносно, с невероятной силой вопьются длинные острые когти, причем выпаду предшествует поза, которая среди орлов воспринимается как знак того, что чаша терпения переполнилась, жди возмездия, а человеку может показаться изъявлением покорности: красиво изгибая шею, птица наклоняет голову вперед. Если вы промешкаете, вас мгновенно поразят мощные когти одной, а то и обеих ног!

Однако дон Педро, или просто Педро, как я назвал гостя из Испании, вел себя очень кротко, и уже через час я кормил его из рук. Затем мы с Таге совместными усилиями сняли с лапы беркута крепкий кожаный ремешок. К ремешку была прикреплена проволочная петля — очевидно, Педро держали на привязи.

Таге ухаживал за орлом, как нянька. Кормил, чистил, разговаривал с ним, создавая атмосферу спокойствия и контакта, без чего животное в любом, даже самом образцовом зоопарке чувствует себя скорее узником, чем гостем. Я в это время разъезжал по стране со своими первыми фильмами о природе, зарабатывал деньги, чтобы было на что снимать «Дикие дебри», и при всем желании не мог налаживать дружбу с Педро.

В итоге он ко всем, кроме Таге, относился довольно сдержанно. Когда я навещал Педро, у меня всегда был припасен для него большой кусок мяса, двигался я неторопливо и всегда что-то тихо приговаривал. Но как ни старался я успокоить Педро, весь вид его красноречиво говорил, что я нежеланный гость. Он никак не хотел меня признавать. Взяв мясо, орел неизменно

принимал ту самую, замечательно красивую, но отнюдь не дружелюбную «геральдическую» позу, которую мы наблюдали, когда он вышел из деревянной темницы. Глаза у него были холодные, как у кобры, и я чувствовал, что приручить его мне будет не просто. Да и надо ли стремиться к этому? Чем дальше от людей он будет держаться, очутившись на воле, тем лучше.

А однажды произошло событие, после которого беркут много дней смотрел на меня с лютой ненавистью и надолго сохранил недоверие ко мне. Я не мог понять, в чем дело, и только случай помог мне догадаться, что вызвало бурю эмоций, преобразившую нашего Педро.

В тот день я пришел с фотоаппаратом, намереваясь поснимать Педро. И только начал готовить аппарат, как беркут уже встревожился. Когда же я испытал фотовспышку возле клетки, он громко, пронзительно закричал — получилось что-то вроде заунывного «клюээээ», издаваемого желной. Продолжая кричать, беркут метался между перекладинами и дергал их когтями так, что вся клетка сотрясалась. Перекладины, похожие на балки, помещались на разной высоте, это позволяло Педро в несколько приемов подниматься к потолку, до которого от земли было метров пять. Хоть какое-то упражнение для крыльев, ведь как ни просторна была клетка, а все же тесновато для настоящего полета. Первая перекладина была укреплена на высоте примерно ста восьмидесяти сантиметров.

Я открыл дверь — Педро еще больше разъярился. Мясо его не интересовало, он жаждал вонзить когти в нечто другое… Я понял это только после того, как беркут спикировал на меня. К счастью, он промахнулся. Я попытался умиротворяюще с ним заговорить, но его крики звучали все так же сердито. Атаки повторялись снова и снова, наконец Педро занял исходную позицию на нижней перекладине как раз надо мной, норовя прыгнуть мне на спину, но я заблаговременно отошел в сторону. Между криками до меня доносилось напряженное дыхание беркута, он был вне себя от ярости. Видя, что Педро не уймется, пока атака не увенчается успехом или пока я не скроюсь с его глаз, я в конце концов сдался. Вряд ли мне поздоровится, если восемь орлиных когтей вопьются в лицо и шею! И не дожидаясь такого исхода, я отступил. Педро провожал меня до самой двери, расправив крылья и яростно царапая когтями перекладину, я едва успевал увертываться от его выпадов.

С тех пор он всегда встречал мое появление криком, хотя и не таким злобным, как в первый раз, когда я пришел с камерой. Странное поведение Педро меня огорчало, я даже готов был обидеться.

Прошел не один год, прежде чем выяснилась причина его гнева. Мы сидели дома перед телевизором, смотрели фильм про испанского мальчугана и про орла, которые после всяких злоключений стали добрыми друзьями. Большую часть этой трогательной истории я забыл, потому что вдруг сорвался с места и подбежал к экрану.

— Это же Педро! Посмотрите на ремешок! Цевка была схвачена тем самым кожаным ремешком с проволочной петлей, от которого мы освободили Педро в день его прибытия, а за кольцо привязана длинная веревка. Фильм изобиловал отвратительными эпизодами — птицу таскали за веревку туда и сюда, происходили «отчаянные» схватки, призванные пробудить в зрителе сочувствие к пленнику. Как я ему сочувствовал! Того, что нам показали, было вполне достаточно, чтобы внушить орлу ненависть к людям, заставлявшим его «играть». Представляю, какой мукой были для него неизбежные при таких съемках дубли… Вот и ответ на загадку. Педро, а это, конечно, был он, не мог забыть, как с ним обращались в этом — да и только ли в этом! — случае. Вид моего фотоаппарата напомнил ему все, что он перенес по милости бесцеремонных киношников, и ярость пробудилась снова. Не удивительно, что беркут, ожидая повторения прежних пыток, решил дать отпор.

Когда я увидел этот телефильм, Педро давно был выпущен на волю. Знай я о психологических проблемах беркута, о фиксации на пережитом, возможно, я не решился бы отпустить его на свободу. Встретит какого-нибудь любителя природы с камерой — чего доброго, опять рассвирепеет…

Орел мог бы быть куда опаснее для человека, чем это есть на самом деле. Длиннохвостая неясыть, не говоря уже о бородатой, страшно агрессивна около своего гнезда; защищая птенцов, она способна прямой атакой сбить с ног человека. Чеглок дает отпор людям, занимающимся кольцеванием, а вот беркут — осторожное, миролюбивое существо, даже не защищает гнездо от человека. Хотя с такими когтями он вполне мог бы нагнать страх на любителя красть яйца. Киргизы исстари используют обученных беркутов для охоты на… волка! Может показаться невероятным, что птица весом около пяти килограммов способна умертвить взрослого волка, но после того, как под холодным небом Лапландии на моих глазах двухкилограммовая белая сова в пике опрокинула здоровенного пса, я верю, что такая охота возможна. Говорят, беркута приучают брать мясо из глазниц волчьего чучела. И когда могучая птица, с лёта обрушиваясь на преследуемого охотником волка, впивается ему в глаза когтями, серый уже не способен сражаться — хорошо, если протянет

несколько секунд.[14] Перед нами пример поведения, «усовершенствованного» дрессировкой. Вряд ли дикий орел сам нападает на волка, а вот с лисой он вроде бы справляется. Правда, точных сведений, как он это делает, я не встречал.

После первой зимовки, когда Педро узнал, что такое шведский морозец, стало ясно, что наш климат ему не страшен. Значит, в этом смысле он готов к самостоятельной жизни… С приемами охоты он как будто тоже был знаком: ранним летом, когда около клетки Педро очутился лисенок, один из питомцев Таге, беркут бросился в атаку и, несмотря на сетку, чуть не схватил беднягу. Итак, я отвез орла в Даларна и выпустил его недалеко от Вансбру, на участке, который рекомендовал один из моих друзей в Дала-Ярна — Эрик Гёте. Не успел наш богатырь набрать высоту, как на него напала пара воронов. Представьте себе, сердитые черные крикуны тут же заставили Педро сесть! Когда мы подошли к нему, он выглядел совсем обессиленным. Видно, здесь нельзя отпускать его на волю… Я набросил на Педро одеяло, поднял его и почувствовал, что он почти ничего не весит. Да он просто-напросто отощал! У пернатых по виду этого не заметишь. Зима явно сказалась. Хотя мы не скупились на мясо, Педро был слишком хилым, чтобы сейчас предоставлять его самому себе.

Я пошел в Дала-Флуда к лесничему Гюннару Интрицу — он давно выступал за охрану природы, особенно рьяно защищал сов и дневных хищников — и смастерил клетку у него во дворе.

За лето Педро отъелся, и осенью я заключил, что уж теперь-то можно его выпускать. Мы отправились к Епископовой горе, я хорошо знал эти места, знал, что там много подходящей для орла добычи — зайцев. С нами был фотограф Гюннар Линд из Лександа. Специалист по съемке хищных птиц, он очень помог мне в работе над «Дикими дебрями», я много дней провел в устроенных им тайниках рядом с гнездами пернатых хищников.

Мы задумали снять беркута за едой. На удобной площадке с красивым фоном из пожелтевших деревьев положили убитого зайца. Инсценировка, но верно передающая то, что на самом деле происходит в наших лесах. Это было задолго до того, как специалисты по съемкам природы создали свою организацию и решительно ополчились против фотографирования ручных животных. Беркут тотчас вонзил когти в зайца, и мы сделали задуманные снимки; кроме того, я запечатлел на 16-миллиметровой пленке описанное выше поведение: величественная осанка, свирепый взгляд, голова откинута назад, распластанные крылья почти закрывают тушу зайца. В моем фильме этот материал иллюстрирует типичный для данного

ландшафта и времени года эпизод. О том, что перед вами ручной орел, можно догадаться лишь по недоступной телеобъективу четкости деталей. Защита добычи мотивирована в фильме тем, что на беркута нападают два ворона; на самом деле Педро защищал ее также и от нас, операторов…

Итак, беркут был возвращен в естественную среду. Мы убедились, что выбор сделан удачно, когда увидели другого беркута, который парил курсом на юго-восток. Педро проводил его взглядом, и мы тешили себя мыслью, что он оправдает наши надежды, примет участие в осеннем отлете. Однако Педро, до сих пор тренировавшийся только в клетке, не спешил выйти па ветер и парить, как положено орлу. Он остался сидеть на месте. Конечно, заточение в клетке, с регулярным кормлением, не может не отразиться на поведении орла, да разве наперед все угадаешь. Во всяком случае, такой противоестественный образ жизни неизбежно тормозит природные реакции, особенно если он длится не один год.

Придя в лес на следующий день, я увидел, что Педро с безучастным видом сидит на том же месте. Для человека орел — олицетворение независимости, свободолюбия. А нашего Педро, к моему великому удивлению, нисколько не манила независимость. Тогда я еще не знал, что в начале века точно так же озадачили людей орлы, выпущенные на волю из зоопарка в Стокгольме. Их совсем не прельщала вольная жизнь. Как ручные львы, которых хорошо кормили в неволе, предпочитают оставаться в дом районе, где их выпустили, так и орел, привыкший к жизни нахлебника, забывает роль, отведенную ему природой.

Как же заставить Педро вспомнить о своем предназначении? Наша орлиная популяция нуждалась в таком пополнении. Было очевидно, что его надо тренировать. Добьемся, чтобы летал, а там, смотришь, и другие естественные функции восстановятся. Так я и решил поступить. Но мое осеннее кинотурне уже началось, я не мог ждать, пока у Педро возродятся желание и способность летать. Мне надо было уехать на несколько недель, и пришлось ему снова поселиться в клетке.

Гюннар Ингриц взялся еще одну зиму присмотреть за беркутом. В Дала-Флуда климат посуровее, чем в Мальмчёпинге, но южанин Педро и на этот раз благополучно перезимовал.

В зимние месяцы я изредка выносил Педро из клетки. Он ел на воле, начал понемногу летать. Недоверие ко мне прошло, он уже не бросался на меня, как тогда в Мальмчёпинге. Да и Гюннар умеет обращаться с ручными животными, знает к ним подход. Кстати, он уже много лет выкармливает филинов, и потомство их понемногу осваивает леса, откуда вид был изгнан вооруженными

«охотоведами». Немало филинов — взрослых и птенцов — гостило в клетке, которую я построил для Педро…

Однажды произошел случай, лишний раз убедивший меня в силе орлиных когтей. Моему хорошему другу Юну Пальму захотелось запечатлеть на пленку, как беркут поедает убитую лису. Положили рыжую на засыпанный снегом камень, Педро выпустили из клетки, и вот он уже сидит на добыче. Мы снимали на кино — и фотопленку, но Педро быстро надоело позировать — вероятно, по той простой причине, что лисья тушка затвердела на морозе. Беркут повертел головой, потом снялся с камня и полетел вглубь леса. Я заклекотал по-орлиному; Педро уже был приучен к этому сигналу и, как обычно, кричал в ответ «кьек-кьек». Шум крыльев стих, мы подождали еще, затем пошли следом за беркутом. Благодаря нашему дуэту его нетрудно было найти, да и улетел он всего на несколько сот метров. Мы брели по глубокому снегу, и, возможно, его насторожил хруст тонкого наста. Вообще Педро не привык видеть, чтобы люди двигались так странно. И хотя он по-прежнему сидел на месте, когда мы наконец добрались до него, глаза его выражали испуг. Я набросил на беркута уже знакомое ему одеяло и поднял его. Под одеялом темно, орлу представляется, что наступила ночь, а ночью орлам положено сидеть смирно. Так же действует на сокола колпачок, который надевает ему на голову охотник. Непроглядный мрак означает ночь, и птица замирает.

Слава богу, что Гюннар одолжил мне свои рабочие перчатки, потому что внезапно Педро стиснул мою руку стальной хваткой. — Вот это кулак, Юн, — сказал я. — Уверен, тебе его не разжать.

Юн захотел попробовать и взялся за задний коготь, тот самый, который орел вонзает в добычу. Но коготь не поддавался его усилиям, как он ни тужился. От холода кожа перчаток задубела — опять-таки на мое счастье, потому что едва Юн отпустил коготь Педро, как беркут нажал еще сильнее, я даже взвыл. Перчатка выдержала, но моя кисть оказалась словно в тисках.

Несколько недель мою руку с двух сторон украшали роскошные метины разных оттенков синего и зеленого цвета. С того дня я отношусь к орлиным когтям с некоторым почтением.

Вылазки в лес показали, что сил у Педро предостаточно, а затем появилась и потребность летать.

Когда леса зардели осенними красками, я снова отправился к епископовой горе, где годом раньше видел в небе дикого беркута. День выдался ветреный. Я выпустил дона Педро, он снялся со скалы и полетел над красиво желтеющим лесом. Я любовался

мощными взмахами крыльев, пока не потерял его из виду. Ну что ж, теперь все в порядке, теперь только бы благополучно избежал всех подстерегающих его опасностей… Мне даже в голову не приходило, что Педро сам может оказаться опасным.

Шли дни, я пытался представить себе, куда залетел мой Педро. Сумеет ли поладить с другими орлами? Хорошо бы над епископовой горой и в этом году откуда-нибудь с севера курсом на юг пролетел молодой беркут… Так оно и вышло, и не исключено, что Педро на время присоединился к нему. Во всяком случае, в местных газетах промелькнуло сообщение о двух орлах, которые летели «вместе над Хёнсарвет в сторону Идкербергет».

В ту осень беркуты вообще и Педро в частности привлекли внимание не только местной, но и центральной прессы, о них даже говорили по радио, причем мой испанец стяжал себе дурную славу. Четвертого октября я с ужасом прочел на первой полосе «Дала-Демократен» заголовок: «Схватка двух братьев с орлом. Птица поднимает одиннадцатилетнего парня». По словам газеты, когда двое парнишек, 11 и 15 лет, пересекали поляну у подножия епископовой горы, на них вдруг набросилась птица, по-видимому, орел. «Сначала огромная птица сбила с ног младшего брата, который весит около тридцати килограммов, потом подняла его над землей. Она выпустила мальчика только после того, как старший брат схватил ее за крыло. Орел еще дважды бросался на ребят, наконец они бегом укрылись от него в чаще. У младшего оказалась царапина над глазом, две царапины па голове, изодрана когтями вся спина, не считая глубокой раны на боку».

У меня голова пошла кругом. Неужели этот пернатый демон — мой смирный Педро? В памяти возникла полузабытая картина, как он бросался на меня. Конечно, в таком настроении Педро чрезвычайно опасен… А кроме него вроде бы некому было так отличиться.

В газетах появлялись разные предположения о том, к какому виду принадлежала птица, напавшая на ребят. Консультант-охотовед Свен Мельквист полагал, что это скорее всего был бешеный глухарь. В самом деле, ревниво охраняющая свою территорию птица вполне способна распалиться не только весной, но и осенью. Пятикилограммовый глухарь весом не уступает орлу, а то и превосходит его, и я по себе знаю, как яростно он бьет могучими крыльями и щиплет изогнутым, словно у хищника, клювом. Сообщение, будто орел поднял над землей мальчика, который весил в шесть раз больше птицы, иначе, как вздором, нельзя было назвать. Кстати, это подтвердил потом и сам мальчик, когда я разговаривал с ним.

Свое просвещенное мнение высказал и Бенгт Берг, который

как раз тогда заканчивал книгу «Орлы». Изучив представленную в газету «Экспрессен» фотографию, он заявил, что царапины не от орлиных лап. Когти оставили на спине мальчика парный след, значит, это скорее всего была длиннохвостая неясыть: у нее при нападении два когтя смотрят вперед, два — назад, у орла же — три вперед, один — назад.

Я не знал, что и думать, однако на душе стало полегче. Может быть, Педро сейчас совсем в другом месте, и совесть его, как говорится, чиста. Вышло так, что в это самое время по приглашению газеты «Фала-Кюрирен» я разъезжал по Даларна и показывал свои короткометражные фильмы. Естественно, я пользовался каждой возможностью, чтобы порыскать в лесах Епископовой горы, но работа все же была на первом месте, и весь район обследовать не удалось. Так я и не разыскал своего беркута, чьи крылья вполне можно было сравнить с семимильными сапогами. Занимались поисками и другие. Один рабочий с действовавшего тогда железного рудника сообщил в местную газету, что вместе со своими товарищами попробовал подойти к скале, на которой сидел орел, но тот бросился на него. Тот же рабочий рассказал, что орел напал на одного лесоруба, и тот едва спасся бегством, даже пиджак захватить не успел.

Я уже не сомневался, что речь идет о беркуте, ведь догадка мальчиков подтверждалась многими взрослыми. И мне было ясно, что местные жители в любую минуту готовы объявить ему войну. Пусть орлы охраняются законом, но ведь он представлял несомненную опасность для людей. Если Педро, очутившись на свободе, до сих пор не взял никакой добычи, он же должен быть страшно голоден. И вовсе не ярость заставляла его бросаться на людей — он привык всю жизнь видеть в человеке поставщика пищи, вот и летит ко всякому, кто покажется вблизи. Да только опасность от этого не меньше…

Выпуская Педро на волю, я был уверен — возможно, чересчур уверен, — что он быстро научится сам добывать себе корм. Ведь молодые орлы, которые покидают гнезда и летят на юг, как-то решают эту задачу. Правда, не всегда удачно. Сколько было случаев, когда люди подбирали отощавших орлят. Епископова гора богата зайцами, лучшего места для начинающего охотника, каким был Педро, не придумаешь, — если бы не люди кругом. Ему, понятно, представлялось, что самый легкий способ получить пищу — просить, даже требовать ее у двуногих.

В конце концов он все же попытался охотиться, но и то возле жилого дома, на что вряд ли пошел бы орел, увидевший свет в северных лесах. Я вполне могу себе представить, что при этом делалось в голове Педро.

Человек как кормилец не оправдал его надежд. Завидев людей, он по привычке принимался кричать, но не получал ни ответа, ни сочного мясца. Подлетит поближе к человеку — странный представитель столь щедрого обычно рода убегает! Наконец Педро надоела эта нелепая игра, и он, как я и надеялся, решил добыть что-нибудь сам. Может быть, летая над горой, оп замечал на прогалинах зайцев, но поди поймай этих непосед… Педро расширил круг своих поисков. Для орла что километр, что десять километров — разница невелика, термические потоки воздуха и ветер сами несут его куда надо.

Из поднебесья он обозревал ландшафт. По плотности зрительных клеток в глазу орлы намного превосходят нас, у них на единицу площади клеток в восемь раз больше. Это не значит, что глаз орлов не уступает телеобъективу, зато у них, можно сказать, гораздо выше разрешающая способность. И вот на «мелкозернистой» сетчатке Педро возникло изображение животного, которое он хорошо помнил по тому времени, когда жил в клетке. Через двор не спеша шагало в меру крупное животное. Дикий орел вряд ли осмелился бы подлететь к человеческому жилью, но Педро был свободен от таких предрассудков. С шумом рассекая воздух — казалось, парус рвется на ветру, — он пал камнем вниз, и кошка распласталась на земле. Живучесть кошки вошла в пословицу, но еще не известно, чем дело кончилось бы, не подоспей люди и не прогони они беркута.

Естественно, местные газеты не преминули поведать об этом происшествии.

Педро вконец растерялся. Что же это такое, добычу отнимают! И он отправился туда, где в последний раз видел меня, некогда столь верного поставщика мяса. Во что бы то ни стало найти какую-нибудь пищу! Но сколько он ни искал в тот день, меня нигде не было видно. Зато он увидел кое-что другое.

То, что произошло затем, могло обернуться страшной трагедией.

Через луг под Епископовой горой катил на велосипеде двенадцатилетний мальчуган, на багажнике сидел его трехлетний братишка. И тут на них с огромной силой спикировал живой снаряд. В первую секунду Бенгту-Эрику Франсону — так звали старшего мальчика — показалось, что в небе внезапно появился самолет. Но почему не слышно никакого звука? Когда же Педро, поравнявшись с кронами деревьев, расправил крылья, Бенгт-Эрик понял, что это тот опасный орел, про которого он читал. Мальчик рассказывал мне потом, что даже не успел испугаться. Сильным ударом беркут сбросил его на землю, а велосипед прокатился еще

немного с привязанным к багажнику трехлетним малышом.

— И вот я лежу, обхватил руками орла за шею, а он отбивается ногами, хочет вырваться. Я, как мог, сторонился его когтей, и в конце концов орел угомонился, и я подполз к братишке и отвязал его, а орла все не отпускал. Братишка перепугался, плачет, но я сказал ему, чтобы бежал домой за помощью. Сначала он боялся уходить, потом я все-таки его уговорил. Наверно, с полчаса пролежал я так на земле с орлом, наконец прикатил на велосипеде наш сосед. Снял с себя ремень и связал орлу ноги, мы отвезли его домой и посадили в закуток в коровнике.

Вот ведь какой смелый и сообразительный парнишка! Всего двенадцать лет, а отваги больше, чем у взрослых, которые при виде орла пускались наутек.

Педро был «арестован», его отвезли в полицейский участок в Сэтере. Понятно, понаехали газетчики, и Педро воспользовался случаем впустить когти в полицейского, который хотел подержать его перед фотоаппаратами. Инцидент дал повод для сенсационных заголовков. Хорошо еще, что беркут вцепился в ногу, могло быть гораздо хуже…

В 1960 году, когда все это происходило, ненависть людей к пернатым хищникам еще была сильна, и проделки Педро вполне могли истолковать как типичное для всех орлов поведение. На самом же деле вышло иначе, читатели своими глазами могли убедиться, на какие грубые преувеличения способны газеты, когда заходит речь об орлах или еще каких-нибудь свирепых северных чудовищах. Одна газета поместила фотографию одиннадцатилетнего Бёрье Нильссона, первым подвергшегося нападению, — спина мальчика была исполосована когтями. Когда же я встретился с Бёрье, оказалось, что он очень недоволен фотографом — по его словам, тот добавил царапины, которых не было! Обычно ретушью с кадра убирают царапины, здесь же поступили наоборот… Я попросил Бёрье рассказать, как все было на самом деле, в популярной радиопрограмме «Природа и мы»; это, несомненно, помогло общественности убедиться, что серьезный сам по себе случай был раздут создателями сенсаций. Но самое главное, люди узнали, что ни один дикий орел не повел бы себя так, как это сделал ручной Педро, разумеется, без «злого умысла».

Что до беркута, то ему грозило одно из двух: либо казнь, либо пожизненное заключение. Юридически я лишился права распоряжаться его судьбой. Раз орел выпущен на свободу, значит, он принадлежит государству, и я не могу опротестовать смертный приговор! Вот если бы Педро улетел от меня, он считался бы

моей собственностью. К счастью, было решено сохранить ему жизнь. Мне вернули Педро с условием, что я больше никогда его не выпущу.

Итак, жизнь беркута была спасена. Да он и не успел причинить сколько-нибудь серьезного вреда. Но я — то мечтал, что он будет жить на свободе, сам себе хозяин, а вместо этого ему предстояло пожизненное заточение в клетке… Из всех пернатых хищников, кого я выпускал на волю, один только Педро не сумел освоиться с новой обстановкой. Правда, выпускал я молодых птиц, а Педро за много лет неволи, сперва в Испании, потом в Швеции, прочно привык получать пищу от человека.

Меня часто спрашивают, что же стало потом с беркутом, который снискал такую печальную славу. Газеты о нем больше не шумели, но на пленке Педро был запечатлен не один, а множество раз.

Как раз в то время Кенне Фант задумал фильм о Нильсе Хольгерссоне. Получив от «Нурдиск Тунефильм» добро на это дорогостоящее предприятие, он связался со мной. Во-первых, ему хотелось использовать Педро в роли орла Горго, во-вторых, нужен был совет, как снимать эпизоды, в которых Нильс общается с животными. Книга Сельмы Лагерлёф — сказка, больше всего она подходит для мультипликации, и разработать сценарный план для актеров-животных было отнюдь не просто. Никому из съемочной группы до тех пор не приходилось работать с животными, поэтому я показал им в качестве наглядных пособий свои фильмы. Кенне познакомился также с черновым материалом для «Диких дебрей», и это мне очень пригодилось впоследствии.

Итак, Педро должен был изображать Горго, могучего орла, который попеременно с гусями несет Нильса Хольгерссона над просторами Швеции. Горго, как и Педро, был выпущен на волю после долгого заточения в клетке, но для Горго в сказке все кончается благополучно, а вот Педро повезло меньше. Фильм был почти готов, оставалось снять лишь несколько эпизодов с орлом, и тут Педро взял да улетел от съемочной группы, которая в то время работала в Норрботтене. Меня попросили выехать туда и помочь с розысками. Но в тех краях найти орла куда труднее, чем у Епископовой горы. Хотя нам предоставили вертолет, поиски ни к чему не привели. К огорчению киношников. Я же радовался тому, что обстоятельства забросили Педро в ту область нашей страны, где у него были все шансы научиться жить самостоятельно, без вмешательства людей. Этот пустынный край — поистине обетованная страна для орлов. Не сумеет охотиться — прокормится так же, как кормятся другие орлы, молодые и взрослые, а именно за счет государства. Дело в том, что в

Лапландии государство, точнее государственные железные дороги, обеспечивают мясом многих плотоядных. Поезда частенько давят оленей. Владельцы получают возмещение, а мясо, само собой, для людей непригодно, и выходит пир для медведей, росомах, воронов. А также для орлов.

Все хорошо, что хорошо кончается. Я не нарушил своего обещания не выпускать Педро на волю, и все-таки он оказался на свободе!

Увы, свободная жизнь беркута продолжалась недолго. Подробностей не знаю, мне рассказали только, что недели через две какой-то человек обнаружил Педро и зашиб его насмерть жердиной, причем даже неизвестно, было ли это вызвано поведением птицы.

В самой малонаселенной области нашей страны и то не оказалось места для беркута, взятого из гнезда где-то в Испании…

Фильм и ручные животные

Выше я уже упоминал, что разъезжал по стране и показывал свои короткометражные фильмы, а кроме того, готовил полнометражную ленту. Чтобы продолжить рассказ о ручных животных, пожалуй, следует сначала остановиться поподробнее на том, что делалось в этой области. Никуда не денешься, придется привести еще одну автобиографическую справку.

Из всего снятого мной за первые три года работы с кинокамерой вышло три короткометражных фильма. Сверкающая каплями росы паутина подсказала название одного из них — «Мерцающий луг», а темой была невеселая брачная жизнь крестовиков и судьбы других, больших и малых обитателей луга. Второй фильм, «Бабочка крылатая», рассказывал о дневных бабочках, об их развитии. Третий — «Так проходит день» — описывал весенний день в Сёрмланде с рассвета до заката. Первый фильм я, не особенно утруждая мозг, снабдил заурядным музыкальным сопровождением с драматическими и прочими эмоциональными пассажами, как это издавна принято для лент о природе. И сам же вскоре заметил, как утомляет такой звуковой фон. К фильму о бабочках аккомпанементом послужили изумительные импровизации замечательного гитариста Томаса Бирта, родившиеся прямо на записи. Эта музыка и теперь, хотя я слышал ее не одну сотню раз, радует мою душу. Для третьего фильма я использовал музыку самой природы Сёрмланда: изменяющийся с течением дня птичий хор при запечатленных на кадре солистах.

Сопоставляя звуковой ряд трех картин, я убедился, что последний из них, самый чистый, сдержанный, неназойливый, как ни странно, создает наибольший эффект присутствия и оттеняет изображение куда лучше, чем насыщенная чувством музыка профессиональных композиторов. Вообще, мне кажется, если фильм хорошо снят, то музыка, призванная подчеркнуть или усилить драматизм или же придать оттенок комизма целесообразным, но для непосвященного наблюдателя странным движениям, — такая музыка фальсифицирует, приукрашивает и опошляет действительность, которая при верном воспроизведении не нуждается ни в какой музыкальной косметике. В те годы кинорынок был наводнен множеством такого сорта фильмов о природе. Я считал и продолжаю считать, что кадр производит самое сильное впечатление, когда сопровождается подлинными звуками и больше ничем. И с тех пор всегда добиваюсь, чтобы у документального фильма и

звуковая дорожка была документальной. К тому же я убедился, что музыка накладывает на фильм отчетливую печать времени. А подлинные звуки не стареют, как не стареет снимаемая природа. Но они должны быть подлинными. Конечно, можно добавить на пленку выразительные звуки, так что зритель не отличит их от настоящих, но не греша против достоверности. Насколько меня коробит, когда в шведских игровых фильмах в августовские ночи поет соловей, настолько же невыносимо, видя на экране жаркий солнечный день, слышать голоса южноамериканских птиц, поющих только по ночам. Для человека посвященного это все равно, как если бы зов кукушки сочетался бы с февральским снегом.

Подобно тому как я тренировал свое тело, выполняя все более сложные эквилибристические номера, так и съемки стали для меня самоцелью. С первых шагов мной владело желание создать что-нибудь такое, что доставляло бы мне радость, запечатлеть то, что меня увлекало.

Но за кинопленку надо платить, и я быстро убедился, что для съемки всех привлекающих меня сюжетов понадобится куда больше денег, чем я могу заработать в народных парках. В это время я познакомился с чрезвычайно деятельным и находчивым молодым человеком по имени Алекс Свенссон. Он сотрудничал в газете «Фленс дагблад», которая потом, увы, приказала долго жить, и приехал на Каменный остров, чтобы сделать репортаж о моих лисах и совах.

— Пусть газета организует показ твоих фильмов в кинотеатре, — заявил он. — Я уверен, найдется много желающих увидеть на экране сёрмландскую природу. Продадим сотню-другую билетов, будут тебе деньги на пленку.

Сказано — сделано. Кинозал был набит битком, пришлось устроить повторный сеанс, потом еще один… В общем мы семь раз собирали полный зал; такой успех был для нас неожиданностью. Тут и другие газеты подключились. В Катринехольме и в Норр-чёпинге — тоже полные залы, и в конце концов не проходило дня, чтобы я не выезжал куда-нибудь со своими фильмами по договоренности с той или иной газетой. У меня появилось гораздо больше денег на то, чтобы осуществить очередную мечту. А задумал я полнометражный документальный фильм, где звуковое сопровождение, как и в ленте «Так проходит день», должна была составить симфония самой шведской природы. Мне хотелось поведать о типичном уголке, сочетающем черты юга и севера Швеции, с упором на район Нос, но также с фрагментами из других подходящих мест.

Я рассчитывал собрать материал на полуторачасовую ленту

за три года; на самом деле ушло шесть лет, и ведь нельзя сказать, чтобы я занимался фильмом «в свободные часы». Дело оказалось таким трудоемким, что я еле-еле довел его до конца. Сезон начинался в середине апреля, когда токуют тетерев и глухарь, дальше напряжение возрастало вплоть до июля, постепенно спадая к сентябрю. Пора эта насыщена событиями, а мне хотелось все втиснуть в свой фильм, и я почти не спал. Первые утренние минуты посвящались звукозаписи, а как только позволяло освещение, я брался за кинокамеру. И к июлю, когда буйное клокотание жизни в лесах и полях начинает стихать, я каждый год от бессонных ночей был словно выжатая тряпка — жертва своего рода стресса, вызванного старанием рассказать о мире, не знающем стрессов!

В каких только местах не устраивал я свои тайники в эти годы! Изучая семейную жизнь филина, однажды провел трое суток подряд в шалаше площадью в один квадратный метр; сидел и парился на солнцепеке в мазонитовом ящике на скальной полке около гнезда сапсана; наблюдал в упор, как трудятся тетеревятники, перепелятники, канюки, осоеды, чеглоки, кормя своих отпрысков; соблюдая мертвую тишину, проводил дни и ночи возле гнезд болотной совы и дуплистых стволов, служащих обителью для длиннохвостой неясыти, сыча-воробья и мохноногого сыча. Наблюдал через видоискатель полные хлопот будни множества обремененных потомством больших и малых граждан «диких дебрей» — от лесной завирушки, снегиря и трехпалого дятла до журавля и краснозобой гагары. Когда снимаешь таких редких и пугливых птиц, как филин, сапсан или журавль, ничего не стоит спугнуть их с гнезда; неосторожные фотографы погубили не один выводок. Я же с радостью могу доложить, что мои дикие артисты, несмотря на пристальное наблюдение, не только благополучно выкармливали птенцов, но и гнездились на следующий год на том же месте — лучшее свидетельство того, что я им не мешал.

За эти шесть лет я смог прослушать все части природной симфонии, внимательно изучил плавно сменяющие друг друга звуковые картины весны, лета и остальных времен года, с отдельными темами ночи, утра, дня и вечера. Для того, кто умеет слушать, каждый фрагмент — описание ситуаций, которые иногда можно наблюдать воочию, но чаще всего угадываешь или представляешь себе, исходя из прежнего опыта. Ты учишься распознавать доходящие до тебя звуки, и часы ожидания в тайнике не выматывают душу, как думают многие, а наполняют ее предвкушением.

Верно передать в готовой картине звуковой фон стало для

меня непременным и весьма непростым требованием. Подчас на звукозапись уходило больше времени, чем на съемку. Зато сколько удовольствия я получал! Никакая музыка на свете не сравнится с концертом северной природы, строгие закономерности которого не исключают, однако, вариации и импровизации. Тут не бывает фальшивых нот, плохих исполнителей, дисгармонии. Похоже, теперь мы начинаем понимать то, что я давным-давно открыл для себя: насколько нужно человеку это сверкающее созвездие звуков как фон для его деятельности. Оно составляло неотъемлемую часть мира первобытных людей, и достоин великого сожаления тот, чья душа уже не отзывается на эти звуки, кто живет в искусственной изоляции, в отрыве от природы, которая породила и человека, и всех прочих животных.

Многие тайны «диких дебрей» может подсмотреть кинокамера — многие, но не все. Так, для нее остается сокровенным ночной мир. Лунного света довольно для нашего глаза, но еще не создана достаточно чувствительная пленка, чтобы работать при таком освещении. Мой фильм должен был преимущественно повествовать о совах, об этом говорит и его рабочее название «Совиная гора, совиный лес». Для эпизодов в ночном лесу, где охотится сова, где бродит барсук и другие четвероногие, я использовал выкормленных мной ручных животных; так поступает большинство операторов у нас и за рубежом. Но как же так, спросите вы, — человек, который настолько придирчив, что не жалеет времени на специальные звукозаписи, только бы верно передать шорох листьев осины или березы, дробь дождевых капель о поверхность различных тропических растений, и вдруг со спокойной совестью снимает ручных животных! Отвечаю: на мой взгляд, я не грешу против документальности, пока остаюсь верным биологическому прообразу и знаю свой предмет, особенно если этот способ позволяет представить действие или поведение, которого иными средствами не отобразишь. Например, без моих ручных филинов, привычных к вспышкам яркого света, не удалось бы не только снять, но и просто описать никем не наблюдавшиеся ранее особенности поведения этой птицы при устройстве гнезда. К сожалению, в Швеции использование ручных животных для съемок стало притчей во языцех, поэтому стоит остановиться подробнее на этом вопросе.

Понятие «ручной» отождествляют с понятиями «неверный», «искаженный», «научно некорректный», противопоставляя его «дикому» поведению. Но реакции животного в свойственной ему среде, как я уже говорил, зависят прежде всего от ситуации и

генетически запрограммированных инстинктивных функций, идет ли речь о дикой или о «ручной» особи. Конечно, если животное долго живет в искусственных условиях, не получая надлежащих стимулов, особенности видового поведения могут сгладиться, даже вовсе вытесниться и исчезнуть. Скажем, в животном-охотнике — об этом я тоже говорил — необходимо с самого начала развивать охотничий инстинкт. Столь же важны «традиционные» звуки, которые позволяют совам и многим другим птицам, а также млекопитающим выполнять свои социальные и сексуальные функции. Издаваемые родителями сигналы тревоги учат птенца, каких животных надо остерегаться. Правда, в некоторых случаях механически происходит инстинктивная реакция, скажем, на хищных птиц (желтый глаз, характерный абрис крыла вызывают тревогу у большинства нехищных птиц) или на змей — к ним даже человек инстинктивно относится почти с такой же опаской, как и шимпанзе, лиса или канюк.

В том-то и закавыка: животное, которому его сородичи многократными сигналами внушили, что человек опасен, очень трудно, а то и невозможно приручить. А выключишь это внушение — животное быстро привыкает не бояться человека. Как другие нервные реакции усугубляются мощными стимулами и приглушаются слабыми, так от степени опасности зависит готовность издавать сигналы тревоги. Если вести себя спокойно и шаг за шагом, очень осторожно приближаться к дикому животному или группе животных, вас воспримут как безопасное существо. Я убеждался в этом много раз. На одном токовище тетерева ясно видели меня в нескольких метрах и не пугались; наблюдая краснозобую гагару, я позволял себе двигаться в трех-четырех метрах от гнезда, и птицы никак не реагировали. Самые примечательные, широко известные примеры такого приглушения традиционных реакций — работа Джорджа Шаллера с дикими тиграми и потрясающий контакт, который Джейн ван Лавик-Гудолл установила с не менее дикими шимпанзе. Примерно такую же программу отологических экспериментов выполнила Дайан Фоссей, завоевав полное доверие горилл.

Так что же означает слово «ручной»? Да всего-навсего то, что животное не боится человека.

Как я уже говорил, точка зрения охотника обусловила наше традиционное представление о типичных реакциях «дикого» зверя, но чаще всего эти реакции отнюдь не совпадают с естественным поведением, не искаженным внешними факторами.

«Ручные» животные, то есть выкормленные человеком, помогают науке получить чрезвычайно важные данные. Кстати,

сейчас, когда пишутся эти строки, в Шварцвальде, в ФРГ, исследователь Эрик Зимен работает с ручными волками.

Словом, я считаю вполне корректным с научной точки зрения показывать на «ручных» животных то, что происходит в природе, но чего иначе не запечатлеешь.

Мне скажут, что это сильно упрощает съемки. Когда как! Вопреки распространенному суждению, иногда с фильмами, где участвуют «ручные» животные, куда больше работы, чем с дикими артистами, если звери, как это бывало в бесхитростных фильмах нашего детства, не резвятся среди посуды, мебели и прочего человеческого реквизита, а «играют» самих себя, демонстрируют настоящий образ жизни вида в свойственной ему среде. Думается, у меня есть право это утверждать, ведь я уже девятнадцать лет снимаю как ручных, так и диких животных. Конечно, токование глухарей и тетеревов, игры скалистых петушков, семейная жизнь алого ибиса, мир гоацина крупным планом, сумеречное существование гуахаро, которое можно отобразить только инфракрасной съемкой, — все это требует немалых усилий, и все-таки больше всего меня привлекает «невозможное», то, чего не увидишь и не снимешь без ручных животных, на что уходит уйма физического и умственного труда. И ВРЕМЕНИ.

Вспоминаю, как в Суринаме миссионер Дин Форд рассказывал мне про единственный случай, когда ему довелось увидеть ягуара в девственном лесу, где Форд ежегодно совершает «рискованные» экспедиции.

— Идем мы по реке на лодке и вдруг видим — на берегу, у самой воды лежит большой ягуар. Остановились. Лежит… Потом встал и не спеша побрел в заросли. Представляешь, сколько отличных кадров ты мог бы снять! Конечно, мог бы. Но что именно? Как ягуар лежит, встает, уходит. И только. А с ручным ягуаром можно подробно проследить то, что несравненно интереснее: как этот зверь берет след и находит добычу, как сочетает работу зрения, слуха, обоняния с изысканнейшими движениями, выполняя специальную роль, отведенную ему в природе. В таких вот случаях ручное животное — более надежный объект для того, кому кинокамера нужна как источник знаний. К сожалению, многие понимают съемку природы как трудный спорт, марафонское испытание силы духа, умения переносить лишения и трудности. В некоторых случаях это необходимо — знаю по собственному опыту, — но трудные условия работы сами по себе еще не залог лучшего результата или большей научной достоверности.

Пожалуй, дело тут вот в чем: когда фотоохота только входила в моду, многие смотрели на нее как на пустую забаву.

Естественно, что первые фотографы, которые серьезно занялись съемками природы, при каждом удобном случае подчеркивали, что речь идет о тяжелом труде для настоящих мужчин. А затем, само собой, сделали следующий шаг, стали требовать, чтобы фотограф непременно снимал природу ценой упомянутых лишений. Конечно, снимать, как ягуар лежит, встает, уходит, гораздо легче на ручном звере. Если вы не ставите себе более высоких целей, какие ставит тот, кого волнуют проявления жизни, обычно недоступные человеческому глазу. А они волнуют всякого разумного оператора, если им не движут сугубо материальные или практические соображения.

Вот как я смотрю на съемку животных.

… Работа над «Дикими дебрями» потихоньку продвигалась, являя собой смесь невезения и удач, которая образует увлекательный, но иррациональный фон таких съемок. Госпожа Фортуна не скупилась на улыбки, но финансировать мою затею становилось все труднее. Для частного лица снимать полнометражный фильм — дорогое удовольствие, а ведь еще никогда в Швеции цветной кинофильм не обходился так дешево, как этот. Минули намеченные мной три года, я начал четвертый сезон, и тут меня постигла серьезная беда. Мы бродили вечером по лесу в поисках гнезда сыча-воробья, и мой товарищ неожиданно отпустил еловую ветку так, что она с силой хлестнула меня по левому глазу. Роговица над зрачком была повреждена; пока я добрался до врача, она успела воспалиться, и хотя я дважды ложился в больницу, зрение так и не восстановилось полностью. В то лето все мои тайники пустовали, я не мог всерьез заниматься съемками, отменил часть гастролей, да и того, что осталось, было достаточно, чтобы раненый глаз заболел еще сильнее. Урожай с моих короткометражных фильмов был почти полностью собран, я побывал с ними едва ли не во всех уголках страны. Понятно, мне было нелегко в одиночку кормить жену с двумя детьми и одновременно осуществлять свой кинозамысел. За что я только не брался — писал статьи о природе и животных, делал учебные фильмы и диафильмы, преподавал в школах биологию, химию, математику, географию, даже черчение! К редактированию фильма, конечно, следовало бы привлечь опытного монтажера, однако я вынужден был обходиться своими силами. Нет худа без добра: финансовые соображения в первую очередь, но и интерес к делу побудили меня освоить монтаж и все тонкости озвучивания, чему я теперь только рад. Зачем зависеть от других в производстве своих фильмов, лучше все делать самому, вплоть до показа готовой продукции по телевидению. Я продержался еще одно лето и

завершил съемку материала для полнометражного фильма. А когда закончил червовой монтаж — удар: вдруг оказалось, что ни одна кинокомпания больше не заинтересована в фильмах о природе! Рывок насыщен и перенасыщен, дело перестало быть прибыльным.

Пять лет труда, прерванные занятия в университете, измотанный организм, тяжкое материальное положение… Мечта о полнометражном фильме обратилась кошмаром.

Нашелся у меня в кино друг, который верил в мой фильм и думал не только о прибыли. Речь идет о Кенне Фанте, он как раз стал исполняющим обязанности директора «Свенск фильминдюстри». Как я уже говорил, он просматривал мою продукцию, а работая над «Нильсом Хольгерссоном», и сам познал, что значит снимать животных. Кенне горячо убеждал правление «Свенск фильминдюстри» заняться моей лентой, но не встретил отклика. От проката ждут прежде всего дохода, а тут надо приносить жертвы на алтарь культуры… На мое счастье, как раз тогда шла организация Шведского киноинститута, и на сцену выступили новые факторы, можно было рассчитывать на премию, а значит, и на компенсацию из средств института, если лента окажется убыточной. Упирая на эти обстоятельства, Кенне в конце концов уговорил правление участвовать в производстве картины и выпустить ее на экран. Спасибо тебе еще и еще раз, Кенне, за помощь и веру в мой фильм!

Летом я еще поснимал, потом сел заново редактировать ленту, ведь ее надо было перевести на 35-миллиметровую основу. Никогда не забуду тот вечер, когда я в единственном числе просматривал свой фильм в огромном кинотеатре на две тысячи мест с великолепным звуковым оборудованием. Все получилось именно так, как было мной задумано. Я был счастлив — после шести лет упорного труда мечта стала явью.

Закончена работа, и на душе такое чувство, словно рухнула стена на моем пути. Когда снова пришла весна, было даже как-то странно, что не надо приступать к очередным съемкам на природе. Я начал подумывать о том, чтобы сделать новый фильм на родине моей матери, в Вестерботтене. А может быть, забраться еще дальше на север? Все решил один телефонный звонок из Норрботтена…

Мои росомахи

Звонил человек, который явно не первый раз исполнял роль посредника между охотниками севера и миром коммерции на юге. — Мне тут саами принесли двух детенышей росомахи, предлагают продать в какой-нибудь зоопарк, а я о тебе подумал. Если согласен приплатить им немного, отправлю тебе ящик самолетом.

Как и в случае с испанским беркутом Педро, я согласился сразу, не раздумывая. Видно, я неисправим — найди кто-нибудь синего кита, нуждающегося в опеке, немедленно предложу свои услуги, не задумываясь, хватит ли киту места в моем аквариуме… Дня через два я забрал в аэропорту Бромма двух кругленьких, теплых, неуклюжих малышей. Держа их на руках (за рулем факультетского автобуса сидел мой товарищ), я ощутил вдруг какое-то особенное, удивительное чувство. Женщина, только что вышедшая из родильного дома, меня поймет. Ни одно животное не внушало мне такого сильного чувства отцовской любви и гордости, как эти крохи. Светлые рожицы, обрамленные более темной шелковистой шерсткой, смотрели на меня трезво и деловито, но искорка в глазах сулила немало веселых проказ и озорных выходок. Я радовался, словно ребенок, впервые получивший игрушечного мишку.

Наверное, чтобы проникнуться расположением к росомахе, надо ближе узнать этого крупнейшего представителя наших куньих. Недавно я побывал в Буросском зоопарке, где — замечательное событие! — добились размножения росомах в неволе, и услышал, что посетителей эти звери, увы, мало привлекают. О популярности животных судят, в частности, по числу проданных открыток — так вот, для росомахи цифра оказалась очень низкой. Видно, большинство шведов побаиваются этого зверя, способного, несмотря на скромные размеры, убить такое крупное животное, как северный олень. Несомненно, немалую роль играет также грозное рычание росомах, которое можно услышать, когда этим эгоцентрическим созданиям что-нибудь не по нраву. Хриплый рокочущий звук и впрямь производит устрашающее впечатление, и разъяренная взрослая росомаха хоть кому может внушить почтение.

Поистине звуки и запахи (а вернее, вонь, о которой я говорил выше) не украшали присланных мне малышей. Радуясь прибавлению семейства, я представил обитателей ящика заинтригованным родным. Жена, еще со времен нашей помолвки закаленная общением со змеями в моей гостиной, напуганная до

полусмерти бурной встречей, которую ей устроили лисы, когда она впервые сошла на берег Малого острова, не без труда свыкшаяся с присутствием барсука в нашей спальне и с обществом сыча-воробья, который провел зиму в дуплистом полене на моем письменном столе, — эта хрупкая, но, как мне казалось, неплохо вышколенная любительница животных, отпрянула при виде предметов гордости своего супруга.

— Ну и запах!

Что правда, то правда. Запах был. Особенно после того, как наш трехлетний сынишка чересчур внезапно возник перед малышами. Они оробели, и один из них, тот, который уже начал обследовать прихожую, издал никак не подобающее такому славному «мишке» рычание, а заодно окропил обои присущей сему роду отборной смесью. Все, кроме приемного отца, мигом освободили помещение, и несколько дней в прихожей могли задерживаться только люди с безнадежно испорченным обонятельным эпителием.

Камилла напомнила мне, что священник при обручении говорил насчет верности в счастье и в беде, но о росомахах в квартире ничего не было сказано. Да я и сам сознавал, что это еще цветочки. Но ведь у меня и в мыслях не было превращать росомах в «светских львов», нам предстояло вместе возможно скорее сменить город на более подходящую среду.

Я еще в самом начале весны побывал у Эдора Бурмана, писателя и сотрудника администрации по работе с лопарями, много лет отдавшего охране природы Сонфьеллет. В чудесных лесах этого района Бурман подкармливал росомах и медведей; меня он пригласил туда поснимать для кино, а заодно сделать фотографии для заказанной ему одним издательством книги о трех членах «большой четверки» — медведе, росомахе и рыси. Волки, которых прежде было так много в нашей стране, теперь почти совсем истреблены… Замысел этот не был осуществлен, издательство считало, что за «целый сезон» вполне можно собрать необходимый фотоматериал об упомянутых животных, но это работа надолго, нужен не один год, нужны наблюдения, наблюдения, наблюдения — и удача, о чем лучше всего свидетельствует книга «Сарек» прекрасного фотографа Эдвина Нильссона.

Эдор Бурман решительно возражал против того, чтобы я со своими росомахами находился там, где он так скрупулезно исследовал нравы их диких родичей, да и условия для съемок в тот год были отнюдь не многообещающими — падаль привлекла только воронов, — поэтому Эдор предложил мне занять старую охотничью избушку в нескольких десятках километров от

Сонфьеллет. Туда я и направился со своими приемышами.

Оба они стали поразительно ручными, наверно, таких ручных росомах в Швеции не было никогда. Но я добился этого не сразу, победа далась отнюдь не легко. Не в пример барсукам, которые скоро начинают льнуть к человеку, эти малыши держались отчужденно, и прошло немало времени, прежде чем они освободились от недоверия к своему заклятому врагу. Не знаю, что им довелось пережить в день поимки, но вряд ли это событие прошло для них бесследно. Как раз в том году газета «Экспрессен» описывала схватку саами с росомахой — они сражались целый час, прежде чем многочисленные ножевые раны доконали зверя…

Чтобы расположить к себе малышей, чтобы они чувствовали себя так же спокойно, как если бы рядом была мать, я применил тот же способ, который помогал мне стать «своим» для лис и барсуков. Нары в охотничьей избушке служили кроватью и мне, и детенышам, мы лежали вместе на соломе, и спали они, что называется, в моих объятиях. Когда спали, что случалось не часто и длилось недолго!

Потребность росомахи в движении чрезвычайно велика. За своей добычей — от лемминга и птичьих яиц до северного оленя — она то карабкается вверх на сосну, то мчится по снегу или по льду, продирается через рощу, трусит по голой скале. Крепкий организм этого представителя куньих рассчитан на большую нагрузку; час за часом, а то и день за днем обегает росомаха неуклюжим галопом свои обширные угодья — понятно, что ей надо быть в хорошей форме. Верные правилам рода, мои приемыши резвились почти без передышки с раннего утра до позднего вечера, да и в светлые северные ночи не обходились без частых разминок. То с визгом, с рычанием затеют потасовку посреди нар, то с не поддающейся описанию скоростью носятся по комнате — через плиту, под нары, все обегают, все углы обрыскают… Получат еду — на время угомонятся, а едят так жадно, что вполне оправдывают славу обжоры, утвердившуюся за росомахой. Крепкие желтоватые зубы, которые даже у таких малышей выглядели очень внушительно, легко расправлялись с костями. Мальчик и Девочка (мои приемыши были разного пола) ели с истинным наслаждением, уничтожали свои порции в мгновение ока да еще успевали подраться из-за последнего куска.

Хотя Мальчик был побольше, обычно верх брала Девочка. Во-первых, она была быстрее, злее, во-вторых, она была самка. Многих крупных млекопитающих отличает своего рода джентльменское отношение к меньшей ростом и не столь сильной самке. Современное кино извратило наши собственные исконные

понятия на этот счет (и не только на этот). В фильмах женщин бьют, а ведь это противно природе мужчины, настоящего мужчины. Бить женщину — величайший позор для мужчины, и я убежден, что нам об этом говорит инстинкт, обусловленный неизменной заботой природы о потомстве, в частности о том, которое вынашивает в своем чреве женщина.

До чего же уморительно было смотреть, как Девочка помыкала Мальчиком! Правда, он относился к этому снисходительно и даже в самых буйных играх и потасовках почти всегда соблюдал меру. Почти всегда. Несколько раз, когда случались перебои в подвозе продуктов и приемыши испытывали настоящий голод, он быстро и решительно ставил ее на место, не стесняясь в выборе средств. Голод стирает все грани не только среди людей.

Росомахи становились все более доступными, от былой робости не осталось и следа. Естественно, на мою долю приходилось все то, что обычно должна выносить мать-росомаха. Игры малышей, само собой, включали нападение двух на третьего, и крепенькие зубки не раз меня покусывали, правда, только вполсилы, иначе быть бы мне без пальцев. Если малыши чересчур увлекались и начинали кусаться больно, я призывал их к порядку по примеру мамы-росомахи. Только не телесными наказаниями, как это делают люди независимо от степени цивилизованности: я убежден, что удары и шлепки сразу выдают животному вашу принадлежность к другому виду. Назвался росомахой — поступай, как росомаха. Я заблаговременно перехватывал рукой выпад зубастой пасти так, что верхняя челюсть зверенка ложилась на треугольник, образованный большим и указательным пальцами, — для этого требуется жонглерская сноровка, — после чего крепко стискивал нижнюю челюсть, не давая ей сомкнуться с верхней. Одновременно я решительно, но без грубости подтягивал росомаху к себе и негромко, но строго рычал ей прямо в ухо.

Прием действовал безотказно, малыш понимал, что «родителю» надоели буйные игры, и тотчас умерял свой пыл. Да и позже, когда приемыши подросли и своими мощными зубищами легко раскусывали лосиные кости, «росомаший выговор» приводил их в чувство. Ни разу не дошло у нас до кровопролития, как это бывает, когда зверь кусает от ярости или от страха.

Шли дни. и росла моя уверенность в том, что наше трио скрепляют узы, близкие к родовым. Малыши понимали звуки и жесты, которые я подслушал и подсмотрел, наблюдая за их поведением. И если прежде я держал дверь закрытой, а отправляясь за продуктами в Хеде, надежно запирал, то теперь я

распахнул ее настежь, и малыши начали совершать короткие, несмелые вылазки. Росомахам в этом возрасте не положено уходить далеко от логова, и было интересно смотреть, как мое рычание — сигнал тревоги — заставляло их бежать обратно. Юркнут в дом и жмутся друг к другу на нарах, которые для них были центром вселенной, самым безопасным местом на свете.

Все говорило за то, что мои приемыши созрели для пребывания под открытым небом. Меня ожидало чудесное лето, здоровая жизнь в суровых условиях — я задумал уложить в рюкзак палатку, продукты, кинокамеру и побродить вместе с ними по росомашьим угодьям. Будем держаться заодно, лишь иногда обращаясь за провиантом к внешнему миру. Я не сомневался, что росомахи освоят естественный для них обрез жизни. И останутся на воле в этом замечательном краю, вместо того чтобы развлекать посетителей зоопарка. Смотришь, подобно моим лисам и барсукам, через год уже совсем освоятся и не будут нуждаться в моей опеке. Буду снимать все большие и малые события — от их первых попыток ловить леммингов (которых тут было великое множество) до встреч с другими росомахами, а то и с медведем. Кроме того, запечатлею на пленке взаимоотношения росомахи с ее заклятым врагом — человеком. Весь сюжет построю на судьбе детенышей, начиная с гибели матери и совместной борьбы сирот за существование, кончая конфликтом с саами и другими жителями сурового края. В голове сложился сценарий полнометражного фильма, и мне не терпелось начать наше странствие.

Я надеялся, что фильм даст толчок серьезному, большому разговору о росомахе и ее взаимоотношениях с человеком. Я отнюдь не собирался приукрашивать главных героев и чернить саами, напротив, мне хотелось показать, как это непросто, когда росомахи (или другие крупные хищники) расчленяют стадо и отгоняют часть животных так далеко, что оленеводам их никак не найти. Постараюсь подчеркнуть, что росомахи должны охраняться законом — но не в ущерб саами!

Я считал и по-прежнему считаю, что урон, причиняемый «большой четверкой», не должен ложиться бременем на плечи единиц — все мы, налогоплательщики, обязаны участвовать в его возмещении. Изнуряющий труд, неупорядоченный рабочий день саами — способен ли это постичь тот, чья физическая нагрузка сводится к переходу из одного конференц-зала в другой, кому требуется искусственный моцион, чтобы организм продолжал хоть как-то функционировать? А его бы в мороз или в буран — на лыжи и в тундру, искать зарезанных зверем оленей или собирать разбежавшееся стадо. Все, кто терпит убыток от хищных зверей,

должны получать возмещение, учитывающее весь их дополнительный труд, а не только номинальную стоимость найденных убитых животных. Сколько оленей так и не удается найти, сколько оказываются жертвами хищников, а доказать, что хищник виноват, не удается. Компенсация должна быть достаточно высокой, чтобы саами не терпели урона от хищников, лучше пусть выигрывают! Только если присутствие хищного зверя в лесах не будет оборачиваться убытком, саами перестанут истреблять волка, медведя, росомаху, рысь. А то даже нам, жителям южных областей страны, должно быть очевидно, как трудно уважать постановления о сроках охоты и охране животных, как соблазнительно учинить «самосуд». И ведь все, кроме самых отъявленных зверененавистников, согласны, что следует помиловать четвероногих хищников. И конечно же, нашей «зажиточной Швеции» по карману выделить толику налоговых средств, чтобы сберечь природу, а вернее, попытаться восстановить то, что утрачено.

Перед тем как осуществлять свои кинозамыслы, надо было, естественно, совершить несколько пробных походов, на деле освоить все то, чему не научишься с чужих слов. Учитывая, что будет трудновато уследить за двумя такими озорниками, быстрыми, как молния, скользкими, как угорь, я прежде всего накормил их до отвала, добавил еще хороший кусок мяса, взял на руки одного приемыша и юркнул во двор, оставив дома второго. Со мной была Девочка. Сначала она, как я и рассчитывал, послушно трусила за мной, но вдруг остановилась и зарычала. Я не сразу сообразил, что ее встревожило. Обыкновенный журчащий ручеек! Нечто совсем безопасное, но для нее совершенно новое. Очень уж звук необычный…

И тут я допустил маленькую, но роковую ошибку. Вместо того чтобы дать Девочке время ознакомиться с новым явлением, я поднял ее на руки, погладил и пошел по бревну через ручей. На полпути она дико испугалась, о чем мне тотчас сообщил мой нос, и начала вырываться, так что мы с ней чуть не свалились в воду. Как только я ступил на другой берег, она бросилась наутек. Как быть?.. В одно мгновение рухнула наша общность — я вовсе не росомаха, я навязал ей встречу с неизвестным, страшным. Да-да, для бывалого — всего лишь ручей, для нее же — НЕИЗВЕСТНОЕ.

Девочка негодовала, в горле ее клокотало сердитое рычание, она даже норовила цапнуть меня, когда я подошел к густой елке, под которой укрылась беглянка. Я лег на мох и умиротворяюще заговорил с ней. Наконец она примолкла. Бросил ей мяса. Она не взяла его. Что сейчас происходит в ее голове, какие воспоминания или врожденные реакции управляют ее

поведением?

Выждав больше часа, я попробовал приблизиться к ней, но она только забилась под еловые лапы и глухо, очень неприветливо зарычала.

Сходить за братом или отнести Девочку в таком состоянии обратно к нему — он только заразится ее враждебностью к опасному человеку. Как лисы, даже поразительно ручная Микаэла, в свое время навсегда покинули меня, так и росомахи скорее всего убегут, а этого допускать нельзя, ведь еще нужен не один месяц, чтобы они научились жить самостоятельно.

Наконец я решил. Странствие придется отложить на неопределенный срок. Перенесу Девочку обратно через ненавистный ручей и отвезу на другое местожительство.

Я осторожно подполз ближе, протянул к ней левую руку, и пока Девочка безуспешно пыталась ее схватить, улучил момент во время очередного выпада, поймал ее правой рукой за шиворот и вытащил из-под елки яростно рычащего, отбивающегося детеныша, который всего несколько часов назад вместе с братом так доверчиво спал рядом со мной. Вот ведь как быстро испуганное животное изменяет свое отношение к двуногому другу…

Ярость придавала Девочке бешеные силы, я с трудом удерживал ее за загривок, неся так, как большинство хищников переносит своих отпрысков. На середине узкого бревна она вдруг отчаянно дернулась, я потерял равновесие, и мы шлепнулись в ледяную воду. Я не разжал пальцев и выбрался на берег, держа в руке что-то вроде лоскута мокрой шкуры. Потрясенная новым происшествием, Девочка притихла. Я добежал до своего «фольксвагена» и посадил в него вымокшего детеныша. Девочка свернулась калачиком на подстилке из мха, которую я сделал, чтобы росомахам было уютно в пути из Стокгольма на север. Теперь надо было наполнить для Мальчика миски водой, жидкой кашей и мясом. Как только я вошел в дом, он учуял приставший ко мне запах испуганного зверя и отпрянул в сторону. Я не стал долго задерживаться в комнате — чего доброго, свяжет со мной сигнал опасности!

Когда я вернулся к «фольксвагену», самочка была вне себя от ярости. С хриплым рычанием она металась по кузову, испуская облачка едкого запаха. То ворошит подстилку, то бросается ко мне, норовит схватить руки, лежащие на баранке, вскочить на спину, цапнуть ноги. Ведя машину по извилистым и бугристым проселкам, я все время спокойно, дружелюбным тоном разговаривал с ней, как будто ничего не случилось. В конце концов она устала и улеглась на подстилке.

А затем до меня донесся звук, которого я не слышал ни до, ни после этого случая, — протяжный, жалобный… Она плакала, как плачут росомахи.

Немного погодя я подключился, попробовал имитировать ее голос — просто так, чтобы пополнить свою коллекцию новым звуком. К моему удивлению, Девочка тотчас подошла, внимательно посмотрела на меня и, продолжая скулить, села рядом. Куда девалась ее враждебность! За окном мелькали сосны, серой полосой стлался лишайник, а мы плакали вместе, вложив в это занятие всю росомашью тоску. Так продолжалось с полчаса. Говорят, женщин трудно понять; что же тогда говорить о девочках-росомахах… Мне было дозволено погладить ее, и наконец она уснула, утомленная тяжелыми и бурными переживаниями. Кажется, поверила, что меня можно считать другом и что я не меньше ее огорчен разлукой с третьим членом нашего товарищества.

Мы ехали долго, но в конце концов добрались до избушки в окрестностях Нос, о которой выше уже говорилось. Я ее как раз обнаружил, она двенадцать лет пустовала, и вид у нее был достаточно запущенный. Ничего, для нас, росомах, сойдет… Я постарался смыть с себя запах духов «Испуг», переоделся, снабдил Девочку едой и опять покатил к Сонфьеллет.

Мальчик встретил меня радостно. Он успел съесть все, что ему было оставлено, и, кроме того, изгрыз футляр от бинокля, но слегка нервничал. Как я ни мылся, пахучая весть, разумеется, дошла до его чувствительного носа, и он попытался выяснить, что же означает сигнал сестры, долго шарил по мне своим «пылесосом», однако в конце концов успокоился, как успокаиваешься перед лицом неразрешимой загадки.

Я отнес его в машину — Мальчик тотчас отреагировал грозным рычанием на резкий запах «Испуга», но, к счастью, не связал предупреждение со мной, и почти всю дорогу пролежал на соседнем сиденье.

Я уже отмечал, что росомахи любят резвиться. Но разве этим словом опишешь радостную беготню, а вернее, ураган, который разразился в тогда еще (слава богу!) не отремонтированной избушке, как только друзья по играм и потасовкам свиделись вновь! Долго сдерживаемая энергия требовала выхода. Будто весенний бурный поток метался по комнате, не щадя ничего, в том числе и меня. Они так беззастенчиво лазали по мне, что мое бренное тело покрылось множеством царапин, словно я свалился с дерева на колючую проволоку. Радость свидания не оставила в их душе места для обиды; вопреки моим ожиданиям им не понадобилось много времени, чтобы снова признать меня своим.

Дружба восстановилась, малыши были СЧАСТЛИВЫ — и я тоже!

По соседству с избушкой стоит совсем маленький домик с одной-единственной комнатой, его-то я и отвел росомахам. Забрал решеткой открытое окно, пол густо посыпал опилками, а сверху настелил свежий мох и веточки брусники. Вкатил бочку и наполнил ее водой, в каждом углу поставил бревно для лазанья. Пусть поживут здесь до начала нашего совместного странствия, которое пришлось пока отложить. Памятуя опыт с беркутом Педро и какая тогда поднялась шумиха, я после неудачного начала с приемышами понимал, что им нужен срок, чтобы окончательно привыкнуть ко мне, и случайное столкновение с испуганными людьми может повредить росомахам куда больше, чем принесет пользы предполагаемый фильм. Ведь у меня было задумано не бросать своих питомцев до тех пор, пока они не станут вполне самостоятельными.

Район Сонфьеялет казался мне наиболее подходящим, если бы не одно «но». Когда Эдор Бурман услышал, что я хочу совсем отпустить росомах, он стал умолять меня не делать этого. Дескать, в этом районе хищники очень хорошо уживаются с людьми — как бы ручные росомахи не учинили что-нибудь такое, что подорвет его многолетние старания привить местным жителям доверие к росомахе и другим зверям.

Обидно, однако я вполне его понимал и отказался от мысли поселить моих росомах в Сонфьеллет. Да ведь Швеция велика, и в Норрланде есть обширные районы, которые вполне подойдут для них.

Не мне первому пришло в голову странствовать с росомахами. Еще в 1954 году Петер Кротт, занимаясь своими исследованиями, бродил с ручными росомахами по Даларна, в чудесных диких лесах Эльвдалена. К сожалению, местные жители приняли в штыки эту затею, эксперимент пришлось прекратить, а газетная шумиха привела к тому, что дурная слава за росомахами еще больше укрепилась. Зная все это, я наметил, во-первых, упрочить узы между мной и росомахами (в том, что мне это удастся, я не сомневался), во-вторых, подыскать подходящее место для нашего странствия.

Горько писать об этом, но в Швеции — что тогда, что теперь — отношение к крупным хищникам такое, что вряд ли вообще найдется место для подобного эксперимента. Куда бы я ни ткнулся в то лето, всюду находился кто-нибудь, кого не устраивало соседство росомах. Даже жители Нос, с которыми у меня были самые добрые отношения, с опаской смотрели на моих квартирантов и не без робости допытывались, уверен ли я, что они не сбегут. Так что я не мог выводить приемышей хотя бы на

короткие прогулки. Люди боялись, что вид или запах зверя испугает коров. А под конец лета мне нанесли визит охотники — как бы не сорвалась охота на лося, ведь если он учует присутствие росомахи, непременно уйдет… Сразу скажу, что в ту осень, как и прежде, лоси не обошли своим вниманием яблони, которые стояли в пятнадцати метрах от росомашьего домика! Почему-то сад вокруг моей избушки больше всего притягивает лосей в разгар охотничьего сезона. Выходит, если бы росомахи и впрямь могли своими сигналами прогнать лосей с «нейтральной полосы», они только оказали бы услугу охотникам.

Впрочем, среди моих соседей нашлись двое — Берта и Альберт Эрикссоны, — которых росомахи вовсе не страшили. Они, как и большинство здешних жителей, очень интересуются животными и к тому же умеют с ними ладить. Вместе со мной Берта и Альберт спокойно входили в комнату к моих приемышам, которые поначалу, естественно, встречали их сдержанно, а потом только радовались, что есть еще с кем поиграть. Пользуясь добротой Эрикссонов, я спокойно мог оставлять своих питомцев, и в частности съездил в Лапландию, чтобы выяснить, нельзя ли там побродить с росомахами, да только, как я уже говорил, из этого, увы, ничего не вышло.

Я начал отчаиваться в успехе своего замысла вернуть росомахам свободу. Но как с ними быть? Я купил малышей с тем, чтобы спасти от заточения в зоопарке, — а чем их жизнь под моей опекой лучше?.. Тогда я достал материал на высокую, прочную изгородь и заручился разрешением компании «Стура Копперберготтородить просторный участок на ее территории. Но сам же отказался от этой затеи, так как понял, что выбирать надо одно из двух — либо полная воля, либо зоопарк. Без особой радости обратился я в Кольморден, о котором слышал, что это один из наиболее разумно и щедро спланированных зоопарков во всей Европе. Автор проекта Ульф Свенссон и его помощники Сири Исфорс и Сёрен Расмюссен показали мне свое хозяйство, и я остался очень доволен тем, что увидел. А еще больше тем, чего не увидел, — решеток и сетей. Просторные открытые территории не только производят выгодное впечатление на посетителя, они очень важны для самочувствия большинства обитателей зоопарка. Животные не свободны, но и не чувствуют себя узниками. Кольморден явно был лучшим пристанищем для зверей, потерявших свободу, поэтому я подарил своих приемышей этому зоопарку.

У меня сердце переворачивалось всякий раз, когда я подходил к росомашьему домику и видел, как Мальчик и Девочка висят на решетке и смотрят в окно на меня. А войдешь к ним —

полный восторг, и начинаются буйные игры. Вот самая любимая: цепляясь сильными когтями, молниеносно взберутся на бревно и «нападают», когда я прохожу внизу, притворяясь, будто не вижу их. По сути это та же игра, которой развлекается львенок, ловя мамин хвост, — будущий охотник учится добывать себе пищу. Растопырив лапы, росомахи прыгали вниз и впивались когтями в свитер, а следующую секунду жаркая пасть с великолепными желтоватыми зубами стискивала мою шею «смертельной» хваткой. Они могли без конца развлекаться этой игрой. Если перед тем они разгрызали крупные кости, я уже знал, что лучше быть настороже, потому что озорникам изменяло чувство меры. Но и тут прием, который я описывал выше, неизменно приводил их в чувство, так что сила укусов становилась терпимой.

После гимнастических игр росомахи больше всего любили есть и купаться. Ныряют в свою бочку, расплескивая воду во все стороны, потом — ко мне, и отряхиваются совсем по-собачьи, только брызги летят. А как они ели! Уж на что ласка поражала меня, рассекая зубами мясо, жилы и кости, но эти едоки работали похлеще. Кормил я их мясом, которое наши строгие законы не позволяют продавать людям; сюда входят и сбитые машинами лоси, и скот, погибший от несчастных случаев. Насытившись, мои зверята — странная повадка! — прятали мясо под камнями на дне бочки с водой. Видимо, горный ручей, ледяная вода которого не нагревается даже в знойные летние дни, служит росомахам самой надежной кладовкой и тайником. Ежедневно приемыши получали по три яйца и витаминизированное молоко. Возможно, именно поэтому мне казалось, что их чудесные шубки несравненно лучше шерсти других росомах, не говоря уж о том, что вам приходится видеть у скорняка. Гладишь шкуру по шерсти — холодная, словно стекло, против шерсти — теплая, как печь. Этот секретный патент природы помогает росомахам одинаково легко переносить и сильнейшие морозы, и самые жаркие дни в стране полуночного солнца. Я гордился отменной формой моих питомцев. Самец стал очень крупным; насколько мне известно, ни одна из убитых в Швеции росомах не достигала его веса — двадцать два с лишним килограмма. Уверен, в наших лесах приемышам никто не был бы страшен — никто, кроме человека.

Итак, круг замкнулся. Я попытался помочь двум животным избежать пожизненного заключения в зоопарке, но сам же оказался вынужденным поместить их в среду, которая, как бы ни старались ее совершенствовать, все равно есть всего лишь эрзац лесов, болот и гор, где всем нашим росомахам жить бы да поживать.

Наша стая в «Зеленом раю»

Следующий год я провел в условиях, прямо противоположных стуже и снегу росомашьих лесов. Не белые вершины, а одетые дождевым лесом горы Тринидада взирали на потного человека, сгибающегося под тяжестью штатива и камеры. Сколько раз я твердил, что в Швеции предостаточно интереснейших тем для съемки и исследований, что меня нисколько не тянет в другие края, а сам… И предстала моим глазам красочная феерия: танец жужжащих колибри вокруг желтых деревьев поуи и лаково-красных бессмертников, отливающие металлом якамары и синеспинные манакины в мрачном сумраке дебрей, и венец всего — полчища краснокрылых ибисов в голубом небе над манграми.

«Дикие дебри» стали ковром-самолетом, который перенес меня в тропики, куда я даже не мечтал попасть, — и уж во всяком случае, никак не ожидал, что впечатление окажется таким ярким. Фильм получил диплом четвертой степени и солидную денежную премию от Шведского киноинститута, и вместо того чтобы после шести лет съемок наконец-то зарыться в книги и завершить курсы ботаники и зоологии в университете, я нырял в изумрудные воды вокруг Тобаго и Бонайре и целый год смаковал тропический коктейль, без которого теперь почти не мыслю себе жизни. Но в каком бы уголке земного шара я ни находился, весной меня влечет на родину, зовут поющие дрозды, лесные зеркала озер, и это влечение, надеюсь, никогда не угаснет.

В Вест-Индии воздействие человека на природу чрезвычайно велико. На Тринидаде — по площади он примерно равен нашему озеру Венерн[15] — живет около миллиона человек, и хотя в горах еще сохранились нетронутые зеленые массивы, вред от браконьерства и других способов разорять природу огромен. Много месяцев выступал я в роли самозванного инспектора, в частности у охраняемых законом (на бумаге) гнездовий алых ибисов; в конце концов меня потянуло в совсем нетронутые, не испорченные человеком края. Сделав серию телефильмов с «островов красных птиц», Тринидада и Бонайре, я приступил к новой работе, теперь на материке. С 1967 по 1969 год моим местожительством были изумительные горы Кануку и область Рупунуни в Гайане. Совсем нетронутым этот край не назовешь, но сейчас покой его почти никем не нарушается. Нынешние индейцы не те, что были когда-то, они так далеко ушли от стародавнего образа жизни, что теперь попросту боятся «джунглей», особенно когда стемнеет. Они трудятся на скотоводческих ранчо Рупунунийской саванны и получают достаточно белков, так что нет нужды охотиться в лесах, где можно нарваться и на бушмейстера, и на ягуара. Понятно, для фауны это только благо. Когда сравниваешь мощные хоры ревунов в горах Кануку с

жалкими потугами жиденьких стай там, где обезьян косят вооруженные ружьями местные жители, ясно видишь, что даже первобытные племена, где бы они ни жили, получив современное оружие, становятся страшной угрозой для всего живого. Сказочное изобилие дичи в шведских лесах, от которого только тень осталась, наверное, было не сказкой, а реальностью, пока не распространилось огнестрельное оружие.

Понятно, охота — самый быстродействующий фактор в разрушении человеком исконных экологических систем, однако есть и другая, не менее серьезная опасность, о которой забывают, — огромный спрос стран цивилизованного мира на живой товар. Когда читаешь забавные описания Джеральда Даррелла, как происходит в тропиках отлов животных, многое остается за кадром. Любой индеец-охотник или другой житель диких тропических дебрей знает, что за молодое животное можно выручить больше, чем заработаешь многодневным трудом. От торговли шкурами страдают главным образом выдры и пятнистые кошки, а вот спрос на живой товар касается всех млекопитающих и множества птиц. Жуткие цифры этого спроса кажутся просто невероятными. В 1967 году, когда я начинал съемки в Гайане, только в США было ввезено — держитесь! — 74 304 диких млекопитающих и 203189 птиц (не считая попугаев). Рептилий — 405 134, амфибий — 137 697, рыб — свыше 27 миллионов! Большинство этих животных было вывезено из тропических областей, и цифры, повторяю, относятся только к США; мы можем лишь догадываться, сколько приобретают другие страны. Данные взяты из статьи Уильяма Конвея, директора зоопарка Бронкс в Нью-Йорке, председателя нью-йоркского Зоологического общества.

Как айсберг выставляет над водой малую часть своего объема так и эти цифры далеко не отражают, сколько всего животных извлекают из свойственной им среды, чтобы удовлетворить столь острый и вместе с тем столь несуразный потребительский интерес к экзотической фауне. Официальных цифр, вроде приведенных выше, нет, но я слышал от одного сотрудника Би-би-си, который разбирается в этих вопросах, что не более десяти процентов отловленных животных доходит живьем до заказчика. Перевозка требует немалых жертв. Уильям Конвей упоминает, что порой до семидесяти пяти процентов птиц, доставленных самолетом в Нью-Йорк, оказывались погибшими. А сколько испустило дух, пока поставщик готовил партию к отправке?! Путь от индейца, живущего где-то на притоке Ориноко или Амазонки, до поставщика обычно неблизкий.

Работая в Гайане, я насмотрелся страшных примеров

безобразного обращения с накопившимися у торговца животными. Вот один из них: полсотни насмерть перепуганных обезьян саймири жались в клетке площадью два квадратных метра. Высота — полметра! Животных, которые не доживали до отправки, выбрасывали в грязь на задний двор, где громоздились пустые клетки. Вездесущие злобные псы тотчас разрывали останки в клочья. Кстати, меню псов было достаточно разнообразным: носухи, ленивцы, муравьеды — все, что ловцы в дождевом лесу могли сохранить до приезда скупщика. Торговля животными была для него побочным занятием, на первом месте стояли фрукты и овощи, и он уделял им куда больше внимания, чем живым тварям, которых совал в тесные, грязные клетки. Хотя он был мне противен, — а его раздражала моя критика, — я стал постоянным покупателем и каждый раз, когда приходилось покидать мой «зеленый рай» в горах, чтобы из Джорджтауна отправить в Швецию снятые пленки, навещал ад четвероногих узников. Смех да и только: человек покупает животных, чтобы выпустить их на волю, вместо того чтобы ловить и продавать! Я охотно покупаю животных, но продавать — ни за что, для меня это равно работорговле. Либо выпущу в привычных им условиях, либо подарю людям, которые по-настоящему любят животных и располагают временем и опытом, чтобы за ними ухаживать.

В книге «Мой зеленый рай» я уже рассказывал о своих питомцах, но к этому рассказу есть что добавить.

Мне посчастливилось: во второй поездке меня сопровождал Дени Дюфо. Уже тогда он был известен как опытный оператор, однако безропотно мирился с тем, что я монополизировал работу с камерами. Для него главным было участвовать в увлекательном путешествии и познакомиться с природой, людьми и животными этого пленительнейшего уголка земного шара. У Дени Дюфо было много талантов, о которых он не упомянул в письме, где просил меня взять его с собой. Однажды мы вколачивали в ствол высоченного дерева толстые гвозди, чтобы была «лестница» до самой кроны. Потом сели передохнуть, и я заметил, что он, Дени, молодец, голова от высоты не кружится. На что Дени смиренно заметил, что площадка, с которой он прыгал, готовясь в парашютисты, была вдвое выше… В другой раз, когда мы спускались по реке и наша лодка пошла косо, я посоветовал Дени приналечь на весло. Он так же смиренно сообщил, что носит титул чемпиона Бретани по гребле на каноэ, и преподал мне весьма полезный урок, как надо работать веслом.

Среди многих достоинств Дени (были и недостатки, у кого их нет!) одно в этом случае было особенно ценным. Так же как Май, его жена-шведка, которая совсем девчонкой звонила в дверь

нашей квартиры на Хурнсгатан и робко просила разрешения пойти погулять с моей собакой, он очень любил животных. Надолго разлученные с родными, оба мы расточали свою нежность и заботу на ручных животных. На одних «ахах» и «охах» тут далеко не уедешь, простодушный восторг быстро выдыхается, но Дени был по-настоящему привязан к нашим питомцам. Ошибиться в выборе спутника легко — к сожалению, положительные и отрицательные качества обнаруживаются уже в поле, я в этом не раз убеждался. Годом позже в Джорджтауне мне случайно встретился такой тип, что хуже не придумаешь. Молодой человек уверял меня, что занимался зоологией в США и после года пребывания во Вьетнаме привычен и к тропикам, и ко всяким лишениям, однако я вскоре почувствовал в нем какую-то фальшь, а накануне нашего отъезда в горы Кануку выяснилось, что настоящая его цель — отлавливать животных и отправлять контрабандой по воздуху в США! (Интересно знать, насколько вырастут цифры, приведенные на странице 153, если учесть контрабанду!) Хорошо, что я вовремя в нем разобрался…

Уже в первую неделю в Рупунунийской саванне мы с Дени столкнулись с проблемой ручных животных. И правда, разве это не проблема, что наша маленькая подвижная экспедиция быстро стала стационарной из-за животных, которых нам поневоле пришлось взять на свое попечение!

Поневоле? Вот именно. Гостя у легендарного фермера Тайни Мактэрка и его жены Конни, мы в один из первых дней отправились на джипе в кочковатую степь и вскоре подъехали к небольшой индейской деревушке у подножия лесистых гор. В одной хижине резвился молодой пака — грызун, родич морской свинки, ростом равный зайцу. Он был совсем ручной, и дети забавлялись с ним.

— Индейцы спрашивают — может, купишь его? — сказал Тайни.

— С удовольствием, только на обратном пути, — ответил я. Не хотелось подвергать зверька тряске под жгучим солнцем, в изрытой броненосцами степи. Видно, индейцы меня не поняли: когда мы заехали снова, они уже съели паку, которого столько времени берегли, рассчитывая на приезд скупщика. Разумеется, после этого я покупал все, что мне предлагали. Но никогда не просил индейцев поймать какое-нибудь животное, это дало бы только повод устроить совершенно ненужную охоту.

Так, однажды наше внимание привлек маленький муравьед, который свернулся клубочком около старого пса, лежавшего в хижине на полу. А рядом с другой хижиной стоял привязанный кожаным ремнем олененок с большими влажными глазами. Он

принялся облизывать меня, как это часто делают ручные олени ради выделяемой потовыми железами соли, и, конечно же, я не мог устоять против обаяния этого Бэмби. А муравьедик живо вскарабкался на Дени, цепляясь огромными когтями. Это был детеныш большого муравьеда. Волосы Дени напоминали ему мамину шерсть, и пришлось моему товарищу, превозмогая боль, терпеть живой головной убор с косматым хвостом.

Эта «шляпа» стала удивительно ручной: отойдешь на несколько шагов — жалобно трубит или мычит. Большие муравьеды чрезвычайно близоруки, и когда мы подходили к детенышу, он поднимал переднюю лапу, принимая характерную для этого вида оборонительную позу. Взрослый муравьед может убить, дай ему только вцепиться десятисантиметровыми когтями, да и у малыша хватка была железная. Разыграется и сжимает «кулак» снова и снова — и мы быстро усвоили, что лучше держаться подальше от его когтей. Малыш должен крепко сидеть на спине матери, когда она мчится галопом по саванне, спасаясь от индейцев, которые просто так, забавы ради устраивают погоню и убивают жертву ударом палки по длинной морде.

Я так и не смог рассмотреть, как именно самка кормит своего отпрыска, хотя целый день под палящим солнцем следовал за мамашей с малышом. Вытянутая в трубку морда животного заканчивается поразительно маленьким ртом, из которого у взрослого муравьеда высовывается клейкий, как липкая бумага, длиннющий язык. Взломает мощными когтями термитник, сунет морду в какой-нибудь из ходов и начнет работать языком, словно поршнем. В здешнем краю, богатом термитниками, такая специализация вполне оправдывает себя, взрослый муравьед достигает двух метров в длину от кончика хвоста до ротового отверстия величиной с монетку.

Немалых трудов стоило нам заставить тощенького Анте (от английского слова ant, означающего «муравей») сосать молоко. Вдруг молоко попало не туда, Анте чихнул и обдал мелкими брызгами себя, меня и Дени. В конце концов это причудливое творение природы все же научилось, окунув всю морду в миску, высасывать молоко — совсем как любитель коктейлей тянет напиток через соломинку. Правда, на первых порах нам пришлось поволноваться. Молоко было порошковое, и, наверно, состав его сильно отличался от рецепта, которым пользовалась мама-муравьед. Помет Анте становился все более густым, а это для всех молодых млекопитающих чревато неприятностями. И как я ни массировал область вокруг анального отверстия влажной кисточкой, дело кончилось полным запором.

В тот день, когда старая «летающая крепость» Гайанского

аэрофлота приземлилась на краю ранчо Мактэрка и мы погрузились вместе с нашим багажом, бедный Анте сидел у меня на руках и отчаянно отбивался, напуганный гулом. Мы с Дени глядели в окошко на Тайни и на индейцев, я махал им, насколько мне позволял беспокойный царапун, а Дени что-то кричал, и я уже хотел заметить, что вряд ли наши друзья слышат его сквозь рев мотора, но тут обоняние помогло мне понять, что мой товарищ вовсе не прощается по-английски, а что-то сообщает мне на чистейшем шведском языке… Перетрусивший муравьед, приподняв косматый хвост, старательно обрызгал нам обоим брюки бурой кашицей. Ничего — главное, коварный запор прекратился, пусть и не очень вовремя.

Когда мы наконец обосновались у небольшого водопада вблизи Ариваитава («гора ветров» на языке местных индейцев), число наших питомцев выросло с двух до восьми. К муравьеду и олененку прибавились паукообразная обезьяна с длинной чернущей шерстью, добродушный пекари, два детеныша крупнейшего в мире грызуна капибары, оба с такими глупыми рожами, что мы их прозвали Хумле и Думле, и еще один «великан» — гигантская выдра, тоже совсем еще юная, так что размерами нас пока поражала только ее пасть. Вся эта компания перебралась потом с нами и в базовый лагерь № 2, который мы назвали «райские водопады», несказанно красивый уголок природы на берегах прозрачнейшей речушки, неподалеку от Моко-моко — деревушки макуси, расположенной у другого отрога Кануку.

Судьба паукообразной обезьяны в общем-то складывалась так же, как нередко складывается судьба обезьяньих детенышей. Волей человека она была оторвана от родной стаи. Попробую рассказать обо всем так, как это представлялось ей с высоты могучих деревьев на горном склоне над зеленой долиной среди таких же зеленых вершин.

Первые недели после рождения сознание ее дремало, но постепенно в мозгу начали закрепляться впечатления об окружающем. Мамаша была такая же черная, как она сама, с большими ясными глазами. И еще было много созданий, похожих на мать. Обычная стая паукообразных, человек насчитал бы в ней десять-двенадцать особей. С рассветом, дождавшись, когда над кронами отзвучит разноголосый хор, стая начинала свое странствие сквозь зеленый полог. Все обезьяны, даже матери с детенышами, передвигались легко и стремительно. Длинные косматые руки и сильный хвост работали с замечательной согласованностью, плавно перенося мать и дитя с дерева на дерево. Мамаша часто останавливалась, чтобы поесть желтых

плодов. Они висели на деревьях у прозрачного ручья, который то порывисто мчался вперед, то словно делал передышку, совсем как обезьянья стая. Иногда мать ела красные плоды с орешком на конце. На таких деревьях стая задерживалась. Перепробуют все плоды, что получше — съедят, что похуже — бросят, проявляя типичное для обезьян (и для человека) расточительство. Забракованное обезьянами подбирали на земле другие, ведь в составляющей первобытный лес системе растения — животные ничто не пропадает.

Иногда мать вся напрягалась. Кто-то из стаи издавал резкий звук, остальные подхватывали его, и все стремглав бросались наутек, в чащу, быстро-быстро работая руками, ногами и хвостом. В воздухе над ними парило что-то большое — птица с огромными крыльями. Малышка отчаянно цеплялась за мать, чтобы не свалиться во время бешеной гонки. Орел-обезьяноед, или гарпия, как называем эту птицу мы, европейцы, не отказывается даже от такой крупной добычи, как молодые паукообразные обезьяны, но нападает только тогда, когда случай удобный — какой-нибудь малыш чересчур удалился от взрослых. А не представится такого случая — продолжает свой стремительный полет, ведь охотничья территория орла простирается на десятки километров.

Малышка узнавала, кого надо опасаться, по реакциям других членов стаи на оцелота или на молодого ягуара, способного ночью взобраться на дерево. Спала она чутко, как все животные, как всякий, кто спит в лесу. Научилась прислушиваться к шорохам на земле и в листве, различая опасные и неопасные, — и здесь примером служили реакции матери и остальных обезьян. Во мраке она старалась прижаться покрепче к теплому телу матери — так надежнее…

Однажды утром, когда стая лущила большие стручки на высоком дереве и створки с шелестом сыпались на землю, внезапно раздался громкий-прегромкий звук, не похожий на все, что малышка слышала прежде. Что-то обожгло руку, мать вздрогнула, напряглась, как в судороге, потом обмякла и сорвалась вниз. Пролетела немного… зацепилась хвостом… но хвост не удержал ее… Ударяясь о ветки, обе упали на землю.

Нет стр 159–162

ные о зоологическом импорте США, — что-то вдруг зашуршало в кустах на берегу реки, я прибег к испытанному трюку, изобразил предсмертный писк стиснутой зубами хищника водяной крысы, и тотчас из кустов появилась норка, посмотрела, прислушалась, подбежала ближе и села в каких-нибудь трех

метрах, пытливо глядя на меня. До чего хорош был этот искусный охотник и рыболов! Я сразу простил ему, что вокруг Малого острова почти совсем перевелись раки. Норка заменила своего родича — в норе на Каменном острове, под камнем у самой воды прежде жила выдра.

Нежное чувство, которое я в свое время испытывал к Лене, возродилось с удесятеренной силой, когда я стал приемным отцом Отто Уттермана. Мы называли его еще Виа. А впрочем, вернее писать Виа!!! Потому что громкость крика этого зверя под стать его размерам — вместе с плоским, как у бобра, хвостом гигантская выдра достигает в длину двух метров. «Виа!!!» — кричал мой питомец, как только в животе освобождалось немного места. Кто считает росомаху главным обжорой среди куньих, тот не видел гигантскую выдру во время трапезы, то есть в 5.30, 5.47, 6.03, 6.19, 6.34, 6.51 и так далее до самого вечера, с небольшими перерывами.

Правда, когда мы заполучили Виа, он только лопать и был горазд. Тельце — совсем тощее, зато несоразмерно крупная голова позволяла догадываться, что будет лихой едок. К счастью, он попал к нам, когда мы гостили у Мактэрка. В заливе с широкими — в полтора метра — круглыми листьями гигантской кувшинки *Victoria regia* (как видите, в этом краю все огромно — здесь живут самый большой грызун, муравьед, выдра, змея и т. д.) можно было увидеть лодку с двумя индейцами. А там, где плавали белые цветки величиной с детскую голову, по воде иногда разбегались круги, как от удара веслом. Совершенно верно, это лениво взмахивала хвостом самая большая в мире пресноводная рыба арапаима. Она теперь охраняется законом, индейцам строго-настрого запретили ее убивать, но я до сих пор не возьму в толк, как они ухитрялись в мутной воде распознавать несколько меньшую араванну. Как бы то ни было, с тетивы срывалась 170-сантиметровая стрела — и вот уже Виа, сама в три раза меньше рыбины, получает солидную порцию.

В реке около наших базовых лагерей араванны не водились, самые крупные рыбы достигали всего тридцати-сорока сантиметров, и крикливый обжора то и дело вынуждал нас выполнять роль рыболовов. Вот когда пригодилось охотничье ружье, взятое нами главным образом для того, чтобы все видели, что мы вооружены. Приметишь идущий мимо большого камня косячок — стреляй в этот камень ниже уровня воды и подбирай пять-шесть оглушенных рыб. Пока пасть Виа была занята, отдыхали ваши уши, оглушенные его голосом.

Бели бы не Франсиско и Хуан, у нас и минуты не осталось бы на съемки. Они братья, бразильцы с доброй примесью индейской

крови, и чего не знает Франсиско о рыбной ловле в местных реках, можно записать на почтовой марке и забыть. Чуть больше года назад поселился он с женой и двумя сынишками в хижине у водопада, а уже Гак здорово изучил, где и когда ловить рыбу, что мы были готовы считать его родичем Посейдона. То прямо руками хватает рыбу на перекате, а то, вооружившись луком и стрелой, крадется вдоль реки. Появился косяк — в девяноста случаях из ста стрела, выпущенная с восьми-десяти метров, проткнув насквозь рыбу величиной с сельдь, прижимает ее к песчаному дну. В жизни не видел более меткого рыболова — и за все время в Гайане я не встречал более душевного, приветливого человека.

Пасть Виа была вместительна, как мусоропровод, и мало-помалу зверек набирал вес. Интересно, что поначалу вода его не манила, пришлось нам приучать выдру к водной среде. Впрочем, несколько дней оказалось достаточно, чтобы Виа стал завзятым пловцом. Вечером мы старались удерживать его от водной эквилибристики, а так как гигантская выдра в отличие от других выдр дневное животное и ночью спит, это было не очень трудно — к счастью для нас, ведь Виа предпочитал спать в гамаке у меня или у Дени. Гамак, на мой взгляд, непревзойденное ложе для сна. Важнейшим изобретением Старого Света, которое позволило человеку работать намного эффективнее, считается колесо. Изобретение Нового Света — гамак, который позволяет гораздо лучше отдыхать, — нисколько не хуже; еще не известно, что важнее в наш век стрессов. Так вот, стоило нам лечь и погасить керосиновую лампу, как дружное стрекотание насекомых перебивал знакомый голос, это Виа давал знать, кого из нас двоих он будет ночью выталкивать из гамака. Положит голову вам на плечо и засыпает. Псы часто видят сны, и наш «водяной пес», как называют этих животных в Гайане, не был исключением. Хочешь не хочешь, дели с ним его переживания! И без специальной подготовки в толковании снов было очевидно, что в мозговых извилинах Виа мелькали картины стремительной погони за рыбой. Длинный веслообразный хвост хлестал нас, перепончатые лапы работали, будто винт. Постепенно мы с этим свыклись и были даже рады живой грелке — ночью здесь удивительно холодно.

Как это бывало у меня прежде с лисами, росомахами и многими другими млекопитающими, телесный контакт сделал Виа поразительно ручным. Может быть, мои попытки «говорить» с ним на языке его вида обеспечили мне особую привязанность Виа, хотя больше всех с ним возился Дени. Я ведь часами просиживал в укрытиях, бродил по лесу с камерой или рекордером, а то и

вовсе уезжал в Джорджтаун, чтобы отправить домой экспонированную пленку. Начинаю собираться в путь — Виа волнуется и ходит за мной по пятам, пока я не сяду в ожидающий на краю саванны джип. Это страшное, рокочущее существо он ненавидел и предпочитал держаться от него подальше.

А вернусь из города — как он радуется! Да и я тоже рад. Подниму Виа на руки, он мотает головой и «хакает» с приоткрытой пастью, не помня себя от счастья. Ни одно из моих ручных животных не было мне так мило, и я очень понимаю Максвелла: «…не могу вспомнить без боли…»

Скоро стало ясно, что о возвращении Виа в общество сородичей не может быть и речи, слишком велика угроза со стороны охотников за пушниной, простодушное доверие к человеку быстро подведет его под стрелу или заряд дроби. А вообще-то Виа вполне мог бы поладить со своими. Однажды, возвратившись после недельного пребывания в столице, я заметил явственную перемену. Он и прежде был быстрым в играх, теперь же двигался сверхстремительно, нырял и кружил около меня с невиданной доселе скоростью. Франсиско рассказал, что Виа играл с другой гигантской выдрой, а значит, обрел для водных игр куда лучшего партнера, чем такие медлительные пловцы, как мы с Дени. Год спустя один индеец подстрелил гигантскую выдру в какой-нибудь сотне метров от того места, где мы любили нырять с дыхательными трубками. Наверно, это был тот самый зверь, вместе с которым резвился Виа.

Время шло, Виа и прочие зверушки подрастали, вот уже и рождество, а у нас тридцатиградусная жара, порхают трогоны и колибри! Мы далеко от родных — и от сумасшедшей магазинной чехарды, непременно сопровождающей этот праздник в Швеции. Надо было отправить поздравительные открытки нашим дражайшим половинам. Я установил фотокамеру с длинным шнуром и резиновой грушей: нажмешь, и срабатывает спуск. Мы с Дени сели у «рождественского» стола, ничем не отличавшегося от обычного, на спинке стула позади меня пристроился тукан, Виа взобрался на колени. Я показал ему грушу, Виа живо схватил ее, сработала фотовспышка, щелкнул затвор — готово! И не так-то плохо для новичка, убедитесь сами. Автор снимка: Отто Уттерман, он же Виа.

Челюсти его становились все более внушительными, и, глядя на желтоватые крепкие зубы, я вспоминал своих росомах. Разозлись Виа, шутя мог бы отхватить нам пальцы, но он нас никогда не кусал. Хотя попробуй мы прикоснуться к нему или к его рыбе, когда он поглощал очередную порцию, наверное, цапнул бы. С рыбой в зубах Виа преображался быстрее и

интенсивнее любого оборотня из фильмов-ужасов. Крутится, как юла, и ворчит, словно подвесной мотор на крутой волне, — яркая демонстрация силы и собственнических чувств.

Однажды я отправился за провиантом в небольшое селение Летем у бразильской границы. Самолеты поставляют сюда пассажиров и забирают мясо для столицы. В числе новоприбывших была очередная группа туристов, направляющихся в Рупунуни. Когда руководительница группы увидела меня в магазине, его владелец Джеф Ломас уже успел рассказать ей про наших ручных животных, и она загорелась идеей включить господина Л. и его диких друзей в число изучаемых объектов. Я отлично понимал, чем такой визит угрожает нашему тихому зеленому мирку под горой, а потому вежливо, но решительно сказал, что мы не можем принять гостей. Однако вежливость в таких случаях воспринимается как красная ковровая дорожка, и уже на следующий день в наш лагерь явилось несколько туристов.

Я взял Виа на руки, показал его длинные, как у пумы, клыки, и предупредил, что не могу отвечать за последствия, если у него или еще какого-нибудь из моих зверей испортится настроение. Пока гости испуганно озирались по сторонам, я незаметно бросил рыбку нашему гурману. Преображение было, как всегда, мгновенным и весьма выразительным. Гости вдруг предпочли заняться бегом ради здоровья, и больше мы их не видели.

В числе «зверюг», бродивших по нашему лагерю, был представитель «самых опасных животных Южной Америки» — тот самый маленький пекари, который играл роль матери для Киккан, когда мы ее впервые увидели. Как и все представители этого рода, он очень четко представлял себе, в какой последовательности надлежит обслуживать сидящих за столом, и чем старше становился, тем решительнее призывал всех к порядку. Когда же не надо было спорить из-за еды, не было на свете более кроткого существа. Он всюду трусил за нами, ласково похрюкивая, и страшно любил, когда ему чесали обросшую серой щетиной спинку. К сожалению, запах от железы на задней части спины был таким резким, что долго тешить Куш-Куша мы не могли, потребность в свежем воздухе брала верх. Железа эта выделяет желтоватый секрет, который для пекари, видимо, то же, что для людей одеколон. Куш-Куш относился к ошейниковым пекари, от затылка вниз под горло спускалась светлая полоса. Стадо этих животных редко насчитывает более десяти особей, так что вид совсем не так уж опасен. Иное дело более крупные белобородые пекари, они образуют стада по сто и более животных, к тому же вооруженных грозными изогну-

Нет стр 167–172

Когда солнце поднималось высоко над зеленым пологом, я обычно брал камеру для подводной съемки, и мы — Дени, я и выдра — плавали в рыбных заводях. Около лагеря Бруно и Бранку исполняли водный балет, чередуя надводные па с подводными. Капибары что-то грызли в прибрежных зарослях; в ветвях над ними предавались акробатике цепкохвостые паукообразные обезьяны; на земле три муравьеда изучали разветвленные ходы муравьев-листорезов. По-моему, нашим питомцам жилось хорошо — насколько может быть хорошо животным, разлученным с сородичами.

На фоне этого вольного сообщества бросался в глаза орел, привязанный к столбику. Какой контраст к описанному выше! Но позвольте объяснить, откуда появился узник.

Вскоре после рождества в нашем первом базовом лагере мы с Дени, к великому огорчению Виа, сели на ненавистный джип и куда-то укатили. Франсиско и его брат взяли на себя заботу о зверятах, пока мы знакомились с Даданавой — огромным ранчо в саванне, в одном дне езды от лагеря. Управляющим ранчо был тогда Стенли Брук, ныне известный сотрудник американского телевидения. Он держал трех представителей кошачьих — ягуара, пуму и оцелота. Хотя эти звери водились около нашей базы, я успел убедиться, что пытаться снять их в диком состоянии безнадежно, а потому договорился, что буду платить сто гайанских долларов в день и попытаю счастья с ручными животными. Почему «попытаю счастья»? Да потому, что пума признавала только Стенли, а когда на ранчо приезжали кинооператоры, удирала в лес. Я устроил два тайника у водопоя и получил кадры, которыми очень доволен.

Так вот, кроме кошек, у Стенли было два орла. Он приручил их и держал во дворе, где они были привязаны каждый к своему столбику. Один из них, что покрупнее, — гарпия, самый сильный орел в мире, с огромными лапами и когтями, — даже перелетал со столбика на руку хозяина, защищенную толстой кожаной рукавицей. Орел поменьше еще не смог преодолеть свой страх перед человеком. По словам Стенли, этот орел был подранен одним индейцем, но выжил. Американец думал, что покупает гарпию, а оказалось, что это чрезвычайно редкий гвианский хохлатый орел. Стенли задумал совершить турне по США с обоими орлами и с фильмами, которые он снял в Гайане. Чтобы публика своими ушами слышала взмахи могучих крыльев, орлы должны будут пролетать через всю аудиторию и садиться на руку лектора… Именно так другой американец, Джим Фаулер,

использовал орлов, которых десятью годами раньше поймал сетью около гнезда менее чем в часе ходьбы от ваших «райских водопадов».

Туго приходится орлам в областях, населенных индейцами. Их перья исстари применяют для стрел как рули. Достаточно жесткие перья можно получить также от краксов, представителей отряда куриных. Казалось бы, теперь, когда большинство индейцев обзавелись ружьями, спрос на орлиные перья должен понизиться. Увы, дело обстоит как раз наоборот. Индейцам нужны патроны, посуда, рыболовные крючки, ножи, топоры и прочее, а продавать перья через миссионеров — выгодная статья дохода. На аэродромах Гайаны и Суринама часто видишь туристов, которые приобрели настоящий индейский лук со стрелами — и стрелы украшены орлиными перьями.

В глухом уголке Суринама, по соседству с деревушкой Алалапару, куда я позже отправился, надеясь снять, как гарпия кормит птенцов, нашлось всего одно обитаемое гнездо (к сожалению, птенец уже оперился) и восемь разоренных. Во многих индейских хижинах, чьи обитатели прилежно изготовляли стрелы, можно было видеть воткнутые в крышу пучки орлиных перьев, а то и целое крыло. Под конец моего пребывания было убито еще три орла — очевидно, индейцы добрались до девятого гнезда… Хохлатый орел, которого я увидел у Стенли, оказался удачливее, рана была не смертельной, и охотник, прослышав, что управляющий Даданавы готов хорошо заплатить за живую птицу, не замедлил доставить ему свою добычу.

Я попросил у Стенли разрешения использовать орла на съемках в нормальной для него горной среде. Получил согласие, внес плату за три дня и обязался заплатить еще шестьсот долларов, если орел, не дай бог, улетит. Затем Дени, орел и я поехали обратно к хижине у водопада.

Родина орла находилась как раз в горах над нами. Если он прежде благополучно существовал здесь, значит и теперь сумеет вернуться к вольной жизни. Я поснимал и отпустил его на волю. Сначала он никак не мог поверить, что очутился на свободе, затем стал перелетать с ветки на ветку все выше и выше, добрался до макушек, осмотрелся, расправил крылья и пропал из виду.

Через три месяца, едва мы обосновались у «райских водопадов», я услышал, будто бы за неделю до нашего приезда один индеец поймал орла. Я поспешил в селение — в самом деле, в клетке сидел орел. Индеец застал его с добычей в кустах на опушке леса, подкрался и схватил руками. Только ручного орла, не опасающегося людей, можно так поймать. Это был тот самый хохлатый орел, которого я выпустил на волю в горах. Пытаясь

вырваться из клетки, он помял все оперение, обломал рулевые и маховые перья и уже не мог как следует летать, преследовать добычу.

Неужели все попытки возвратить орлов к вольной жизни обречены на провал? Испанский беркут Педро не смог приспособиться — и тут тоже неудача… Нет, не буду сдаваться! Я решил настоять на своем. И настоял.

Выкупив орла, я посадил его в лагере на привязь. Во-первых, ему надо было сменить оперение, чтобы вести самостоятельную жизнь, во-вторых, он пытался схватить Киккан и чуть не преуспел.

За три месяца на свободе орел успел одичать, а неделя в клетке, где люди и собаки не давали ему покоя, привела к тому, что он проникся недобрыми чувствами к человеку. И это было бы очень кстати, если бы я мог тотчас отпустить орла, — впредь его не взяли бы голыми руками. Но бедняге предстояло провести в заточении еще месяца два, пока будут отрастать перья, и повседневные конфликты с нами обернулись бы затяжной пыткой, поэтому я сразу начал его приручать. А уж напоследок, перед тем как выпустить, хорошенько напугаю его, чтобы раз и навсегда утратил всякое доверие к людям.

Я уже говорил, что телесное общение представляется мне главным средством, если вы хотите, чтобы млекопитающее признало вас сородичем. И что ключ к взаимопониманию у птиц — кормление из клюва в клюв.

Я и теперь следовал этому принципу, хотя птица была покрупнее, чем Стар, зарянка и другие пернатые, которые много лет назад гостили зиму в моей детской комнате. На то, чтобы приучить к этой процедуре хохлатого орла, ушло немало времени, но ведь пернатые супруги рано или поздно налаживают контакт, так и мне в конце концов удалось одолеть сопротивление. Всякий раз я начинал со звука, который издает орел в часы трапез, затем клал мелко изрубленный корм к ногам моего питомца. Постепенно он стал брать корм из рук, как его когда-то учил Стенли. И наконец, волнующая минута — вместо того чтобы держать кусок мяса в руке, я зажал его в губах и медленно приблизил лицо к голове орла. Клюв не так опасен, но испуганная птица может мгновенно выбросить лапу и вонзить вам в горло четыре мощных когтя. Готовый в любую секунду отпрянуть назад, я пристально смотрел в глаза орлу, стараясь угадать его настроение. А он явно колебался, раза два-три слегка топорщил хохолок на затылке. Я медленно приблизился еще на несколько сантиметров и замер в положении, которое занимает орлица, когда кормит птенца в гнезде. Голова орла подалась мне навстречу, он крикнул так же, как кричал в детстве, приоткрыл

клюв и осторожно, точно пинцетом, взял мясо из моего… нет, конечно, не клюва, а рта.

Лед тронулся, после этого орел перестал глядеть на нас с ужасом.

Наша жизнь у «райских водопадов» была поистине райской. Я знал, что с началом дождливого сезона нам придется покинуть это место. И так как нас заверили, что дожди продлятся до середины мая, мы изо всех сил старались завершить съемки, прежде чем ливни закроют ворота в эдем. А как быть с животными? Проблема немаловажная… Джеф Ломас обещал забросить обезьянку и капибар к Франсиско — будут жить, как и пекари, на воле, но все же под присмотром. А вот тапиров, особенно белого, там оставлять нельзя. Капибары, пекари, паукообразные обезьяны и гигантская выдра от природы стайные животные, именно поэтому мы с Дени, а также Франсиско могли заменить им вожаков. А тапиры — индивидуалисты, склонны ходить сами по себе. Их так и тянуло забрести неведомо куда, причем вечером, когда такие вылазки всего опаснее, и мы даже соорудили для них загон, чтобы не попали в беду ночью. Да и в самые светлые часы дня тоже: альбинос Бранку был чрезвычайно чувствителен к солнечным лучам. Полчаса под солнцем — и уже весь красный. Избыточное облучение могло его убить. И ведь светлому тапиру, как я уже говорил, труднее укрыться от глаз ягуара, чем обычному.

Словом, для тапиров я видел только одно решение — передать их в Джорджтаунский зоопарк. А вместе с ними и Виа, не то погибнет выдра от руки какого-нибудь охотника за пушниной в том самом краю, где она могла бы благополучно здравствовать, не будь такой угрозы.

Однако мои звери так и не попали в Джорджтаунский зоопарк. Случай, который произошел со Стенли Бруком, вернее с его пумой и оцелотом, заставил меня передумать. Через несколько месяцев после нашего визита Стенли оставил должность управляющего ранчо и подписал контракт с одной американской телевизионной компанией. Дело в том, что с виду Стенли настоящий Тарзан, и не только с виду — годы нелегкого труда в тропиках закалили его, и в дебрях он ориентируется не хуже любого индейца. К тому же Стенли, сами понимаете, основательно изучил животных Южной Америки, как диких, так и ручных. Покидая ранчо, он договорился, что ягуар, оцелот и пума переедут в упомянутый зоопарк. Пума и оцелот росли вместе, поэтому их поместили в одной клетке. И вот я с удивлением услышал, что оцелот убил пуму! Меньшая кошка перегрызла глотку большей.

Я мог представить себе только одну причину: плохой уход и скудный корм. Посещая Джорджтаунский зоопарк, я однажды обратил внимание на двух молодых львов — тощие, рахитичные, смотреть больно… Видимо, когда изголодавшимся новичкам из Даданавы наконец дали мяса, более крупная пума оттолкнула оцелота и набросилась на корм, а пока она ела, оцелот воспользовался случаем, впился ей в глотку зубами и разорвал шейную артерию.

А белому тапиру, как я уже сказал, даже яркий солнечный свет был опасен. Для обычного тапира несколько часов под тропическим солнцем — ничто, для Бранку это была бы верная смерть. Малейшая небрежность, как в случае с оцелотом и пумой, и бедняга погибнет в страшных муках. Естественно, услышав о печальной судьбе пумы, я не решился доверить Бруно и Бранку Джорджтаунскому зоопарку.

Да я и не считал тогда эту проблему первоочередной. Каждый день был расписан по часам, мы спешили завершить все съемки и звукозаписи за месяц, оставшийся до сезона дождей. В горах осадки выпадают и в разгар засушливого сезона, не обошлось и у нас без кратковременных дождей, но тут же снова устанавливалась солнечная погода.

Зацвели деревья поуи, а я уже знал, что это знак приближения ливней. Небо над нашей долиной то и дело заволакивала серая пелена. Во время очередной поездки в саванну я увидел выползающие из-за гребня свинцовые тучи и когда вернулся в лагерь, было темно, как вечером. По словам индейцев, до начала затяжных ливней должны были еще пройти небольшие дожди. Я решил, пока стоит пасмурная погода, съездить в Джорджтаун, отправить в Швецию экспонированную пленку, и приступил к сборам. К ночи вдали начало громыхать, пошел дождь. Как всегда, когда предстояло покинуть лагерь на несколько дней, у меня хватало забот. Я сел писать памятку, что надо сделать и что захватить из города. Индеец Вильям — один из моих помощников — и Дени уже уснули в своих гамаках; между тем дождь лил все сильнее. Обожаю тропическую грозу, буйный разгул стихий, — а эта гроза превосходила все, что я когда-либо видел, бело-голубые молнии сверкали все чаще, и удары грома почти не отставали от них. Центр грозы был как раз над нами. Я пробежал к загону, куда мы помещали на ночь Бруно и Бранку, проверил навес из пальмовых листьев. Тапиры, понятно, бодрствовали — они ночные животные, — и Бруно отозвался на мой сигнал радостным свистом. Им явно нравилась такая погода, ведь тапиры отлично чувствуют себя в воде.

Виа сладко спал, устроившись поверх трех муравьедов,

которые свернулись клубочком в открытой картонной коробке. Киккан примостилась под потолком, обхватив балку хвостом и руками, капибары лежали на дощатом полу в позе сфинкса. Я записал на магнитофон великолепную симфонию грозы, уложил в чемодан около восьмидесяти отснятых пленок и уже в три часа ночи, вконец измотанный, забрался в гамак и сразу погрузился в сон.

Как я говорил, хижина наша стояла в нескольких метрах выше речки. Прошедшие дожди прибавили воды, но уровень поднялся от силы на два десятка сантиметров. В эту ночь ситуация резко изменилась. На горы обрушился сильнейший ливень, потоки воды смывали со склонов листья, ветви, мелкий бурелом, где-то выше по течению все это перехватили поваленные ветром стволы, и получилась естественная запруда, которую стремительно заполняла мутная вода. Ниже запруды дождь мало повлиял на течение, и в конце длинной котловины, где располагался наш лагерь, уровень воды возрос лишь немного, в чем я при свете молний успел убедиться перед сном. Естественно, я не подозревал, что делается выше, и только потом смог догадаться о причине всего, что произошло — произошло внезапно, вскоре после того, как я заснул.

Очевидно, запруда не выдержала напора, и могучий поток воды хлынул в долину. Вода в речке начала быстро прибывать, и когда мы проснулись, оказалось, что за полтора часа уровень поднялся больше чем на четыре метра. Капибары и выдра, должно быть, поначалу были только рады этому, но длинношерстные муравьеды испугались бурных струй и полезли на гамак Дени, это его и разбудило.

Дени окликнул меня, и я соскочил с гамака прямо в холодную воду — отличное средство быстро прогнать сон. Яркие молнии освещали жуткую картину. Около хижины медленно кружил водоворот. Чемоданы с камерами и рекордерами наполовину утонули в грязной жиже, где одежда перемешалась с посудой. Капибары и выдра растерянно плескались в воде, в гамак Дени вцепились три насмерть перепуганных муравьеда. Окруженный со всех сторон водой, на стуле стоял чемодан, который я два часа назад набил отснятыми пленками! Он, одна кинокамера да магнитофон, на котором я записывал грозу, были единственными предметами, которые еще не успели намокнуть. Мы с Дени поспешили подвесить их к потолку, потом я заметил, что об изгородь колотится что-то белое — холодильник с неотснятыми пленками. Я принялся затаскивать его внутрь, а Дени не то вброд, не то вплавь направился к тапирам. Я крикнул, чтобы он подождал меня, однако мой голос потонул в гуле дождя,

реки и ветра. Дени схватил отбивающегося Бранку, втащил на ограду, но не удержал. Бедняга шлепнулся в воду и пропал в бурлящем потоке, который с бешеной скоростью нес мимо нас сломанные деревья. Прощай, Бранку… Я не допускал и мысли, что он может выжить.

Наше райское существование разом превратилось в кошмар. Почти вся аппаратура была испорчена. Но животные уцелели — и тапиры в том числе. На следующий день Атти нашел Бранку, а Бруно сам выбрался из загона и через некоторое время пришел в лагерь.

От эдема ничего не осталось. Водяной вал смял растительность, и мрачная картина усугублялась непрекращающимися дождями. Будущее тоже рисовалось мне в мрачном свете. Придется поручить зверей другим, а самому лететь в Швецию, спасать, что еще можно спасти из отсыревшей аппаратуры. Потом вернусь и продолжу работу, но уже без Дени — ему через два месяца надо уезжать.

Как только спала вода и появилась возможность добраться до Моко-моко, я покинул лагерь.

Возвращаясь в Гайану из Швеции, я сделал остановку на Тринидаде, куда успел перебраться Дени. Бедняга — сразу после моего отъезда он попал в район, который я, что называется, занес в черный список. Именно там я, впервые приехав в Южную Америку, подцепил отвратительную вирусную лихорадку, возбудитель которой переносится насекомыми. И надо было случиться так, что один индеец завел Дени в те же самые места. Разумеется, проклятая лихорадка пристала и к моему товарищу. Пять дней она мотала из него душу, в конце концов оп оправился, но был скелет скелетом, когда явился в Джорджтаун, к моим друзьям Коллвеям. Он привез с собой Виа и попросил директора зоопарка приютить нашего питомца. Да только директора ничуть не интересовала гигантская выдра, то ли дело хохлатый орел, не говоря уже о белом тапире! Однако Бранку был уже устроен. Джеф Ломас и его жена-Коломбина замечательно относятся к животным, и наши тапиры отлично чувствовали себя в маленьком саду за магазином Джефа.

Дени связался с Тринидадским зоопарком, там согласились принять выдру, и вместе с ней он благополучно прибыл в «Страну колибри», как иногда называют Тринидад.

Свидание с Виа было отрадным, а расставание до того горьким, но трудно даже описать. Завидев меня, Виа от радости громко закричал и начал извиваться. Такое проявление чувств тронуло меня до глубины души. Я вошел к нему в загон с бассейном 5X5 метров, и Виа явно подумал, что мы вместе

вернемся к «райским водопадам». Увы, это было невозможно. Километровый вал ила грязи отделял наш бывший лагерь от проезжей дороги, и дожди без конца затопляли когда-то столь уютную площадку. К тому же директор Тринидадского зоопарка взялся осуществить сложную таможенную процедуру только потому, что посчитал Виа подарком от меня. Мистер Шинглер чрезвычайно любезный человек, однако я тщетно пытался заговорить о том, чтобы выкупить Виа или хотя бы обменять его на выращенного в неволе бенгальского тигра. А ведь на Тринидаде, где около тридцати пяти процентов населения — индийцы, бенгальский тигр был бы отличной приманкой для посетителей. Виа сразу же завоевал такую популярность, что мальчишки, по словам Шинглера, вырыли лазы под забором, чтобы каждый день бесплатно смотреть на своего любимца.

Естественно, Виа не мог взять в толк, как это я, его лучший друг, приехав наконец, тут же ухожу, а его опять бросаю. Глаза выдры выражали такое разочарование, такое горе, что у меня сердце сжалось. «Я и теперь не могу вспомнить о ней без боли…» Что правда, то правда, невыносимо знать, что друг считает тебя предателем.

А ведь если на то пошло, что я мог предложить Виа взамен? В зоопарке Порт-оф-Спейна его кормят свежей рыбой, климат подходящий, и люди не желают ему смерти, чтобы корысти ради содрать с него драгоценную шкуру, а любуются его гибкими движениями и добрым нравом. По-моему, Виа теперь выполняет важнейшую миссию. На Тринидаде нежным ростком пробивается сочувственный взгляд на природу и ее охрану, и, конечно, этот росток крепнет от доверия, с каким Виа относится к ребятишкам, виснущим на ограде вокруг его бассейна. Быть может, кто-то из этих ребятишек, став взрослым, научит и других тринидадцев ценить удивительную природу острова, судьба которой пока что мало кого волнует.

С новым снаряжением я возвратился в Рупунуни, чтобы проследить, как воздействует на фауну дождливый сезон, а заодно позаботиться об устройстве хохлатого орла и тапиров. Атти сумел выходить орла, физически птица была в прекрасной форме, перья почти отросли. Но как же орел изменился психически! Местные жители, особенно дети, тыкали в него палками, дразнили и всячески пугали, теперь он даже меня панически боялся. Прискорбная перемена, но для будущего птицы чрезвычайно полезная. Уж она-то больше никогда в жизни не доверится человеку, ее никто не поймает!

Орел получил свободу и улетел, унося с собой верное представление о среднем обывателе. Надеюсь, он и теперь

наслаждается вольной жизнью в какой-нибудь зеленой, изобилующей дичью долине между гребнями гор Кануку, вместо того чтобы томиться в клетке в Джорджтауне или в одном из зоопарков США, куда он скорее всего был бы продан. Да-да, из достоверных источников мне стало известно, что директор Джорджтаунского зоопарка мистер Ханиф намеревался «экспроприировать» и орла, и тапиров, а также что несколько североамериканских зверинцев давно уже мечтали приобрести знаменитого гвианского орла-обезьяноеда. Надо ли говорить, что на белого тапира — единственного в мире! — сразу нашелся бы покупатель. Крупные зоопарки не пожалели бы отдать десятки тысяч долларов за такую редкость.

А главный предмет моих тревог, Бранку и Бруно, ничего не подозревая, знай себе хозяйничали в саду Джефа Ломаса позади магазина, столь хорошо известного большинству местных вакеро (так здесь называют ковбоев). Кроме тканей, консервов, зеркал, пил, спиннингов, шляп, радиоприемников и прочих товаров первой необходимости, для кентавров экватора, дни которых проходят под знойным солнцем пыльных ранчо, здесь есть ПИВО. Джеф не лишен чувства юмора, и он рассказал мне, как один томимый жаждой вакеро, не успев управиться с десятой банкой, вдруг стукнул ею о стойку и отупело воззрился на дверь за спиной хозяина. Там, в нарядной рамке из гардин, возник… тапир! Зверь смотрел прямо на клиента, и тот мог бы поклясться, что он крутит хоботом, совсем как живой. Вакеро протер глаза, поглядел еще раз — слава богу, немыслимое видение пропало! Бруно — это он вошел в лавку через заднюю дверь — вежливо посторонился, чтобы и Бранку мог взглянуть на новый для них уголок окружающего мира. И когда наш пастух, облегченно вздохнув, допил свое пиво, его глазам снова предстал тапир. Да какой — белый, нет, даже РОЗОВЫЙ! Загорелый вакеро слегка побледнел и вытаращил глаза. Некоторое время взгляд его переходил с небывалого монстра на банку и обратно, наконец, надолго зарекшись пить пиво, он поспешно проковылял к своей верной лошадке и ускакал домой.

Дождливый сезон продолжался. Он пришел на смену засухе, которая держится очень долго — семь, а то и восемь месяцев — в Рупунунийской саванне. Окружающие степь горные массивы притягивают влажный воздух, охлаждают его и забирают почти все осадки, пока не наступает перенасыщение, после чего избыток влаги могучими потоками выливается на жаждущую, истрескавшуюся почву.

Дождь оказывает сильнейшее воздействие на растительный и животный мир. Цапли и другие пернатые рыболовы собираются в

огромном количестве и строят гнезда. Я занимался съемками в разных районах, сражаясь с вездесущей сыростью, и без конца откладывал решение проблемы тапиров. Но наступил момент, когда больше нельзя было откладывать. И дело было не только в тапирах, но и в моих ногах. Если ты день-деньской шлепаешь по грязи и воде, ранки, причиненные насекомыми, не хотят заживать. Сначала была поражена одна ступня, за ней — другая, началось сильное воспаление, и я почувствовал, что надо лечиться, иначе дело может дойти до ампутации. Для диабетиков лечение ран на ногах особенно затруднительно. Чтобы спасти свои конечности, я должен был срочно возвращаться в Швецию.

В последний день я связался с одним другом в Джорджтауне, попросил его выправить экспортную лицензию для тапиров и проследить за их отправкой на самолете через Атлантику. Дело в том, что я решил подарить тапиров зоопарку Кольморден. Обычно разрешение на вывоз животных давал — или не давал — директор Джорджтаунского зоопарка мистер Ханиф, и, казалось бы, уж теперь он шутя заполучит желанного альбиноса. Не тут-то было! Мой друг сразу обратился в более высокую инстанцию, а именно к министру сельского хозяйства, и получил лицензию. Так что на этот раз у мистера Ханифа ничего не вышло; кстати, еще до конца года его за какую-то провинность освободили от директорской должности.

Бранку и Бруно теперь живется хорошо, даже великолепно. Прошлогоднее жаркое лето, наверно, было идеальным для Бруно. Что до альбиноса Бранку, то его всегда лучше оберегать от солнца; правда, у нас оно не палит так нещадно, как в Джорджтауне. Тапирам пошел уже пятый год, и оба вполне довольны своей «саванной» с большим прудом, где они могут поплескаться. Сомневаюсь, чтобы они вспоминали Рупунуни или наш «рай» у подножия гор Кануку. А вот меня они хорошо помнят. Стоит мне приехать к ним в гости и посвистеть — контактный сигнал крупнейшего сухопутного млекопитающего Южной Америки звучит почти как писк, — и тапиры, посвистывая в ответ, трусят на звук: слабое зрение не позволяет им разглядеть меня издали. Мне доставляет удовольствие повозиться с этими увальнями. Морда Бранку выражает полное счастье, в той мере, в какой она вообще способна что-либо выражать, особенно когда я мою шампунем его белую тушу. У моих бывших питомцев есть все необходимое. Или почти все. Они достигли половозрелости, и хотя никто не рассказывал Бруно и Бранку про аиста, про цветы и пчелок, пора уже им стать отцами. Когда я в последний раз ездил за океан, в Венесуэле мне пообещали, что в скором времени к нам из Каракасского зоопарка, возможно, отправится прекрасная дама

из рода тапиров. А то и две дамы…

Виа, по слухам, переживает любовную драму. Из осведомленных кругов сообщают, что он влюбился в собаку мистера Шинглера! Надеюсь, однако, что Амур исправит свою ошибку. Ибо все тот же Каракасский зоопарк обещал мне почти наверно снабдить Виа надлежащей невестой, обаятельнейшей выдрой. Тогда у сказки будет совсем счастливый конец.

Бывает, под вечер моя маленькая дочурка взбирается ко мне на колени и молча обнимает… Отцовское сердце пронизывает теплая волиа, и мне вспоминаются все те существа, «просто животные», которым я заменял в общении сородичей. Чем они были для меня? Тоже заменой, эрзацем объекта нежности, которую мы стремимся излить на ближних, на родных? Трудный вопрос… Пожалуй, отчасти это так, но для меня они отнюдь не «просто животные». В каждом случае я видел перед собой индивида со своим внутренним миром, нередко таким сокровенным, что одним холодным анализом в нем не разберешься, не распознаешь и не поименуешь его связей. Чтобы полностью осознать или хотя бы отчасти понять их ситуацию, надо научиться воспринимать внешний мир так, как они его воспринимают. Когда узнаешь животное близко, по-настоящему узнаешь, совсем другими глазами смотришь на всех представителей вида — ведь речь идет о сотнях, тысячах, иногда миллионах индивидов, — да только нам, людям, очень уж трудно это уразуметь. Я порой испытываю острое, до боли, сочувствие, чуть не отождествляю себя с теми нашими сожителями по планете, которые для большинства моих сородичей «просто животные». Поживите вместе с таким индивидом, как Виа, и вам нетрудно будет представить себе агонию гигантской выдры, пронзенной насквозь зазубренной стрелой. Я ощущаю боль, комок под ложечкой, ужас перед неотвратимым, перед тем, что медленно гасит жизненный светильник этого существа, чувствую невыразимые муки, когда сотни пирай расчленяют еще живого зверя, всего несколько минут назад полного жизни. Постичь вот так, хотя бы однажды, душу «бездушного существа», наверно, было бы полезно всякому, кто бездумно, безрассудно распоряжается жизнью животных — индивидов в единственном и множественном числе.

notes

Примечания

1

Так называемая китайская «танцующая» мышь, разводимая в неволе, известна врожденной привычкой с огромной скоростью бегать по кругу или вертеться на месте. «Танец» начинается вечером, в сумерках, прекращается ночью. Как полагают, эта привычка связана с особенностями строевая внутреннего уха. — *Прим. перев.*

2

Не совсем так: под симбиозом обычно понимают только взаимовыгодное сосуществование двух животных разных видов. — *Прим. ред.*

3

Египетские цапли не поедают «жалящих насекомых», а питаются теми мелкими животными, которых копытные, передвигаясь по саванне, вспугивают из травы. — *Прим. ред.*

4

Многие клички, которые Линдблад давал своим подопечным, сходны со шведскими названиями вида, как если бы по-русски галку назвали Галкой. — *Прим. перев.*

Это не совсем верно: настоящее «запечатлевание», или «запечатление» (imprinting), происходит в немногие первые часы жизни животного. — *Прим. ред.*

Есть русский перевод. См. Дж. ван Лавик-Гудолл, В тени человека, М., «Мир», 1974.

7

Кнют в скандинавских языках не только имя собственное, но и нарицательное; одно из значений — узел. — *Прим. перев.*

8

Бэджер (badger) — по-английски барсук. — *Прим. перев.*

9

Лишь немногие совы охотятся днем. — *Прим. ред*

10

С 1600 года по настоящее время с лица Земли исчезло 94 вида и подвида птиц. — *Прим. ред.*

11

В настоящее время карликовую ласку не выделяют в самостоятельный вид — это просто мелкие особи обыкновенной ласки *Mustela nivalis*. — *Прим. ред.*

12

Степень правдоподобия этой гипотезы на совести автора. — *Прим. ред.*

13

Основное назначение пахучих желез куньих, в том числе и скунсов, — оборонительная функция. — *Прим. ред.*

14

Ловчие беркуты не убивают волка, а только держат, схватив одной лапой за морду, а другой — за крестец около хвоста. Подскочивший на лошади охотник добивает зверя. Чтобы волк движением спины не разорвал беркута, ноги птицы соединяют недлинным ремешком. — *Прим. ред.*

15

То есть вдвое меньше Онежского озера. — *Прим. перев.*